

Штейнер Рудольф.

Праздники года.

Составление, пер. с нем., комментарии
Г.А.Кавтарадзе.

Издательство «Дамаск», Санкт-Петербург, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

К настоящему изданию

ПАСХА

Миф о Бальдуре и мистерия Страстной Пятницы

ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ Дорнах, 2 апреля 1915 г

Миф о Бальдуре и мистерия Страстной Пятницы

ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ Дорнах, 3 апреля 1915 г

Праздник Пасхи Берлин, 12 апреля 1906 г

ВОЗНЕСЕНИЕ

Откровение Вознесения и тайна Троицына дня Дорнах, 7 мая 1923 г

ТРОИЦА

Троица — праздник свободных индивидуальностей

Гамбург, воскресенье Троицына дня 15 мая 1910 г

ПРАЗДНИК ИОАННОВА ДНЯ

Настроение Иоашюва дня Дорнах, 24 июня 1923 г

ПРАЗДНИК АРХАНГЕЛА МИХАИЛА

Христос во время Мистерии Голгофы и Христос в двадцатом столетии Лондон, 2 мая 1913 г

Дополнения.

РОЖДЕСТВО

Значение Рождества с точки зрения духовной науки Лейпциг, 15 декабря 1906 г

Символ Рождественской елки Берлин, 21 декаб. 1909 г

Окультизм основы праздника Рождества Из лекции в Вене 7 мая 1915 г

Окна Земли. Из лекции в Дорнахе 1 декабря 1922 г

Душа человека и универсум. Из лек. в Берлине 20 фев. 1917 г.

Кругооборот года как символ великого мирового года. Дорнах, 31 декабря 1919 г

Отдельные высказывания Рудольфа Штейнера о времени 12 священных ночей

К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемый вниманию читателя очередной тематический сборник лекций Рудольфа Штейнера, подготовленный издательством "Дамаск", посвящен праздникам года. Как и в прежних сборниках ("Происхождение зла и его облик в свете антропософии", "Рудольф Штейнер о России"), в нем представлены лишь отдельные лекции, прочитанные Рудольфом Штейнером в дни больших праздников, ритм которых создает основу христианского года. В лекциях сборника, естественно, нашла отражение христософия духовной науки, однако не в смысле каких-либо догматических положений, а как некоторая сумма установленных духовным исследованием фактов, предоставленных в распоряжение чувства и испытующей мысли тех, кто способен без предубеждения в них вникнуть. Собственно христософия Рудольфа Штейнера развернута в его монументальных евангельских циклах лекций, которые еще ждут своего издания на русском языке. Задача настоящего сборника в этом отношении намного скромнее — дать в руки людей в России, работающих антропософски, некоторый материал, необходимый для обновленного, более сознательного и углубленного прохождения по вехам времени, которыми являются праздники года.

Г.К.

МИФ О БАЛЬДУРЕ И МИСТЕРИЯ

СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЫ ЛЕКЦИЯ ПЕРВАЯ

Дорнах, 2 апреля 1915 г. ПСС т. 161

Церкви созывают верующих в продолжение года колокольным звоном. Колокольный звон отмеряет сроки, отмечает важные даты, а также отмечает моменты, когда верующие призываются в церковь. Этот знаменательный колокольный звон, этот колокольный звон времени прекращается в некоторых церковных общинах в дни празднования Положения во Гроб, жертвенной смерти Христа и возобновляется с празднованием Воскресения той Силы, о которой мы во время наших духовнонаучных рассматриваний часто говорили как о Силе, которая дарует смысл бытию Земли.

Промежуточное время отмечается тем, что неблагозвучие деревянных инструментов, которые употребляются вместо колоколов в эти дни, должно как бы заменять колокольный звон времени, когда души должны вспоминать, что дарующая смысл земному развитию Сила соединилась через свою жертвенную смерть с глубинами бытия.

Возобновление колокольного звона в праздник Воскресения должно показать, что музыка колоколов освящается и делается особенно значительной благодаря приобретенному смыслу развития Земли и что затем они, эти колокола с их знаменательным звоном, будут оглашать вестью об этом весь остальной пронизанный Христом год.

Мы пробовали с самых разных сторон подходить к пониманию сути той Силы, которая через Мистерию Голгофы влилась в импульсы земного развития. Однако из различных рассматриваний вы могли увидеть, что каждый путь души к этой Силе может быть все-таки всего лишь одним из путей, которые всегда пробуждают в известной степени односторонние ощущения и чувства, чтобы они могли достойным образом, с пониманием воспринять то, что должно открываться, когда произносятся имя Христово, то, что должно открываться, когда говорят о Мистерии Голгофы.

Сегодня мы попытаемся снова избрать такой путь. Это будет опять-таки один из путей, ибо только посредством сочетания множества путей, ведущих к Мистерии

Голгофы, можно прийти к пониманию, до некоторой степени соответствующему времени, в котором мы инкарнированы. Изберем сегодня путь, который покажет нашей душе, каким образом народы, которые еще ничего не ведали о Мистерии Голгофы, народы Европы, воспринимали эту Мистерию Голгофы после того, как в своем сердце, в своей душе прошли как бы подготовку к ней.

Я уже указывал в некоторых из прошлых лекций, что в определенное время с европейским развитием соединилось, я бы сказал, трагическое чувство природы, решительно отличавшееся от чувства природы, которое распространялось в первые века христианства в южных странах Европы, исходя именно из христианства. Это последнее чувство природы было определенным образом связано со своего рода бегством от природы, своего рода уходом от природы. В южных странах, где христианство распространялось, вливаясь в греческую и римскую культуру, понятие греха, понятие вины внутренне и интимно связывали с тем, что вливается в человека, в человеческую душу из природы. Прочь от природы в обители духовной жизни, в обители, из которых спустился Христос, чтобы принести спасение человечеству, смысл — земному развитию; освободиться от того, что является только природным в человеке, и обратиться к тому, что может быть в человеке целительным, то есть исцеляющим от греховной природы, — вот слова, которые могут приблизительно выразить это первое христианское чувство природы. Совсем другим чувством природы был счастливо одарен кельтско-германский народный элемент Европы. Для него было невозможно просто бежать от природы, соединять природу с понятием греха и вины. В течение долгих-долгих веков природа стала для них, европейских народов, слишком важной, чтобы они могли так просто бежать от нее. Она стала для них чем-то таким, с чем они настолько срослись, что, приняв христианство, смогли, правда, обратиться совсем к иному миру, чем мир природы, но они не могли сказать себе всего лишь "прочь от природы!" Это "прочь от природы", это обращение взоров и устремление к обителям духа вызывало у них жалобу и душевную боль, вызывало скорбь, так что позади великолепия царствия небесного всегда стояла печаль о

том, что приходилось утрачивать в обителях природы. И если спросить, почему такое чувство было у них в глубине души, то окажется, что отголоском еще не столь отдаленного прошлого — прошлого, которое лежало еще не столь далеко позади, как у восточных или южных народов, - для них еще существовало то, каким образом эти души были связаны с природой. Это было так, как будто в сердцах, в душах еще жило что-то из того святого чувства счастья, испытываемого от совместной жизни с природой, совместной жизни также с божественным в природе. А печаль, боль и стенания вызывались тем, что люди чувствовали: в силу необходимости, в силу железной мировой необходимости человеком утрачено то, что некогда соединяло его со всем бытием, с божественным в природе. Это было не просто чувство, что природа поражена грехом и виной, это было скорее чувство, что вместе с природой утрачено нечто, некогда бывшее бесконечно ценным. Это не было чувство, что надо отвернуться от природы, это было скорее скорбное чувство, что нечто, что свято в природе, само отвернулось от человеческого сердца, от человеческой души и что теперь то, что прежде почитали в связи с природой, надо переживать иначе посредством возвышения к Мистерии Голгофы. Это было бесконечно более реальное и одновременно трагическое чувство, с которым христианство было воспринято в этих областях, нежели это могло иметь место в областях, лежащих к югу от Альп, и на Востоке.

Суть этого древнего ощущения природы нельзя уяснить лучше, как бросив взгляд на то, что может считаться своего рода предчувствием европейскими народами божественной жертвенной смерти Христа, на то, что означает смерть Бальдура и переход Бальдура в подземный мир, в мир Хель, в Нифльхейм.

Я часто указывал, как трудно сегодня вновь пробудить в душах все то, что связано с мифом о Бальдуре, с мифом об этом особом древнем солнечном божестве, которое почитали и которому поклонялись народы Северной Европы. Трудно объяснять это в эпоху, когда думают, будто все время, пока идет развитие человечества, человеческая душа всегда выглядела именно так, всегда переживала в точности то же самое, как в настоящее время. Нужна уже

смелость для того, чтобы помыслить, что душе в древние времена были доступны совсем, совсем другие переживания, чем те, что были возможны для нее в более позднее время, и что это связано с общим переживанием природной жизни.

Представьте себе в самом деле, что душа смотрела на природу древними очами иначе, чем теперь, когда она смотрит на нее современным оком, и слушала древним ухом в природе иначе, чем ныне, когда слушают природу, и уясните себе этот переход, взяв сравнение — сравнение хоть и резкое, но все-таки объясняющее разницу. Вы смотрите теперь на природу внешними очами, видите зелень растений, зеленоватую синеву лесов, голубизну неба, пестрое разнообразие цветущего растительного покрова. Представьте себе, что в силу железной необходимости в человеческой жизни на земле произошел бы такой переворот, что у людей прекратилась способность видеть цвета и что вся природа стала бы являться лишь в серых тонах, что вы смотрели бы на небо и видели несколько иной оттенок серого, чем когда вы смотрите на серые луга; что глядя на разноцветный растительный покров, вы видели бы лишь различные нюансы серого, черного и белого. Представьте себе наступление такого переворота в человеческом видении природы, и у вас будет сравнение с тем, что в действительности произошло в то время, когда у людей исчезла возможность видеть на расстилающемся лугу все те элементарные существа, которые связаны с ростом и жизнью цветов. В то время вследствие могучего переворота в восприятии природы прекратилась возможность взирать на звезды и видеть в них духовно живых планетных духов, окружающих звезды в эфире.

Я часто подчеркивал, что к наиболее неверным суждениям относится высказывание, будто природа не делает скачков. Это высказывание неверно, потому что как в развитии растения существует скачок от зеленого листа к лепестку цветка, так и в развитии человечества произошел огромный скачок, когда от древнего ясновидения, при котором видели, как элементарные духи живут и работают там, где теперь видят лишь простирающийся пестрый ковер из цветов, люди перешли к более позднему видению. Это был огромный скачок! И те

люди, которые составляли население Европы во времена, совершенно совпадающие с тем временем, когда на Востоке уже совершалась Мистерия Голгофы, еще имели живое ощущение того, что некогда было такое древнее видение, что предки их жили в условиях, при которых они могли видеть существ, работавших на лугах и в лесах и в раскинувшемся в бесконечности звездном небе, и что все это прошло, заглохло, угасло. У них было чувство, что когда люди раньше обращали свой взор к ночной луне, то эта луна являлась им не просто в виде ясного месяца, но что этот месяц окружала живая планетарная духовность, которая о многом говорила человеческой душе, и что все это исчезло во времена, в которые приходится жить теперь.

И если душа человеческая задавалась вопросом, что же произошло, если природа так обезбожилась, если там, где ранее был духовный свет, простирается мрак, тогда тот, кто руководил народом, говорил: "Некогда был в мире богов Бальдур, собиравший в себе силу солнечного света. Однако из-за ненависти темных стихий Бальдуру пришлось перенести поле своего действия, которое он распространял на весь человеческий земной горизонт, в подземный мир к Хель. Исчезла провидческая сила древних времен, погас ясный свет солнца, погасло ясное сияние древних богов, и лишь мертвое сияние солнечного света отражается в свете лунного серпа. Мир стал материальным. Скорбной и покинутой является природа, на которую сетуют, о которой скорбят, на которую хотели бы взвалить понятие только греха и вины". Так было вызвано ощущение, которое люди могли иметь в отношении смертного пути древнего солнечного бога Бальдура. Он не существует для провидческих сил, он, бог Бальдур, удалился в подземный мир, он оставил нам скорбящую природу.

Но куда же удалился он? Где, собственно, в реальной действительности находится царство Хель, царство мрака, в которое вступил Бальдур? Где оно? К таким чувствам наша материалистическая эпоха сможет подготовиться, я бы сказал, лишь усвоив соответствующие понятия.

Спросим себя, что значило в древние времена, когда люди, глядя на природу, хотели сказать: "Здесь находится Бальдур". Что это значило? Это значило нечто поистине реальное, нечто, чего, однако, не поймут те, кто думает,

будто человек был устроен во все времена так, как ныне. Когда в древнейшие времена человек выходил из дома и имел на лугу ясновидческие восприятия (правда, иметь их он мог не всегда, а лишь в определенные моменты, но если он мог их иметь в определенные моменты, то он знал, что там являлись ему живительные элементарные духи, о которых я говорил), как это происходило, что человек мог в определенные моменты созерцать элементарных духов? Это не было простое глядение, это не было мертвое восприятие чего-либо призрачного, но это было связано с живым ощущением, живым чувством. Люди ходили по лесам, видели духов, элементарных существ, но они их не просто видели. Я бы сказал, что они впитывали в себя их существо всей душой, чувствовали их дуновение как освежающее духовно-душевное питье; чувствовали, что по эфирному телу проходит дыхание, исходившее от элементарных духов, которых видели на лугу и в лесу. "Они делают меня молодым, — так чувствовал человек, когда поутру выходил из дома, а остаток предутренних сумерек делал зримыми их, элементарных духов лесов и лугов,— они делают меня молодым, они даруют мне силу!" И эта сила продолжала жить в человеке. Человек присутствовал [своим сознанием]* при том, как он становился молодым в элементарной природе. Человек присутствовал при этом.

(* Здесь и далее слова в квадратных скобках добавлены по смыслу.— Примеч. перев.)

Что же произошло со всеми этими обновляющими силами? Они исчезли из внешнего мира, с ними можно было поддерживать лишь грустную, наполовину сознательную связь. Куда же ушли они? Они действовали и далее, но они действовали в известной мере незримо, неслышно; они действовали, но действовали на человеческую природу так, что человек более не был причастен к этому своим сознанием.

И настало время, когда человек — в случае, если он становился ведающим — должен был сказать себе: "Вот здесь, в моей природе действуют эти силы, о которых прежде я мог не только знать, что они во мраке воздействуют на меня, но относительно которых я, более того, обладал провидческой силой; я мог замечать, мог воспринимать, как они втекают в меня из внешнего мира". В царство Хель, во тьму самого человека, в душевное

подземелье человека вступил бог Бальдур. Где теперь Бальдур? Священник, которому приходилось объяснять эту тайну, когда человек спрашивал, "где Бальдур?", должен был отвечать: "Бальдура нет в зримом мире. Так как, будучи человеком, ты нуждаешься в тех формирующих силах, тех обновляющих формирующих силах, которые прежде тебе было позволено воспринимать не в полном сознании; они действуют в тебе и теперь, но без того, чтобы ты знал о них, чтобы твоим знанием ты ничего не отнял от них. Так как в этих силах ты нуждаешься в твоём невидимом, Бальдур исчез из области видимого и удалился туда, где находится мир твоего собственного подсознательного внутреннего существа".

Тогда человека охватывало настроение, которое можно было бы описать в следующих словах: "Итак, как человек я нахожусь частью моего существа в царстве Хель. Я не могу видеть, как из царства Хель мое душевно-телесное существо охватывают формирующие силы моей жизни; бог Бальдур в подземном мире, он у Хель, он незримо воздействует на меня. Угасло и закатилось солнечное царство Бальдура ясновидцев".

Таково было жалобное, печальное настроение, которое может вызывать в душе боль, ибо то была не какая-нибудь малодушная эгоистическая человеческая жалоба; это была жалоба, которую человек испытывает вместе с Космосом. Это была космическая жалоба, космическая печаль, космическая скорбь.

Но вот пришла весть, что удалившееся в царство Хель заново оживлено другой силой, той силой, которую можно найти, заглянув глубоко в свое внутреннее, куда ведь и скрылась древняя сила Бальдура. Бальдур находится в царстве Хель, но в царство Хель, в царство собственного подсознательного человеческого существа сошел Христос — там он оживляет Бальдура. И если человек достаточно углубится в то, чем стал он в течение земного развития, то тогда он вновь обретет обновляющую формирующую силу. "То, что ты утратил, ты обретаешь опять, ибо хотя древний Бальдур спустился в царство твоей собственной тьмы, Христос нашел его там и оживил то, что некогда тебе давалось Бальдуrom и его властью", - так мог священник возвещать тому, кто в областях проживания этих [северных] народов был в состоянии прочувствовать

глубокие тайны вести о Мистерии Голгофы.

Пасхальная весть явилась подобно святому напоминанию о древнейших святых временах, однако подобно напоминанию, которое дает одновременно новую жизнь. Необходимо было говорить себе: "Слишком невелика была сила древнего Бальдура, чтобы ее хватило на все человеческое развитие. Должна была выступить более высокая сила, чтобы дать людям снова то, что им пришлось потерять, что имел только Бальдур". Так напоминанием о древнем Бальдуре и его смерти зазвучала весть о Христе, так зазвучало в человеческой душе воскресение древнего великолепия, которое погрузилось в нее со смертью Бальдура — ныне вновь воскресенной силы.

Теперь необходимо приблизиться к тому, что представляет собой Мистерия Голгофы как смысл земного развития. Спросим себя, с какими ощущениями, с какими чувствами шло историческое человечество навстречу историческому Христу. Ибо дело не в том, чтобы приобрести абстрактное понятие о Существо Христе или о Мистерии Голгофы, а в том, чтобы самому ответить себе на вопрос: чего не может оживить в глубочайших глубинах человеческой души тот импульс, который прошел через Мистерию Голгофы?

Посмотрим на нее, на эту Мистерию Голгофы, на то, как она еще празднуется отдельными религиозными исповеданиями старого мира. — В Страстную Пятницу празднуется Положение во Гроб. Умолкают колокола, безмолвие распространяется по земле. Тот, кто жил в столетия, о которых идет речь, говорил себе: "Немым, беззвучным стал мир. Христос спустился в те части человеческого душевного бытия и космического бытия, в которые пришлось спуститься Бальдуру, потому что его власти не хватило для полного возвеличения человеческой души. Он там, внизу, в тех таинственных глубинах, где нахожусь я сам, когда взираю на подсознательные формирующие силы в моем внутреннем существе". Таинственный трепет пронизывает человеческое сердце, когда оно размышляет: "Прочь ушел из этого мира Импульс Голгофы. Там же, где и ты, внизу, покоится он. Обожди, и он, этот Импульс Голгофы, соединится с Бальдуrom в духовных мирах, которым твоя душа может

принадлежать, если только захочет пойти по пути, который ведет в ее собственные подосновы. Он оживит Бальдура в эти дни, и в твоём внутреннем, о человек, ты обретешь вновь то, что с исчезновением Бальдура из окружающего мира ушло в глубины твоего собственного существа и покрылось мраком. Восприми, о человек, живое представление о Христе, который прошел через Мистерию Голгофы, который внешне не стоит у тебя перед глазами, но вновь восстанет пред твоей душой, если она, наконец, поймет свое внутреннее как элементарную силу, оживляющую души формирующую силу — нисходящую с Луны, исходящую из Солнца. Обожди, обожди, пока не восстанет Он сам, Воскреситель Бальдура. Некогда ты обладал некоторым миром; тебе достаточно было лишь обратить твои внешние чувства на окружающую природу в этом мире и навстречу тебе, без всякого твоего участия, из элементарного мира этой внешней природы текла оживляющая, одушевляющая сила. Царство духа пронизывало все природное бытие, и ты сам, если только умел выждать подходящий момент, жил не в бездуховной природе, ты жил во всем том, что стоит позади природы, выражением чего лишь является она, ты жил в самом бытии природы. Ныне ты больше уже не находишь духовного в природе, тебе приходится искать его посредством углубляющего оживления твоего собственного существа Силой, которая прошла через Мистерию Голгофы. Природа, ты была некогда красноречива, о, столь красноречива, что благодаря твоим формам бывала явлена настоящая, истинная родина человека. Бальдур взял ее с собой, ее здесь нет более, она находится в регионах, которых не может достичь твой направленный на внешнее взгляд. Однако древнее царство, чьи формы некогда выражала окружающая природа, существует. Это царство все еще существует, только ты не найдешь его, следуя лишь путем природы. Ты найдешь его, когда соединишься с Импульсом, прошедшим через Мистерию Голгофы. Природа отнюдь не просто греховна-виновна. Она покинута, покинута родиной, которую надо искать, проникнувшись силой Христа".

Можно было бы думать, что в христианские времена еще улавливалось нечто из того, что люди несли в их воспоминании о смерти древнего Бальдура, чтобы

соединить это с вестью о Мистерии Голгофы. Кому-нибудь покажется, что звук жалобы, звук печали в отношении природы постепенно замер и пропал. Конечно, христианское понимание отличает также то настроение, которое всецело обращено к жертвующему собой Христу, к небесной родине, и среди европейских народностей постепенно становится заметным настроение, при котором на природу смотрят как на младшего, а не как на покинутого ребенка. Если, однако, внимать не просто смыслу слов, а тому, как складываются слова, когда весть о Мистерии Голгофы в VIII - IX веках уже распространилась по некоторым областям Европы, если внимать тому, как говорится о том, что истинную родину человеческой души нельзя найти в земном мире, то еще можно будет ощутить нечто от древнего трагического настроения в отношении природы, лишенной Бальдура. Необходимо только, как сказано, внимать не просто словам, не отвлеченному смыслу слов, но тому, как сквозь слова звучит то, что ощущается относительно природы и относительно другой родины человеческой души, чем та, которой теперь может быть природа.

То, что нечто подобное еще раздавалось после распространения христианства, после того, как явились люди, стремившиеся распространять христианство в форме, в которой оно пришло с Востока, — это, как сказано, можно усмотреть из самых разных высказываний VIII—IX веков, если только различать в них, в этих высказываниях то, что чувствовали тогда. Мы имеем из этих времен Евангелия, изложенные как бы на европейский лад, и одним из таких европеизированных Евангелий является так называемая "Евангельская гармония" Отфрида, монаха, который жил в Эльзасе, который еще через Рабана Мавра познакомился с таинствами христианства и затем попытался переложить на язык своей родины то, чем стало для него Евангелие, чем стала для него весть о Смерти и Воскресении Христа. Отфрид родился в Вейсенбурге (в Эльзасе). На язык, на котором тогда говорили в Эльзасе, он и перевел то, чем по его ощущению стало для него Евангелие. Послушаем только пару образцов того, что может интересоваться нас из этой монашеской вести о Христе из Эльзаса IX столетия как раз в связи с нашей нынешней темой и постараемся

слушать не просто абстрактный смысл слов, но постараемся расслышать в словах то, что можно было ощущать как печаль по покинутой родине человека — природе. Поэтому я приведу это сначала на тогдашнем языке, а затем, насколько удастся, — на современном:

Попытаемся воспроизвести это приблизительно на современном языке:

Мы бедствуем и терпим недостаток во многом,
что нам было дорого,

Мы терпим здесь теперь горькие времена.

В печали мы с нашей болью в этой стране
(он имеет в виду земной мир),

Многоразлично обремененные нашими грехами.

*Работа (на прежнем языке "работа" значит скорее
"забота", "мука"), много забот уготовано нам ныне.*

Ничего не можем узнать о родине мы, сироты,
обреченные на одни жалобы.

Горе, о чужая страна (это он обращается к Земле!)!

О, как ты сурова!

Ты поистине тяжела, — я скажу тебе это всюду.

В заботы погружены те, кто лишен родины.

Я испытал на себе это, ничто мне не мило в тебе,

Ничего иного я не находил в тебе никогда,

кроме повода к жалобам,

заботы для сердца и разного рода боли.

Так исходит из души этого монаха чувство, которое люди испытывали теперь в отношении природы. И так же чувствовали ту Силу, которая прошла через Мистерию Голгофы.

В настоящее время уже трудно, поистине трудно вновь воскресить, как дни больших праздников возвышались над всем горизонтом будничной жизни во времена, когда еще живее переживалось воспоминание о смерти Бальдура, и что человек, пройдя через грустные времена покинутости, получил, наконец, через Того, Кто прошел через Мистерию Голгофы. Человек познал, так сказать, всю горечь смерти только тогда, когда его ясновидческий взор уже больше не видел, как на нивах всходят древние элементарные жизненные силы; когда Земля виделась в своих формах творящей лишь одну смерть — смерть, с которой соединился Бальдур. Но вот теперь, стоя перед

Страстной Пятницей, Страстной Субботой и доходя до пасхального Воскресенья, стоя перед этой смертью, всю горечь которой он научился познавать, человек чувствовал теперь, что она таит в себе всепобеждающую силу жизни, которая прошла через Мистерию Голгофы и которая должна все снова и снова проходить через печально и торжественно настроенную в эти дни душу человека — в ней, согласно речению Ангела Силезского, должны читаться Крестный Путь и Воскресение Христово.

Бесконечно более жизненно переживалась сила Христовой Смерти и Христовой Жертвы во времена, когда эта смертная жертва, эта пронесенная сквозь смерть сила еще ставилась в связь с умершим Бальдуром. Вззирающим на землю из Брейдаблика (так назывался замок Бальдура), в царстве азов вззирающим на землю подобно серебристому солнечно-лунному свету, — таким виделся некогда он, Бальдур, своей силой оживлявший совокупность элементарных существ. В темные глубины сошел он. Страстная Пятница, Страстная Суббота, ночь Страстной Субботы... К новому, смертному царству Бальдура, туда обращался взгляд, но при этом человек знал, что там, в царстве смерти, внизу покоится зачаток, который теперь соединяется с Импульсом земного развития и который принесет новую жизнь, когда воскреснет. Такова смерть, которая ощущается в силе растительного семени, истлевающего в глубинах Земли, и которая вызовет к жизни новое растение.

Подобно могучему слову Божию, доходила благая весть до людей, которые научились из судьбы своего Бальдура понимать смерть. В течение трех дней они могли чувствовать, как подействовало то, что убило Бальдура, то, чего не смог победить он сам. Не сравнимым ни с чем поэтому должно быть чувство, оживляющее нашу душу в мировом безмолвии трех дней, царящем вокруг нас. Не сравнимым ни с чем должно быть это чувство; оно должно выражаться приблизительно так, что ради дальнейшего развития людей смерть все интенсивнее и интенсивнее должна была вторгаться в земное развитие, что темной и до немоты помертвевшей должна была стать окружающая человека природа, когда-то бывшая светлой, как рай, но что в глубине смертного поля бытия зреет вечно побеждающая сила жизни. Мы взираем на нее так все эти

три дня. Он, Христос, покоится там внизу, в пронизанной смертью бездне бытия. Туда следуем мы за ним взглядом, так как мы знаем, что частью нашего собственного существа и мы простираемся в эту бездну мирового бытия, и знаем, что простертую в бездну мирового бытия смерти часть нас самих мы поднимем наверх, только если благодаря Силе, прошедшей через Мистерию Голгофы, соединимся с тем, что иначе стало бы смертью в нас самих.

Так мы нисходим в глубины и знаем, что нам надлежит дифференцировать ощущения, что нехорошо, если в определенные дни мы не доводим до сознания наши дифференцированные ощущения. Наоборот, мы должны учиться сознавать, что ныне настали дни, когда душе надлежит соединиться с тем, что она может узнать о смерти, которая с железной необходимостью вызвала то, что Христос низошел к ней. Завтра мы с другой стороны направим взгляд на Мистерию Голгофы. Но, как сказано, много путей ведет к вершине, где постепенно нам будет становиться все понятнее глубокий смысл Мистерии Голгофы. Он может стать понятным для нас лишь в случае, если мы не только представим себе побеждающего Христа, односторонне побеждающего, но если мы также поставим перед нашей душой образ соединяющегося со смертью Христа. И то, что смерть значит для всей человеческой жизни, могло бы стать нам, возможно, немного яснее, если мы углубимся в чувства, которые можно иметь от мифа о Бальдуре, от того, чем является Бальдур, действующая в элементарном мире живительная солнечная сила, после того, как она прошла через смерть. Если оживить в душе это ощущение от кончины Бальдура, то можно спросить: "Что пришлось бы нам чувствовать в будущем мире, в котором мы вспоминали бы, что когда-то здесь были боги, что они давали нам возможность видеть в красочном сиянии окрестный мир, а теперь все это видится в одних серых тонах?". Но если так и не будет (а так оно было бы, если бы в мир не явился Христос) - то это сделает всепобеждающая сила Христа. В то, во что люди сегодня пока не верят, они поверят однажды: то, что как сила Христа сегодня может действовать только в самом человеческом сердце, будет ощущаться пронизывающим весь Космос, особенно земную часть Космоса, поскольку

этот Космос дарует людям обновляющую, живительную силу.

Давайте же в виду ощущения, которое приводит душу к чувству связи с космическим Христом, подумаем сегодня еще о том, сколь оправданно обратить внимание, что Евангелие также возвещает о космической власти Христа, когда хочет наглядно показать, что Христос — это универсальная, космическая сила, которая может повелевать волнами и ветром. Как раз в образе действующего в волнах и ветре Христа еще многое переживали народы VIII и IX веков. Они говорили: "Благодаря Бальдуру мы когда-то видели вокруг нас чудесное действие элементарного мира, но Бальдур мертв. А Христос — если мы принимаем его в нашу душевную силу - властен посредством нашей душевной силы вновь пробуждать то, что было утрачено со смертью Бальдура. Как Бальдур являлся в ветре и волнах, так и Христос является в ветре и волнах. Это не какая-нибудь абстрактная душевная сила, эта сила действует в ветре и волнах".

А если старательно вслушиваться в евангельский текст "Гелианда", второй наряду с поэмой Отфрида, евангельской поэмой IX века, то также можно еще расслышать, как чувствовали тогда люди, хотя прямо это они и не высказывали: "Да, там, во внешней природе, жил Бальдур". Конечно, певец "Гелианда" уже давно отошел от него, от этого Бальдура. Он не имел никакой заинтересованности в распространении этой идеи среди своего народа с помощью рассудка. Ведь ее-то следовало искоренять! Однако то, как он выбирает слова, как в нем прямо-таки горит сердце, когда он может наглядно показать, что сила Христа действует во всей природе, в волнах и ветре, это — хоть он сам и не доводил этого до своего сознания,- должно было бы вызывать у нас в сознании: "Да, здесь, в волнах и ветре, действовала сила, превосходящая силу Бальдура, сила, которая прошла через Мистерию Голгофы".

Нечто в этом роде чувствуется в словах, в которых он описывает сцену, когда, согласно Евангелию, Христос умиряет ветер и волны. Это производит на него особенное впечатление. Тут он — именно тогда, когда на свой мистический лад он хочет обратить внимание души на то,

что она некоторым образом может почувствовать в деятельности природы, в обожении природы Христом, — тут он выбирает особенные выражения, при которых величие Христа может особенно запечатлеться в душе, выражения, посредством которых с душой может говорить совершенно особая мировая сила Христа.

"Когда народ увидел, как Христос повелевал ветрами, волнами ("Гелианд" особенно сердечно выражает здесь то, что народ испытывал при виде этой Христовой силы, этого Существа, этой личности Христа, которая прошла через Мистерию Голгофы), тогда народ, вся эта толпа начала удивляться, а иные сказывали: "Что за могучий муж это, если и ветер, и волны слушаются его слова? Они внимают его воле. Сын Божий сохранил их (то есть людей), выручил из беды". Суденышко поплыло дальше; ученики причалили к берегу и сказали: "Хвала Господу" и возвестили всемогущество его (то есть Бога)".

Так говорит певец "Гелианда" в одном из первых благовествований, которые гласили о величии Христа, сегодня символически покоящегося в глубинах смертного бытия.

МИФ О БАЛЬДУРЕ И МИСТЕРИЯ

СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЫ ЛЕКЦИЯ ВТОРАЯ

Дорнах, 3 апреля 1915 г. ПСС т. 161

Праздники предоставляют людям возможность совместно припоминать важные, значительные события душевной жизни, события развития. Поэтому уместно будет, если по случаю этих печальных и торжественных дней мы предпримем рассмотрения, которые в медитации или как-либо иначе могут часто появляться в душе отдельного человека, но которые в такие праздничные дни могут быть проведены совместно.

Вчера я указывал, что Положение Христа Иисуса во Гроб в Страстную Пятницу каждого года и его Воскресение в утро пасхального воскресенья знаменуют собой нечто особенно важное как в человеческом, так и в космическом развитии. Это те дни, в которые душа человеческая может, по крайней мере, прочувствовать всю глубину своих самых внутренних, самых существенных забот. Ведь знамение того факта, что Христово Существо или, скажем, воплощение Христового Существа в течение трех дней покоилось в состоянии смерти на земле — мы знаем об этом из наших других рассмотрений — связано с самым глубоким в человеческом существе. И может быть именно сегодня перед собравшимися здесь друзьями можно будет вспомнить об имеющей великое значение мистерии, связанной с этим знамением.

Если со всей отчетливостью ощутить, что значит символическое Положение Христа Иисуса во Гроб в Страстную Пятницу, что значит его пребывание во Гробе, прохождение Христа Иисуса через смерть, если углубиться в этот символ вполне объективно и будучи оплодотворенным достижениями духовной науки, то действительно переживешь, сначала в чувствах и мыслях, нечто такое, что связано с глубочайшими тайнами человеческой природы на земле.

Когда наше здание будет готово, в нем на определенном месте будет стоять выполненное в дереве изображение победы Христового Существа над Ариманом, с одной стороны, и над Люцифером - с другой. Оно должно будет представлять собой то, что при прохождении Христового Существа через Мистерию Голгофы разыгралось в земном

аспекте между Христом, Ариманом и Люцифером. И тут можно сказать: если достаточно глубоко, но со всем пониманием дать воздействовать на душу факту пребывания Христа Иисуса во Гробе, тогда к душе подступит чувство того, что значит борьба Христа против Аримана и Люцифера. Для того чтобы понять это, припомним кое-что из того, что мы уже знаем.

В последнее время особенно часто высказывались намеки, что нечто напоминающее смерть Бога и воскресение Бога предварительно уже существовало в древних религиях, и предполагалось, что из этого можно заключить, будто событие Христа — это всего лишь переделка, скажем, смерти и воскресения Адониса. Однако такими утверждениями только показывали, что действительного понимания события Христа как раз и не приобрели. Ибо событие Адониса или другие подобные события, где бы с ними ни сталкивались, таковы, что выглядят событиями в жизни природы, той жизни, которая повторяется каждый год, которая связана с явлениями природы и, собственно, принадлежит им. Ведь и то, что мы описывали вчера как историю Бальдура, в сущности, тоже связано с явлениями природы, с наблюдениями, которые человек мог производить в древности над природой. В сущности, все древние дохристианские религии были религиями, богопочитание которых было связано с тем, что в явлениях природы и их протекании могло воспринимать древнее ясновидение человеческих душ. Да, в сущности, над этой точкой зрения еще и сегодня не поднялись восточные религии. Действительно поднялось над этой точкой зрения христианство, ибо христианство является в самом выдающемся смысле тем, что можно назвать исторической религией, то есть религией, в которой все сводится к тому, что должно быть понято, исходя из всего хода человеческой истории и человеческого развития в земном бытии. История, земная история существует, собственно, только благодаря Мистерии Голгофы.

То, что земное развитие человека идет по восходящей линии, а затем снова по нисходящей (с иной точки зрения, наоборот, можно также сказать, что люди следуют [сначала] нисходящим путем, а затем снова восходящим), а посередине, как часто описывалось, находится событие

Христа, событие Голгофы, и история получает свой настоящий смысл от этого события Христа, — вот что составляет смысл и настоящее значение христианства. Теперь нам надлежит ответить на вопрос: что вообще представляет собой этот процесс истории, который, я бы сказал, подобно продолжению природы, исходя из деяний человека, простирается на земное развитие? Что такое, собственно, история? Что это такое — то, что совершается, что разворачивается по ходу человеческих деяний, человеческих чувствований, человеческих мыслей, что оно такое, собственно? То, что оно есть, выступит перед душой человека только тогда, когда с душевным взором, обостренным духовной наукой, он будет в Страстные дни стоять пред покоящимся во Гробе Христом Иисусом. Тогда перед ним находится то, чем является история. Ибо тогда — если только душевный взор обострен духовной наукой — обнаружится, что то, чем является здесь на земле история, однажды станет природой на мировом теле, которое будет иметь вид нового воплощения нашей Земли. Подобно провидческому предвозвещению того, чем на Юпитере будут явления природы, выступает на Земле то, что представляют собой исторические события. Что же это такое?

Здесь, на земле, в физическом воплощении человеческая жизнь протекает таким образом, что путем рождения мы переносимся в земное бытие и затем до тридцатых годов нашей жизни проходим восходящее развитие, а после — нисходящее развитие нашего физического существования. У начала этой физической земной жизни стоит наше физическое рождение, у конца ее стоит наша физическая смерть или то, что мы называем физической смертью. Середина человеческой жизни, я бы сказал, приблизительно середина тридцатых годов, проходит для земного человека в его физическом воплощении — если он не очень участвует в важных, существенных внутренних событиях душевной жизни, — более или менее бесследно, по крайней мере для самопознания, наличествующего в большинстве случаев.

Иначе будет обстоять дело, когда земное человечество будет жить на Юпитере. Дело будет обстоять тогда совсем иначе. Сегодня я не буду говорить о том (это можно сделать в другой раз), насколько иначе, чем через

физическое рождение в земном бытии, человек Юпитера будет вступать в свою физическую жизнь. И выходить из своей жизни на Юпитере человек будет также совсем иначе, чем путем земной физической смерти. Однако то, что соответствует середине жизни, что приходилось бы, следовательно, на середину наших тридцатых годов в земной жизни, будет весьма важно, будет исполнено большого значения для жизни человека на Юпитере. Я бы сказал так: "То, чем рождение и смерть являются в начале и в конце земной жизни, дало бы, если их смешать вместе, нечто такое, что для человека, развившегося для жизни на Юпитере, будет наступать в середине его жизни". Итак, представьте себе, в середине своей жизни на Юпитере человек должен будет переживать нечто такое, что вы получили бы, смешав земное рождение и земную смерть. Только не думайте, будто их можно так просто смешать в том виде, в каком они выступают в качестве земных явлений. Рождение и смерть надо сочетать наподобие химического соединения. Если смешать кислород и водород, два газа, то возникнет нечто, совсем не похожее ни на водород, ни на кислород, а именно вода. Таким в середине жизни на Юпитере будет и переживание, которое действительно будет своего рода соединением земной смерти и земного рождения, однако совершенно отличающимся от того, что может дать идеальное, рассудочно мыслимое смешение обоих явлений, рождения и смерти.

Вы видите, что жизнь движется вперед от ступени к ступени так, что если пойти в направлении Юпитера, то надо представить себе, что для человека Юпитера в середине его жизни будет наступать важное событие, событие такого рода, как я только что охарактеризовал. Все сознание человека на Юпитере будет, как вы знаете, совсем другим, чем земное сознание. Чтобы получить сведения о различных ступенях человеческого сознания, вам надо лишь перечитать то, что сказано о различных ступенях развития человеческого сознания от бытия Сатурна до Вулкана в "Хронике Акаши", и тогда вы сможете вспомнить, что на Юпитере наступит род высшего сознательного образного видения, имажинативное сознание, представляющее ступень сознания более высокую, нежели земное сознание. Мы, следовательно,

дорастанем до сознания, которое будет протекать не так, как земное сознание, но будет воспринимать впечатления извне совершенно иначе, чем земной человек; будет по внутреннему произволу составлять себе из этих впечатлений образы наподобие имагинаций, примерно так, как, будучи земным человеком, я воспринимаю нечто и затем делаю набросок, зарисовываю. Так будет происходить это в сознании [людей] на Юпитере, но только восприятие на Юпитере будет иным, нежели восприятие на Земле. Тогда человек будет сам искать себе образы, образные представления, подобно тому, как они возникают благодаря земной жизни; тогда он будет рисовать себе нечто вроде картин того, что будет вливаться в него как содержание имагинативного сознания.

Человек вступит в бытие Юпитера для достижения этого имагинативного сознания. И как земное сознание продельывает развитие, развертывание в течение всего детства, так и это имагинативное сознание будет проходить свое развитие, развертывание. Затем наступит середина жизни [человека] на Юпитере, и в этой середине жизни на Юпитере в период, который для нас действительно может быть символизирован тремя земными днями, для человека Юпитера будет наступать нечто важное, а именно, посреди сознания Юпитера наступит повторение, краткое повторение — ибо повторение будет измеряться лишь днями — повторение земного сознания.

Следовательно, к переживанию жизни на Юпитере будет относиться и то, что там на короткое время будет возобновляться земное сознание, что в середине своей жизни на Юпитере человек будет чувствовать себя земным человеком. Так что когда человек будет проходить через свое имагинативное сознание на Юпитере, будет наступать время, когда он вновь будет обладать лишь своим земным сознанием, которое тогда будет относиться к сознанию на Юпитере так, как наше нынешнее сновидческое сознание относится к нашему дневному сознанию.

Вступив в это земное сознание, в это повторение земного сознания на Юпитере, человеку захочется подвести как бы внутренний итог, окинуть взглядом все то, что он вообще приобрел будучи земным человеком, что он вообще приобрел в течение всего своего прошлого. Как

сказано, земным сознанием мы будем обладать лишь короткое время во время одной жизни на Юпитере, однако во время этого земного сознания мы будем ощущать потребность в интенсивном обзоре всего нашего человеческого прошлого. Для этого оно и будет появляться, это возобновление земного сознания. И когда мы таким образом будем оглядываться назад, нас охватит чувство, что мы должны поставить себе вопрос: "Чего, собственно, достиг ты благодаря всему твоему прошлому? чего достиг ты тем, чем ты стал, будучи земным человеком?" Вопрос этот человеку придется ставить себе, исходя из космической необходимости. Подобно тому как на Земле для того, чтобы существовать, надо есть и спать, так и во время возобновления земного сознания придется спрашивать себя: "Чего достиг ты тем, что стал человеком? для чего стал ты свободным человеком?"

Человек будет как бы подводить итог всего своего земного бытия. И когда он будет ставить этот вопрос, когда будет подводить итог, перед его душой в могучем юпитеровом сновидении встанет то, что им было действительно достигнуто. Однако это юпитерово сновидение будет обладать такой же реальностью, как и все наши реальные земные восприятия. Оно предстанет перед нами не как сновидческий образ, но будет обладать всей той реальностью, какую имеет земной человек, встающий перед нами. И будет так, что перед нами предстанет облик, который даст ясный ответ на наш вопрос. И существо, которое предстанет тогда перед нами в ответ на вопрос, который мы должны были бы ставить себе, — знаете ли вы, что это будет за существо? Это будет Люцифер, и Люцифер скажет: "Узнай же теперь, что всем, чем ты стал как человек в своем прошлом, ты принадлежишь мне".

Человек будет знать наверняка (так же, как земной человек узнает другого человека, когда тот вступает в поле его физического восприятия), что это Люцифер и что на него он [человек] работал всем тем, чем хотел стать как человек. Тогда человек познает все значение и силу Христа, ибо он узнает, что сам по себе он не в состоянии принять иное решение, кроме того, как следовать за Люцифером в его царство.

Только благодаря тому, что из земной истории в

воспоминании выступит событие Христа, Существо Христа, человек будет знать, что это Существо Христа вступило в земное развитие и что оно, это Христово Существо, должно было наделить нас дарами, которые реализуются для нас теперь, во время бытия Юпитера, то есть превращаются в действительную юпитерову сущность, только благодаря которой мы будем в состоянии не идти вместе с Люцифером, а пойти по пути правильного развития Космоса. Ибо чего захочет от нас Люцифер? Чего он будет хотеть от нас? Он скажет нам: "Состояние, через которое ты проходишь сейчас, это повторение земного сознания, значит для тебя многое". Ибо на Юпитере все будет обстоять иначе, чем на Земле. На Земле дело обстоит так, что по достижении середины тридцатых годов мы делаем в отношении многих вещей во второй половине жизни точно то же самое, что делали ранее. Для того чтобы поддерживать наше физическое существование, мы пьем и едим после тридцати пяти лет точно так же, как и до тридцати пяти лет. На Юпитере будет иначе, совсем иначе. Правда, на Юпитере нам не нужно будет пить и есть так, как нам это приходится делать на Земле в земном теле, однако принадлежащее человеку юпитерово тело будет связано с воздействиями природы Юпитера подобным же образом, как человек через еду и питье связан с воздействиями природы Земли. С момента жизни, которого человек будет достигать, имея возобновленное земное сознание, он уже не сможет относиться к своему окружению на Юпитере, как прежде. Выражаясь тривиально, я бы сказал: оно больше не будет ему впрок. Дело будет обстоять приблизительно так, что я воспользовался бы следующим сравнением. Если бы все это происходило на Земле, тогда в возрасте тридцати пяти лет мы достигали бы такого состояния нашего желудка, наших [прочих] органов, что уже не могли бы дышать земным воздухом, не переносили бы земной пищи. Представьте себе, что бы это было такое, если бы нам на тридцать пятом году приходилось проходить такое развитие нашего тела, что, хотя наше внутреннее существо было бы еще вполне способно жить земной жизнью, тело наше было бы не в состоянии переносить что-либо, произрастающее на Земле. Соответственно этому будет обстоять дело на Юпитере. Конечно, тогда будут

совершенно иные условия, однако дело будет обстоять так, что во второй половине нашей жизни на Юпитере мы больше не сможем находиться в непосредственном физическом соприкосновении с Юпитером. Это будет на Юпитере законом природы, безусловным законом природы.

Однако в силу этого же закона природы Люцифер сможет повести за собой нашу душу, которая тогда еще будет способной к дальнейшей жизни, но которая не смогла бы поддерживать свое тело для жизни на Юпитере, если бы Христос тогда не открыл нам, что в первой половине нашей жизни на Юпитере он собрал в нас сокровища, которые будут поддерживать нас во второй половине жизни на Юпитере. Христос на Юпитере проявит внешне не только тот этический характер, который Он проявляет в земном бытии, но Он станет во второй половине жизни человека на Юпитере внутренним питателем, и питание это будет иметь одновременно и моральное значение. Только благодаря тому, что в первой половине жизни на Юпитере Он собрал сокровища питания, Он сможет освободить нас от Люцифера. Если бы этого не произошло, если бы на Юпитере Христос не смог освободить нас от Люцифера, то Люцифер увел бы с собой нашу душу. Наше тело, не имея тогда возможности вступить в отношения с природой Юпитера, распалось бы, отпало от нас, а Люцифер указал бы нам: "Смотри, я беру твою душу, твое же тело отпадает от тебя в сокровищницу Аримана. Он будет отныне владеть им, он будет в дальнейшем жить с ним".

Все будет зависеть от того, в какой мере при этом обратном обзоре, при воссоздании земного сознания наша душа сможет припомнить, как она наполняла себя Тайной Голгофы, пониманием того, что Христово Существо вошло в человеческое развитие, в историческое развитие земного человечества. Ибо представьте себе ужасное состояние души на Юпитере, которой, окинув взглядом прошлое, пришлось бы сказать себе: "Я отрицала Христа во время моего земного бытия. Я ничего не хотела знать о Христе. Я отказалась вовремя узнать о Существое Христа, которое через Мистерию Голгофы вошло в развитие Земли. Мне нечего вспомнить о том, что происходило на Земле благодаря Христу". Если бы нашлись души, у которых во

время жизни на Юпитере было бы искоренено всякое воспоминание о Христе, так как в своем земном бытии они никогда не соблаговолили проникнуться пониманием События Христа, то тогда для них наступил бы день Страшного Суда: в их жизни на Юпитере Христос не возьмет их с собой, чтобы питать их и заботиться о них во второй половине их жизни на Юпитере, но укажет им одной рукой туда, где Ариман подбирает физические остатки людей Юпитера, а другой рукой — туда, где Люцифер увлекает души на свой путь.

И вот, если с тем пониманием, которое духовная наука может дать относительно Мистерии Голгофы, приблизиться к символу лежащего во гробе Иисуса, если видеть в нем не просто внешний символ, но соединить с этим символом все то, что можно знать о Мистерии Голгофы, и если уже достигнуты некоторые способности, чтобы также и видеть то, о чем говорит духовная наука, тогда то, о чем я рассказывал вам теперь, явится пред вашим душевным взором подобно видению человеческого будущего на Юпитере.

В древних посвячительных центрах ученики под руководством посвященных должны были искать то, что в древних мистериях называлось "видением Солнца в полночь". Днем Солнце видят физически. В полночь сквозь Землю посвященные видели Солнце, тогда как Земля была непроницаема для физического взора. Когда, следовательно, они в полночь видели Солнце сквозь Землю, то от Солнца отделялось его физическое бытие, но зато в солнечное бытие бывала вписана Тайна Христа, Духа Солнца. И раньше ученики древних посвященных видели Тайну Христа, Духа Солнца. То было высшее природное созерцание, обретение ясновидения в пределах природы.

То, что изображает нам символ Пасхи, есть обретение ясновидения в исторической жизни земного человечества, обретение ясновидения в отношении того, что, став свободными людьми на Земле, мы, в сущности, уже заключили союз с Люцифером и Ариманом и что спасти нас от этого может только Христос. Тем же самым, чем было в древности "видение Солнца в полночь" для учеников посвященных, может постепенно стать для христиан молитвенное благоговение перед мистерией

Страстной Пятницы и Страстной Субботы. В этот день мы имеем все основания сосредоточиться на том, что связано с внутренним трагизмом, с правомерной скорбью глубочайшего внутреннего существа человека. Мы не смогли бы никогда стать свободными существами, будучи земными людьми, если бы в указанном сегодня смысле не вступили в отношения с Люцифером и Ариманом, если бы не стали способны идти путем Люцифера и путем Аримана. В эти дни человек может вызвать в своем сознании то трагическое, что покоится в подосновах его существа, сказав себе: "Никогда моя свобода не стала бы возможной без возможности следовать за Люцифером и Ариманом". И сознание этого может возникнуть у него в созерцании символа покоящегося во Гробе Христа, который своим деянием отменил то, что должно было настать ради человеческой свободы.

Что скорбь о человеческом существе правомерна, что человек имеет основание не только для радости, но и глубокое, действительное основание, сущностное основание для скорби о своем существе, — это может тихо звучать в душе во дни, торжественно посвященные Положению во Гроб. Ведь остается еще много дней в году, когда человек может думать больше о том, что он приобрел благодаря тому, что земное развитие не осталось покинутым, что Воскресший Христос стал жить на Земле. Однако то, что сделало эту Мистерию Голгофы необходимой, что может жить в человеческой душе как космическая скорбь, — все это может найти выход в эти дни. И если приобретено чувство того, что в ходе истории соединилось с человеческой душой, то в эти дни можно будет скорбеть о человеческом развитии, а еще лучше сказать — сметь скорбеть об этом человеческом развитии. Если же это чувство живет в нас, то оправдана черная обивка, которую нам надлежит избирать для убранства нашего помещения. Поэтому мне так мешало вчера, когда из черного выступал еще и красный цвет.

Красный — это цвет, который наш глаз может встречать, когда пройдут дни скорби, скорби о том, что глубоко трагически связано с человеческим существом. Это было совсем не в христиански-художественном стиле, когда здесь вчера так выделялся красный цвет. Этим вещам тоже надо учиться, а научившись, будешь

чувствовать, что внешние формы имеют свой глубокий смысл и, по существу, связаны с тем, что можно назвать срастанием человеческой души с явлениями Космоса.

И разве не выражено это в установлении срока самого праздника Пасхи? Космически установлен момент праздника Пасхи: первое воскресенье после полнолуния, которое следует за началом весны, 21 марта. Вверху, на небе, находятся знаки, по которым определяется праздник Пасхи. Варварская научность выдвинула в последние годы требование, чтобы Пасха каждый год приходилась на одни и те же дни. Если это будет реализовано, то это лучше всего покажет, сколь далеко в наше время люди хотят отойти от действительной спиритуальной жизни, которая не может развиваться, если человек не замечает, что его душа живет не только в одном том, что циркулирует на земле так, что за внешний знак этого циркулирования можно принять получение и расходование денег. Ибо фиксирование праздника Пасхи было бы весьма удобным делом для того, внешним признаком чего является получение и расходование денег. Но для того, что из жизни космоса втекает в человеческую душу, было бы убийственно, если бы одержала победу варварская научность, которая навсегда хотела бы закрепить пасхальное воскресенье и пасхальный понедельник за одним и тем же днем года, и люди уже не учитывали бы космическое установление этих дней. На таких деталях видно, как человечество держит курс на ариманический материализм. Должны появиться люди, которые благодаря их исповеданию духовной науки будут несколько разбираться в таких вещах.

Вы, конечно, знакомы либо по оригиналу, который уже очень попорчен, либо по воспроизведениям и гравюрам, с мощным произведением Микеланджело, находящимся в Сикстинской капелле в Риме, с его "Страшным судом". Если вы рассмотрите композицию этого произведения, изображающего всемирный суд, то что, по-вашему мнению - теперь, когда вы ближе подошли к духовной науке — представляет собой этот образ всемирного суда? Я говорил только что: у того, кто оснащенный тем, чем может стать для него духовная наука, приближается к символу лежащего во Гробе в Страстную Пятницу и Страстную Субботу Христа, у того — если он уже достиг ясновидения

— пред душой может встать видение только что описанного мной человека Юпитера, жизни человека на Юпитере. Если он еще не достиг ясновидения, то у него все-таки может возникнуть мысль, которая на определенной ступени столь же оправдана, как и видение. Это будет отвечать нашему времени.

И представьте себе, что какой-нибудь художник отдался бы воздействию символа Мистерии Голгофы и во всеоружии современного искусства живописи попытался в живописной форме дать ответ на вопрос: "Что предстанет предо мной, если, исходя из символа лежащего во Гробе Христа Иисуса и вместе с тем из того, что я получил благодаря этому, я погружусь взглядом внутрь себя? что представится мне? Предо мной предстанет в своем юпитеровом, в своем будущем великолепии Христос, сковывающий Аримана в подземной области узами света, так что тот не сможет достать человека, и преодолевающий Люцифера, чтобы он не смог увлечь человеческую душу на свою стезю". Это соответствует тому, что может усвоить душа человека посредством духовной науки.

Все то, что может явиться душе человека в таком виде, для людей, живших прежде нас, то есть для нас самих в прежних инкарнациях, облакалось в образ "Страшного суда", написанного Микеланджело на стене Сикстинской капеллы. То было лишь пророческое прозрение; настоящий же образ [этого будущего] — тот, который я только что описал. То, что может быть узрено благодаря мистерии Страстной Пятницы, люди, направляемые лишь христианским чувством, но еще не духовной наукой, видели в форме, в какой был написан "Страшный суд". Но мы живем в переходное время, и в большинстве случаев продвинутые души — если они еще не восприняли духовную науку — могут сознавать, что человек живет в настоящем в переходное время, в такое время, о котором надо сказать: сыны человеческие утратили понимание того, каким образом раньше видели Страшный суд как последствие пасхальной мистерии или, лучше, мистерии Страстной Пятницы; однако должно возникнуть новое понимание, такое понимание, которое, как это было описано сегодня, приобретает духовной наукой. С его помощью также и мы празднуем на этот раз здесь

Положение во Гроб Христа Иисуса.

Я часто говорил здесь, в этом помещении, о различных вещах, которые так превосходно видел Герман Гримм. Он подробно говорил в своей "Жизни Микеланджело" и о "Страшном суде" Микеланджело в Сикстинской капелле. И так как он был личностью, не похожей на дюжинных ученых, которые все описывают (говорю в кавычках) "объективно", но после основательных исследований всей душой, всем ощущением и чувством оставался при их результатах, то по окончании своего прекрасного разбора "Страшного суда" в "Жизни Микеланджело" Герман Гримм добавил к своему рассмотрению "Страшного суда" следующие слова: "Трудно, если не невозможно, говорить о таких вещах". Он имел в виду то, что представляет для самого существа человеческой души "Страшный суд". Говорить об этом еще не было трудно во времена Микеланджело и прежде всего в живописи, ибо Микеланджело говорил об этом на языке живописи. А те, кто в те времена были посвящены в мистерии религии, могли и говорить об этих вещах. Трудно стало это лишь с дальнейшим течением времени.

"Трудно, если не невозможно, говорить о таких вещах. Наше чувство в отношении них живет на такой глубине, что ее не удастся наполнить ясным светом. Правда, мы пока еще не решаемся признать за тени те телесные образы, которые в качестве священного наследия переданы нам...".

"Итак,— говорит он,— в наше время мы пока еще не решаемся сказать, что то, что Микеланджело мыслил реально связанным с жизнью человеческой души и что он писал на стене,— это голая фантазия". Более глубокие умы, каким был Герман Гримм, пока еще не решаются [сказать это]. Другие, устроенные скорее по типу Людвига Фейербаха или Давида Фридриха Штрауса, решаются сказать, что это фантазерство, или, желая выразиться лучше, современнее, говорят, что это фантазия, — но, говоря о творениях Микеланджело, подразумевают фантазерство. Другие же, более глубокие умы, на это не решаются.

"Правда, мы пока еще не решаемся признать за тени те телесные образы, которые в качестве священного наследия переданы нам, но, как мне видится ход духовного

развития, эти представления будут все более блекнуть и их место займет что-то другое, считающееся символом вечного бытия".

Герман Гримм сознает, что другое займет это место, но тщетно ищет это другое в окружающей культуре. И трагически, я бы сказал, звучат следующие слова: "Ибо без символов, будь то зримые образы или идеи, мы не найдем покоя, как бы ни было ясно нам, что все символическое всего лишь иносказание, образ — пустой для того, кто сам не вкладывает в него содержания собственной души. Но "Страшный суд" на стене Сикстинской капеллы для нас является уже не иносказанием, а памятником фантастической душевной жизни минувшей эпохи и чужого народа, чьи мысли не являются больше нашими мыслями". Это — признание, откровенно сделанное самой себе человеческой душой, как и должен был сделать ум, который не может просто остановиться на том, что теперь мы можем жить в любом будущем, хоть и потеряли то, что вставало перед человеческой душой ранее, когда она переживала мистерию Страстной Пятницы. Это слова человека, который чувствует, что старое миновало, и который смотрит на настоящее и словно тщетно высматривает вокруг что-либо, что может занять место старого. Такой человек проходит через врата смерти в наше время с мыслями: "Где, где, о душа, человеческая душа, ты, которая при созерцании лежащего во Гробе Распятого когда-то углублялась в самые святыя тайны развития мира, где, о человеческая душа, найдешь ты то, что по отношению к этой тайне должно стать твоими новыми мыслями и чувствами? Где, о человеческая душа, найдешь ты то, что снова наполнит тебя, когда ты будешь смотреть на лежащего во Гробе Распятого, будешь созерцать мистерию Страстной Пятницы? Где, о человеческая душа, найдешь ты это?". С этими мыслями проходит через врата смерти такой человек.

Вы поймете теперь, что это значит, если я несколько дней назад здесь, в этом помещении, решился сказать, что были души, которые прошли через врата смерти и которые получили новое чувство того, что такое в действительности человек, когда в их сообщество вступил наш друг Христиан Моргенштерн с просветленным духовной наукой, одухотворенным сознанием, с ясным сознанием всего того,

что было утрачено этими душами. Проникнутый сознанием нового возвещения Христа он пронес через врата смерти в духовные миры новые мысли о Христовом развитии и его связи с развитием человечества. Души, томившиеся по этим мыслям, так как через свои врата смерти они смогли пронести только то, что вставало перед душой как бессмыслица или поблекнувшие образные представления прошлых времен, эти души нашли в нашем друге сотоварища, просвещавшего их.

Так уже обстоит дело после смерти, хоть поверхностные люди и думают, будто, пройдя через врата смерти, человек зрит все тайны. Он не может этого, ибо как во время жизни в эмбриональном состоянии он подготавливается к жизни вне материнского тела, так и к жизни, которую он проводит между смертью и новым рождением, он должен подготавливаться здесь во время жизни в земном теле. И для душ, которые прошли через врата смерти, не восприняв в земном теле мыслей о Мистерии Голгофы, вестником откровения о ней был человек, который поднялся вверх с душой, просветленной тем, чем может быть для души новое возвещение Христа.

Проникнемся в полном благоговении именно такими мыслями в эти дни года. Примем их в той конкретности, с какой они приблизились к нашей душе в связи с нашим Антропософским обществом, примем их в их конкретности в нашу душу и попытаемся от предстающего перед нашей душой в эти дни таинственного празднества Страстной Пятницы, Страстной Субботы получить силу для все более глубокого понимания этих вещей. Воспользуемся тем, чем могут быть для нас эти святые, трагически святые дни, чтобы на нас как подобает подействовало то, что как раз при подобном случае может взойти в нашей душе, освещая глубочайшие бездны всего человеческого бытия, проходящего развитие на Земле, но также и на тех небесных телах, которые станут перевоплощениями нашей Земли. В глубоком, в самом глубоком смысле попытаемся сделать событие Пасхи образом того, что извечно связано с существом человеческой души и через это с нашим самопознанием.

ПРАЗДНИК ПАСХИ

Берлин, 12 апреля 1906 г. ПСС т. 54

Гете высказывал на самые разные лады одно определенное чувство, часто испытываемое им. Он говорил: "Когда я смотрю на непоследовательность человеческих страстей, чувств и поступков, я чувствую потребность обратиться к всемогущей природе и приободриться при виде ее последовательности и упорства". В основе того, что человечество с древнейших времен выражало, учреждая праздники, заключено стремление поднять взор от хаотической жизни страстей, влечений и поступков к великим, последовательным, стремящимся к единству фактам великой природы. Этим фактам великой природы прекрасно соответствует связь великих праздников со знаменательными явлениями в природе. Таким праздником, связанным с событиями в природе, является праздник Пасхи. Для христианина это сегодня праздник Воскресения его Спасителя, однако исстари он справлялся как пробуждение чего-то совсем особенного для человека. Мы взираем на древний Египет с его культом Озириса-Изиды-Гора, выражающим непрестанное обновление вечно бессмертной природы; смотрим на Грецию и видим там праздник в честь Диониса, весенний праздник, который некоторым образом приводится в связь с природой, пробуждающейся весной. В Индии есть весенний праздник Вишну. Божественное разделяется в брахманизме на три аспекта: Брахму, Вишну и Шиву. Брахма по праву именуется великим строителем Вселенной, вызывающим в мире порядок и гармонию. Вишну называют своего рода спасителем, освободителем, пробудителем дремлющей жизни, а Шива — это тот, кто благословляет дремлющую жизнь, пробужденную Вишну, и возносит ее на высоты, каких только возможно достигнуть. Вишну был посвящен свой праздник. Говорили, что он спит в то время года, когда мы празднуем Рождество, и пробуждается ко времени праздника Пасхи. Те, кто называет себя его слугами, знаменательным образом отмечают это время: они воздерживаются от определенной еды и питья и от мяса. Они подготавливаются к обретению понимания того, что происходит, когда на празднике Вишну празднуется

воскресение, пробуждение всей природы.

Праздник Рождества также значительным образом связан с великими событиями природы, с тем, что сила солнца становится все слабее и слабее, что дни становятся все короче, но что, начиная с Рождества, солнце вновь излучает все больше тепла, так что праздник Рождества — это праздник возрожденного Солнца. Похожим образом ощущали праздник зимнего Солнца и христиане. Когда в VI и VII веках христианство захотело прийти в связь с священнодействиями древних, то Рождество Христа Иисуса было перенесено на день, когда солнце начинает вновь подниматься на небосводе. Духовное значение Спасителя мира было приведено в связь с физическим солнцем и с пробуждающейся и возрождающейся жизнью.

Весной с праздником Пасхи связывают, как и со всеми подобными праздниками, некоторое солнечное событие, которое выражается также во внешних обычаях. В первом христианском столетии символ христианства изображался в виде креста, у подножия которого находится агнец. Агнец и Овен — одно и то же. В эпоху, когда подготавливалось христианство, солнце восходило весной в созвездии Овна, или Агнца. Солнце проходит свой путь через созвездия Зодиака, каждый год оно продвигается немного вперед. Примерно за шестьсот-семьсот лет до Христа оно вступило в это созвездие. Две тысячи пятьсот лет движется солнце в этом созвездии, прежде оно находилось в созвездии Тельца. В то время в "тельце" народы почитали то, что им казалось важным в развитии человечества, так как тогда солнце стояло в созвездии Тельца. Когда солнце вступило в созвездие Овна, или Агнца, то и в народных сказаниях, и в мифах как нечто важное появился "овен". Ясон добывает бараний мех в Колхиде, Христос Иисус себя самого называет Агнцем Божиим, и в первые времена христианства Он символически изображается в виде агнца у подножия Креста. Таким образом праздник Пасхи можно видеть в связи с созвездием Овна, или Агнца, и считать его праздником Воскресения Спасителя, так как Спаситель воззвал все к новой жизни после того, как умирал в течение зимних месяцев.

В названном отношении праздник Рождества и праздник Пасхи различаются между собой не столь уже

отчетливо, ибо солнце снова набирает силу со времени праздника собственного воскресения, праздника Рождества. В празднике Пасхи должно выражаться еще что-то иное.

В своем глубочайшем значении праздник Пасхи будет всегда ощущаться как праздник величайшей человеческой мистерии, а не просто как разновидность природного праздника, связанного с солнцем. Он нечто существенно большее — он указывает на христианское значение воскресения после смерти. Еще пробуждение Вишну указывало на пробуждение после смерти. Пробуждение Вишну приходится на то время, когда солнце снова начинает свой подъем зимой, и праздник Пасхи — это продолжение восходящей солнечной силы, которая находится на подъеме уже со времени Рождества. Глубоко в тайны человеческой природы должны заглянуть мы, если хотим понять, что за ощущения испытывали посвященные, когда хотели выразить их в празднике Пасхи.

Человек предстает перед нами двойственным существом: он соединяет душевно-духовное, с одной стороны, с физическим — с другой. Его физическое существо — это слияние всех остальных окружающих его явлений природы. Все они подобно чудесному экстракту проявляются в человеческой природе, где они как бы слиты. Парацельс знаменательно изображает нам человека как слияние того, что простерто во внешнем мире¹ природа предстает перед нами подобно буквам, а человек — подобно слову, составленному из этих букв. В его строении заключена величайшая мудрость; физически он — храм души. Все законы, какие мы можем наблюдать в мертвом камне, в живом растении, в животном, в исполненном наслаждением и болью, соединены в человеке, в нем они мудро слиты воедино. Если мы рассмотрим чудесное строение человеческого мозга с его бесчисленными клетками, взаимодействующими так, что может быть выражено все, что является мыслью, ощущением человека, что так или иначе проходит через его душу, то мы познаем великую мудрость устройства его физического тела. Глядя на весь окружающий нас мир, мы распознаем кристаллизованную в нем мудрость. И если мы познаем все законы окружающего мира, а затем оглянемся на человека, то мы увидим сконцентрированной в нем всю

природу, увидим его как микрокосм в Макрокосме. В этом смысле высказался Шиллер, обращаясь к Гете: "Вы берете всю природу в целом, чтобы пролить свет на частное; во всеобщности явлений природы Вы ищете основу для объяснения индивида. Шаг за шагом восходите Вы от простой организации ко все более и более целостным, чтобы под конец вывести генезис самой сложной организации, человека, из элементов всего мироздания".

Направлять взор на окружающий мир душа человека в состоянии благодаря чудесному строению человеческого тела. Через органы чувств душевный человек взирает на мир и стремится постепенно добраться до той мудрости, посредством которой он был построен.

Рассмотрим с этой точки зрения еще совсем неразвитого человека. Его тело — самое разумное, что только можно себе представить; весь божественный разум влит в одно человеческое тело. Но в нем обитает поистине детская душа, которая едва в состоянии развивать первые мысли, чтобы понять ту таинственную силу, что царит в сердце, в мозгу, в крови. Совсем медленно развивается душа человека, чтобы постепенно понять то, что работало над человеческим телом. Оно же несет на себе отпечаток давнего прошлого. Человек предстает как венец всего остального творения. Должны были пройти зоны, прежде чем вся мировая мудрость соединилась в этом человеческом теле.

Однако мировая мудрость начинает расти в душе неразвитого человека. Она едва грезит о великих мыслях всемирного Духа, построившего человека. Но то, что ныне обитает в человеке как бы во сне, его душевно-духовное, в будущем будет понято человеком. Мировая мысль действовала неисчислимо количество лет, действовала, творя в природе, чтобы под конец создать венец всего этого творения — человеческое тело. В этом человеческом теле дремлет мировая мудрость, чтобы познать себя самое в человеческой душе, чтобы образовать в человеке око и постичь себя самое. Мировая мудрость — во внешнем мире, мировая мудрость — во внутреннем, творя в настоящем, как в прошлом, творя для будущего, которое мы можем лишь предощущать в его величии. Глубочайшие человеческие чувства пробуждаются, когда мы рассматриваем прошлое и будущее таким образом.

Когда душа начинает постигать то чудесное, что было построено мировой мудростью, когда она достигает разумной ясности, просветленного знания сердца в этих вещах, тогда солнце может представиться ей великолепнейшим символом, выражающим это внутреннее пробуждение, открывающим душе через врата внешних чувств доступ во внешний мир. Человек воспринимает свет, потому что солнце освещает вещи. То, что человек видит во внешнем мире, есть отраженный солнечный свет. Солнце пробуждает в душе способность взирать во внешний мир. Солнечная душа, пробуждающаяся в человеке, начинает распознавать мировые мысли времен года, она видит в восходящем солнце своего освободителя.

Когда солнце начинает вновь подниматься на небосводе, когда дни начинают вновь прибывать, душа взирает на солнце и говорит: "Я обязана тебе возможностью видеть простертую вокруг мировую мысль, спящую во мне и во всем остальном". И тут человек глядит на свое прежнее бытие, на то, что предшествовало его нащупывающему чувству миру мировой мысли. Ведь человек много старше своих внешних чувств. Духовное исследование позволяет нам достигнуть момента, когда внешние чувства человека выстраиваются лишь в слабых начатках. Мы приходим к моменту, когда внешние чувства еще не были вратами, через которые душа могла бы воспринимать окружающий мир. Это чувствовал Шопенгауэр, охарактеризовав тот поворотный момент, когда человек достиг чувственного восприятия мира. Он имеет в виду его, когда говорит: "Этот чувственно воспринимаемый мир возник только тогда, когда появился глаз, чтобы видеть мир".— Солнце образовало глаз, свет — [внутренний] свет. Раньше, когда еще не существовало такого внешнего видения, человек имел видение внутреннее. В древнейшие времена развития человечества человека побуждал к восприятиям не внешний предмет, но представления поднимались в нем изнутри — древнее ведение было ведением в астральном свете. Тогда человек имел смутное сумеречное ясновидение.

В мире германских богов человек видел богов также в смутном, сумеречном, астральном созерцании и из него черпал свои представления о них. Это смутное ясновидение погрузилось во мрак и постепенно

совершенно исчезло. Оно было погашено мощным светом физического солнца, которое появилось на небосводе и сделало физический мир зримым для внешних чувств. Таким образом астральное видение человека отступило назад. Если человек посмотрит в будущее, то ему станет ясно, что это астральное видение должно будет вернуться на более высокой ступени. Заново оживет то, что ныне погашено ради физического зрения, чтобы вызвать полное бодрственное ясновидение человека. К дневному зрению добавится еще более ясная, сияющая жизнь человека в свете будущего. К физическому зрению присоединится еще видение в астральном свете.

Водителями человечества являются души, которые уже прежде смерти в течение самоотверженной земной жизни сумели достичь состояния, которое называют прохождением через врата смерти. Оно включает те опыты, которые станут достоянием всего человечества позже, когда оно приобретет астральное видение, которое сделает воспринимаемым душевное и духовное. Это обретение восприятия окружающего нас духовно-душевного посвященные всегда называли пробуждением, воскресением, духовным возрождением, которое в добавление к дарам физических внешних чувств несет человеку дары духовных внешних чувств. Внутренний праздник Пасхи празднует тот, кто чувствует в себе новое астральное зрение.

Так можем понять мы то, что весеннему празднику сопутствуют символы, которые напоминают о смерти и воскресении. Мертв астральный свет в человеке; он спит в нем. Но свет этот воспрянет в человеке. Праздник, который указывает на пробуждение астрального света в будущем, и есть праздник Пасхи.

Около Рождества, когда астральный свет погружается в дремоту, а физический свет пробуждается, начинается состояние сна Вишну. Если же человек достигает отказа от личного, тогда в нем вновь пробуждается астральный свет, тогда он может праздновать Пасху, тогда Вишну снова может пробудиться в его душе.

В космически одухотворенном познании праздник Пасхи связан не только с пробуждением Солнца, но и с появлением растительного мира весной. Как посеянное зерно, будучи погружено в землю, должно сгнить, чтобы

вновь пробудиться, так астральный свет должен дремать в человеческом теле, чтобы стать вновь пробужденным. Символ праздника Пасхи — посеянное зерно, которое приносится в жертву, чтобы возникло новое растение. Это жертва одной фазы природы ради возникновения новой. Жертва и Становление — они сочетаются в празднике Пасхи. Прекрасно и значительно почувствовал эту идею Рихард Вагнер. В 1857 году он находился на вилле Везендонк на Цюрихском озере, там он смотрел на пробуждающуюся природу. Вместе с мыслью о ней к нему пришла мысль об умирающем и вновь пробуждающемся Спасителе Мира, о Христе Иисусе, и мысль о Парсифале, который ищет самого светлого в душе.

Все водители человечества, знавшие, каким образом высшая духовная жизнь людей пробуждается, исходя из низшей природы, понимали идею Пасхи. Поэтому и Данте в своей "Божественной комедии" относит свое пробуждение к Страстной Пятнице. Это нам становится ясно прямо при начале поэмы. На тридцать пятом году своей жизни Данте имеет описываемое им великое видение. Это происходит в середине его жизни. Семьдесят лет насчитывает нормальная человеческая жизнь, тридцать пять лет — ее середина. Тридцать пять лет отводит Данте на приобретение физического опыта, на то время, пока человек все еще воспринимает новые физические опыты. Затем человек созревает для того, чтобы к физическому опыту присоединился духовный. Он созрел тогда для восприятия духовного мира. Когда соединены все растущие, развивающиеся силы физического, наступает момент, когда духовное пробуждается к жизни. Поэтому у Данте это видение возникает в праздник Пасхи.

Начальный рост солнечной силы празднуется на Рождество. С серединой роста солнечной силы связан праздник Пасхи. В середине весны, в момент Пасхи мы находимся там, где, как считал Данте, находится середина человеческой жизни, когда он почувствовал в себе восхождение духовной жизни. Праздник Пасхи правомерно поставлен посередине подъема солнца [на небосводе] в соответствии с моментом, когда в человеке вновь пробуждается дремлющий астральный свет. Сила солнца пробуждает дремлющий посев, покоящиеся в земле зерна.

Зерно сделалось образом совершающегося в человеческой природе, когда в человеке пробуждается то, что оккультист называет астральным светом. Он рождается во внутреннем человека. Праздник Пасхи - праздник воскресения, совершающегося во внутреннем существе человека. Идея Освободителя-Христа приведена в связь с космической идеей.

Существует чувство своего рода противоположности между тем, что христианин видит в празднике Пасхи, и духовнонаучной идеей кармы. Кажется, будто это противоположные вещи — идея кармы и идея спасения Сыном Человеческим. Те, кто не слишком разбирается в основных воззрениях духовной науки, видят такое противоречие между Спасением через Христа Иисуса и идеей кармы. Они говорят, что идея спасающего Бога противоречит самоспасению посредством кармы.— Они не понимают в правильном духе ни пасхальную идею Спасения, ни идею справедливости кармы. Неправильно было бы, если бы кто-нибудь, видя страдания другого, сказал ему: "Ты сам вызвал это страдание",— и потому не захотел бы помочь ему, так как, мол, карма должна оказать свое воздействие. Это — непонимание кармы. Напротив, карма гласит: "Помогай страждущему, ибо ты здесь для того, чтобы помогать. Помогая ближнему, ты улучшаешь счет кармы необходимости. Этим ты даешь ему возможность нести его карму. Ты являешься тогда избавителем от страдания".— Помогать таким путем можно не только отдельному человеку, но и целому кругу людей. Помогая им, включаешься в карму этих людей. Когда такая могучая индивидуальность, как Христос Иисус, приходит на помощь всему человечеству, то действие его жертвенной Смерти включается в карму всего человечества. Он мог помочь всему человечеству нести его карму, и мы можем питать уверенность, что Спасение через Христа Иисуса принято в карму человечества.

Именно идее Воскресения и Спасения принесет понимание духовная наука. Христианство будущего соединит карму и Спасение. Так как причина и следствие связаны между собой и в духовной жизни, то и это великое жертвенное деяние должно иметь свои последствия в жизни людей. Духовная наука углубляет также идею

праздника Пасхи. Идею, которая как бы вписана в звездный мир, которую, как мы полагаем, можно читать в звездном мире. Эту идею праздника Пасхи углубляет духовная наука. Но и в восхождении духа, которое совершится в будущем в человеческом существе, усматриваем мы глубину идеи Пасхи. Ныне человек живет в негармоничных беспорядочных состояниях в середине своей жизни. Но он знает также: как мир произошел из хаоса, так и из его внутреннего, которое пока хаотично, однажды проистечет гармония. Подобно закономерному ходу планет вокруг Солнца, восстанет внутренний Спаситель человека, который в сравнении со всей дисгармонией будет представлять целостность и гармонию. Каждый должен переживать праздник Пасхи как напоминание о воскресении Духа из нынешней омраченной природы человека.

ВОЗНЕСЕНИЕ

ОТКРОВЕНИЕ ВОЗНЕСЕНИЯ И ТАЙНА ТРОИЦЫНА ДНЯ

Дорнах, 7 мая 1923 г. ПСС т. 224

Развитие земного человечества воздвигло перед его сознанием могучие образы, происходящие из различных религиозных систем. Это образы, для полного понимания которых требуется уже некоторое эзотерическое знание. На антропософской почве мы видели в течение ряда лет, как этим способом интерпретируются все четыре Евангелия. Мы применяли антропософски-эзотерическое знание, чтобы выявить более глубокое содержание Евангелий. То, о чем при этом идет речь, передается, как правило, в образах, так как образы не позволяют подавать их столь узко рационалистически, как это делается с помощью понятий и идей. В отношении понятий и идей человек считает, что, восприняв понятие, он видит все, что имеется в виду. В отношении образа, имажинации иметь такое мнение невозможно. Образ, имажинация полны жизни. Можно сказать, что они действуют столь живо, как действует само живое существо, скажем, существо, подобное человеку. Их можно изучать с той или другой стороны, но всегда будут все вновь открываться их новые стороны. И тут нельзя удовлетворяться какими бы то ни было определениями, которые охватывают вещь, но надо добиваться характеристик, которые приближаются к образу с различных сторон и которые все более и более доносят этот образ до понимания человека.

Я хотел бы поставить сегодня перед вашими душами два образа, которые вы хорошо знаете, и охарактеризовать кое-что в связи с ними. Один образ являет нам учеников Христа Иисуса в день Вознесения, когда они, глядя ввысь, видят Христа, поднимающегося на облаках. Обыкновенно этот образ понимается так, что Христос вознесся на небеса, покинул землю и что его ученики были, так сказать, предоставлены самим себе, как и вообще все земное человечество, ради которого Христос прошел через Мистерию Голгофы, оказалось после его Вознесения предоставленным самом себе.

Вы легко можете прийти к мысли, что это явно противоречит реальности Мистерии Голгофы. Ведь мы знаем, что в действительности Христос решил посредством Мистерии Голгофы связать свое собственное Существо с

существом Земли и, значит, с момента Мистерии Голгофы оставаться в постоянной связи с развитием Земли. Так что могучий образ Вознесения мог бы показаться противоречащим тому, что вытекает из эзотерического рассмотрения Мистерии Голгофы относительно связи Христа с человечеством и с существом Земли. Давайте сегодня попытаемся выйти из этого противоречия, основываясь на действительных духовных фактах.

Второй образ, который я хотел бы сегодня поставить перед вашими душами, говорит о том, как через десять дней после Вознесения ученики собрались вместе и на головы каждого из них опустились огненные языки, так что они почувствовали себя тогда, как говорится при популярном изложении, побуждаемыми говорить на разных языках. В действительности же это значит, что отныне они обрели возможность научить тайнам Голгофы каждое человеческое сердце, какого бы исповедания ни держалось оно. Поставим сегодня эти два образа перед нашей душой и добавим кое-что (это может быть, естественно, лишь кое-что) к их характеристике.

Мы знаем, что развитие человечества начиналось не на Земле. Мы знаем, что развитию Земли предшествовало развитие Луны, а ему — развитие Солнца и, наконец, — Сатурна, описание чего вы найдете в моем "Очерке тайноведения". Мы знаем, что в период развития древнего Сатурна человек развился до физического тела, но тогда это физическое тело было в существенном только тепловым телом, то есть являлось суммой тепловых различий, тепловых действий, как бы располагавшихся вокруг душевно-духовного [существа человека], каким оно было тогда именно по смыслу моего "Тайноведения".

Далее мы знаем, что во время развития древнего Солнца человек получил воздушное тело, во время развития древней Луны - своего рода текучее тело, а твердое, собственно земное тело он приобрел только во время развития Земли.

Присмотримся к развитию Земли. Мы знаем, что развитие Земли протекает в семи следующих одна за другой эпохах. Первая эпоха — это в некоторой мере повторение развития древнего Сатурна; вторая эпоха — повторение развития древнего Солнца; третья эпоха — повторение развития древней Луны, мы назвали ее

лемурийской эпохой. С четвертой эпохи начинается собственно земное развитие. Теперь мы живем в пятой эпохе. За ней последуют две других — шестая и седьмая.

1 эпоха — повторение развития Сатурна;

2 эпоха — повторение развития Солнца;

3 эпоха — повторение развития Луны — лемурийская эпоха;

4 эпоха — начало собст. земного развития — атлантическая эпоха;

5 эпоха — послеатлантическая эпоха.

6 эпоха —

7 эпоха —

Середина земного развития приходится на середину атлантической эпохи, так что к настоящему времени Земля уже прошла кульминацию, настоящую середину своего развития. Отсюда вы можете увидеть, что Земля находится уже в нисходящем развитии. Значит, и в наше время мы должны всецело считаться с тем, что Земля находится в нисходящем развитии. Я уже часто обращал внимание на то, что сегодня это вполне согласуется даже с выводами материалистической геологии. В своей книге "Лик Земли" Эдуард Зюсс обратил внимание на то, что пласты Земли, по которым мы ходим, принадлежат, собственно, уже умирающей Земле. В атлантическую эпоху Земля была, так сказать, в своем среднем возрасте. Тогда она была полна внутренней жизни, и когда на ней не было тех образований в виде каменных пород, которые крошатся, но тогда минеральное было столь же деятельным в земном организме, как ныне оно деятельно в животном организме, где лишь в случае, если животный организм болен, оно обнаруживается в виде всяких отложений. Когда же животный организм здоров, то в качестве отложений образуются только кости. Однако они еще имеют внутреннюю жизнь. В них нет того отмирания, как у наших гор, скал, которые рассыпаются в пыль. Это превращение в пыль скал наших горных образований является просто-напросто свидетельством процесса умирания, в котором находится Земля.

Как я сказал, сегодня это понятно уже обыкновенной материалистической геологии. Антропософия должна добавить к этому, что Земля действительно с середины атлантического периода находится в нисходящем процессе

развития. Но к Земле мы должны причислять и все, что принадлежит Земле,— растения, животных и прежде всего физического человека. Физический человек принадлежит Земле. И поскольку Земля находится в нисходящем процессе своего развития, постольку и человеческое физическое тело целиком находится в процессе нисходящего развития. Выражаясь иначе, то есть эзотерически, можно сказать: с середины атлантического периода завершается, собственно, все то, чему было положено начало в тепловом теле древнего Сатурна. Развитие человеческого физического тела было завершено в середине атлантического периода. Затем оно развивалось уже по нисходящей линии.

Когда приблизилось время Мистерии Голгофы, тогда по всей Земле (правда, развитие протекает неравномерно: у одного народа какая-нибудь фаза развития наступает несколько раньше, у другого народа, или у другой расы — несколько позже) в существенном, в среднем состоянии физического существа человека было таково, что, собственно, перед всем человечеством стояла перспектива больше не иметь возможности воплощаться на Земле, то есть не иметь возможности далее участвовать в этом нисходящем развитии Земли. Это было уже вполне известно в школах посвященных, и это, конечно, можно знать и сегодня: ко времени Мистерии Голгофы человеческое физическое тело пришло в упадок настолько, что люди, которые воплощались тогда или несколько позднее, примерно до четвертого столетия, стояли перед опасностью оставить Землю необитаемой и пустынной, не находя в будущем никакой возможности спуститься из духовно-душевного мира и сформировать физическое тело из физических элементов Земли. Опасность этого существовала. Человек, следовательно, должен был бы изменить своему земному предназначению. Взаимодействие ариманических и люциферических властей действительно завело людей настолько далеко, что ко времени Мистерии Голгофы человечество на Земле должно было бы, в сущности, вымереть. А благодаря тому, что свершилось с Мистерией Голгофы, человечество, можно сказать, было спасено от вымирания. Физическому телу человека была снова придана надлежащая свежесть, так что теперь люди могли проходить дальнейшее

развитие на Земле, снова спускаясь из духовно-душевных миров и имея возможность вообще обитать в физических телах. Это было совершенно реальным последствием Мистерии Голгофы.

Я уже часто указывал, что последствие это именно таково, в частности, указывал в цикле лекций, который под названием "От Иисуса ко Христу" был прочитан в Карлсруэ и вызвал наибольшую враждебность, потому что там, исходя из эзотерического чувства долга, были изложены истины, в отношении которых многие люди хотят, чтобы они оставались сокрытыми. Да, можно сказать, что враждебность к антропософии вообще стала проявляться с известных сторон сразу после этого цикла лекций. Таково, значит, было его реальное действие, с одной стороны. Один и тот же факт, естественно, можно излагать по-разному. В том цикле лекций я излагал его иначе, но то, что я характеризую сегодня, есть то же самое, но увиденное только с несколько иной стороны.

Итак, благодаря Мистерии Голгофы были вновь оживлены силы роста и преуспевания физического человека. Этим была дана возможность, чтобы человек в состояниях сна получал некоторый импульс, который он иначе не мог бы получить. Ведь общее развитие человека на Земле протекает в состояниях бодрствования и сна. В состоянии сна он оставляет физическое и эфирное тело. Я п астральное тело становятся самостоятельными в период от засыпания до пробуждения. Во время этого обретения ими самостоятельности во сне происходит воздействие силы Христа на тех людей, которые посредством надлежащего душевного содержания соответствующим образом подготовились к состоянию сна. Итак, воздействие силы Христа происходит преимущественно во время сна.

Теперь представьте себе, что в тот момент, который образно указан в Библии под видом Вознесения, ученики стали ясновидящими настолько, что узрели, в чем, собственно, состоит тайна развития Земли. Тайны развития Земли проходят мимо обыкновенного сознания человека. Обыкновенное сознание может совсем не знать, что в какой-то момент развития человечества происходит нечто в высшей степени значительное для земного развития. Происходит столь многое, но только обыкновенное сознание человека на это не обращает

внимания. А описание сцены Вознесения означает, собственно, то, что ученики Христа в этот момент стали способны наблюдать нечто весьма значительное, происходящее, так сказать, за кулисами земного развития.

То, что они узрели, показало им образно ту перспективу, которая настала бы для людей, если бы не совершилось Событие Голгофы. Перед ними встало в своей духовной телесности то, что произошло бы, если бы не было События Голгофы. Тогда произошло бы следующее. Человеческие тела настолько пришли бы в упадок в земном смысле, что под угрозой было бы поставлено будущее человечества. Такими сделались бы человеческие физические тела. А эфирное, которое находится в человеке, эти эфирные тела последовали бы действию силы их притяжения. Ибо эфирное тело — это, собственно, нечто такое, что непрестанно стремится не к земле, а ввысь к солнцу. Мы, люди, устроены так, что наше физическое тело подлжит действию тяжести Земли, а наше эфирное тело — солнечной легкости. Эфирное тело хочет постоянно устремляться к солнцу. Если бы человеческое физическое тело стало таким, каким оно должно было бы стать без Мистерии Голгофы, тогда человеческие эфирные тела последовали бы их влечению к солнцу, и из-за этого человечество на Земле как земное человечество, естественно, перестало бы существовать.

Солнце — это место обитания Христа до Мистерии Голгофы в том смысле, в каком это здесь часто характеризовалось. Стремясь к солнцу, эфирное тело человека стремится ко Христу. И вот представьте себе образ Вознесения: Христос возносится ввысь перед духовным оком учеников. Это значит, что их душевным очам было волшебным образом явлено, что стремящееся ввысь эфирное тело человека соединяется с силой, с Импульсом Христа, что, значит, человек ко времени Мистерии Голгофы стоял перед опасностью увидеть свое эфирное тело восходящим к облакам, к солнцу, но что Христос удерживает то, что стремится к солнцу. Этот образ надо понимать правильно. Этот образ есть, собственно, предостережение. Христос остается уже соединенным с Землей, но он причастен к тем силам в человеке, которые стремятся к солнцу и хотят навсегда уйти прочь от Земли. А Импульс Христа крепко держит

человека на Земле.

Итак, в образе Вознесения пред душевным оком учеников предстало то, что должно было бы произойти, не будь Мистерии Голгофы. Представьте себе, что Мистерии Голгофы не произошло и некоторое число людей стали ясновидящими, как ученики в этот момент. Тогда они увидели бы, как эфирные тела некоторых людей уходят от земли к солнцу, и осознали бы, что эфирные тела избирают этот путь. Эфирно-земное человека уносится к солнцу. Однако совершилась Мистерия Голгофы. Христос спасает для Земли это устремляющееся к солнцу. И в этом устремляющемся к солнцу, но удерживаемом Христом проявляется как раз тот факт, что Христос остается в соединении с человечеством Земли. Однако в этом заключено еще нечто. Посредством Мистерии Голгофы Христос внес космическое событие в развитие Земли. Христос спустился из духовных высей, соединился с человечеством в человеке Иисусе Назарее, прошел через Мистирию Голгофы, соединил свое развитие с развитием Земли. Это было деяние, совершенное для всего человечества.

Итак, поймите это правильно: ради человечества происходила Мистерия Голгофы. Ясновидческий взор должен, так сказать, постоянно лицезреть, как эфирные силы человека, стремящиеся удалиться от Земли, ради человечества соединяются со Христом, так что Христос может удерживать их при развитии Земли. Это имеет значение для всего человечества. Но подумайте о следующем. Представьте себе, что только малая кучка людей снизошла до того, чтобы приобрести знание о таких фактах, которые связаны с Мистерией Голгофы, и что существует гораздо большая часть человечества — как это фактически и есть, — которая не признает значения События Голгофы. Мы имели бы тогда Землю, населенную малым числом людей, действительно исповедующих Христа, и гораздо большим числом таких, которые не признают Мистирию Голгофы в ее значении. Как обстоит дело с ними? В каком положении находятся эти люди по отношению к Мистерии Голгофы? Или лучше сказать, как относится Мистерия Голгофы, деяние Христа к этим людям. Так вот, мои дорогие друзья, деяние Христа на Голгофе — это объективный факт, который в своем

космическом значении не зависит от того, что о нем думают люди.

Объективный факт существует сам по себе, такой, какой он есть. Когда печка теплая, она не станет холодной от того, что сколько-то людей будет думать, что она холодная. Мистерия Голгофы спасает человечество от распада физического тела, — и безразлично, что думают об этом люди. Итак, Мистерия Голгофы произошла для всех людей значит, и для тех, которые ее не признают. Это надо твердо установить, в первую очередь.

Итак, вы поняли, что Мистерия Голгофы произошла для того, чтобы принести человеческому физическому телу свежие силы, чтобы как бы обновить, оживить в необходимой мере человечество Земли, омолодить его. Это совершилось. Благодаря этому стало возможным то, что люди могут находить на Земле тела, в которых они будут воплощаться в течение определенного, еще очень обширного будущего. Но тем самым люди как духовно-душевные существа все-таки лишь проходят через такие омоложенные земные тела, могут [всего лишь] снова появляться на Земле. Импульс Христа, который должен иметь свое значение также и для духовного, а не только для телесного существа человека, может распространяться на его бодрствующее состояние. Однако он не мог бы распространиться на состояние сна, если бы душа прежде не приняла этого Импульса Христа.

Итак, можно сказать следующее. Мистерия Голгофы имеет силу для бодрствующих состояний человека, даже если люди не получили знания об этой Мистерии Голгофы. Однако тогда это не имело бы силы для состояния сна человека. А то, что должно было бы получиться из этого, было бы следующим. Люди, правда, все снова инкарнировались бы на Земле, но они спали бы так, что в своем духовно-душевном существе утрачивали бы в состоянии сна связь со Христом, если бы не усваивали никакого знания о Мистерии Голгофы.

В этом состоит, конечно, отличие тех людей, которые не хотят ничего знать о Мистерии Голгофы. Христос совершил свое земное деяние на Голгофе для их тел, для возможности их земной жизни. Он сделал это также и для самых неверующих язычников. Но для духовно-душевного существа человека требуется, чтобы Импульс Христа мог

погружаться в душу человека также и в состояниях сна. Для этого необходимо, чтобы человек сознательно исповедовал свою причастность к содержанию Мистерии Голгофы. Значит, правильное духовное действие Мистерии Голгофы может проистекать только из правильного признания содержания Мистерии Голгофы. Итак, для земного человечества должно было наступить, с одной стороны, понимание того, что Христос удерживает спешащее удалиться, непрестанно возносящееся к солнцу человеческое эфирное тело, но [с другой стороны] духовно-душевное существо человека, его я и астральное тело должны воспринимать Импульс Христа в состояниях между засыпанием и пробуждением, подготавливаясь к этому его исповеданием во время бодрствования.

Так что мы можем сказать следующее. Пусть предстанет перед нашими душами образ Вознесения: ученики, ставшие ясновидящими, видят стремление эфирных тел людей вознестись к солнцу; Христос соединяется с этим стремлением, сдерживает его. Это могучий образ — спасение Христом физически-эфирного тела человека, явленное в образе Вознесения.

Но в то же время ученики уединяются, предаются размышлению, впадают в глубокое раздумье. Ибо в их душе живет сознание: через Мистерию Голгофы было осуществлено все [необходимое] прежде всего для физически-эфирного у человека, но что происходит с его духовно-душевым? Откуда к человеку придет сила воспринять Импульс Христа в его духовно-душевное, в я и астральное тело?

Импульс Христа осуществился на Земле в Мистерии Голгофы так, что он поддается проникновению и осмыслению только силами духовного познания. Никакая материалистическая познавательная способность, никакая материалистическая наука не в состоянии понять Мистерию Голгофы. Душа должна принять в себя силу духовного разумения, силу духовного смотрения, силу духовного ощущения, чтобы понять Импульс Христа, то, каким образом он соединился на Голгофе с импульсами Земли.

Для того чтобы это могло произойти, осуществил Христос Иисус свое деяние на Голгофе. И Он осуществил его так, что десять дней спустя после события Вознесения

ниспослал людям возможность также и их внутренним духовно-душевному существом, их я и астральным телом проникнуться Импульсом Христа. Это образ праздника Троицы — пронизание духовно-душевного существа человека силой постижения Мистерии Голгофы, ниспослание Духа Святого. Христос совершил свое деяние для всего человечества. Отдельному человеку, который должен понять это деяние, отдельному человеческому индивидууму Он послал Духа Святого, так что душевно-духовное может найти доступ к общечеловеческому деянию. Посредством Духа надлежит человеку внутренне духовно-душевно овладеть Мистерией Христа.

Так в истории развития человечества выстраиваются один за другим эти два образа, так что образ Вознесения гласит нам: "Для физического тела и эфирного тела событие Голгофы совершилось как общечеловеческое; отдельный же человек может сделать его плодотворным для себя, принимая Духа Святого. Через это Импульс Христа индивидуализируется для каждого отдельного человека".

А теперь к характеристике образа Вознесения мы можем добавить еще кое-что. Такие духовные восприятия, какие ученики имели в день Вознесения, всегда относятся, собственно, к чему-то такому, что человек переживает в том или ином состоянии сознания. Вы знаете, что человек после смерти переживает уход своего эфирного тела. Он слагает со смертью свое физическое тело. Еще несколько дней он удерживает свое эфирное тело, затем эфирное тело растворяется; оно действительно соединяется с Солнцем. Это растворение [эфирного тела] после смерти есть его соединение с тем солнечным элементом, что течет сквозь пространство, в котором находится также и Земля. В этом удаляющемся от человека эфирном теле он со времени Мистерии Голгофы видит Христа, ставшего его Спасителем для будущего земного существования. Так что со времени Мистерии Голгофы каждый человек, умирая, уже имеет перед своей душой тот образ Вознесения, который благодаря особому душевному состоянию ученики видели в тот день.

Однако для того, кто принимает в себя также тайну Троицы, кто позволяет Духу Святому приблизиться к себе, для него этот образ является величайшим утешением,

какое он только может иметь после смерти, ибо он прозревает всю истину Мистерии Голгофы, и тогда этот образ становится утешением для него. Этот образ Вознесения словно гласит ему: "Ты можешь доверять земному развитию во всех твоих последующих земных жизнях, ибо Христос стал через Мистерию Голгофы Спасителем развития Земли".

Для того же, кто своим я и своим астральным телом, познавая и ощущая, не проникает в содержание Мистерии Голгофы, этот образ является упреком. Он является упреком до тех пор, пока человек не поймет, что он тоже должен учиться пониманию этой Мистерии Голгофы. Это до некоторой степени предостережение после смерти: "Постарайся усвоить для ближайшей земной жизни такие силы, чтобы понять также и Мистерию Голгофы". Совершенно естественно, что этот образ Вознесения является сначала предостережением. Ведь в следующих земных жизнях люди могут постараться применить силы, о которых им давалось предостережение, и обрести понимание Мистерии Голгофы.

А теперь посмотрите, какое различие существует между теми людьми, которые внутренними силами веры, понимания, ощущения исповедуют Мистерию Голгофы, и теми, кто не исповедует ее. Мистерия Голгофы совершилась для всех людей только в отношении их физического и эфирного тела. Ниспослание Духа, тайна Троицы гласит, что душевное и духовное существо человека сможет стать причастным к плодам Мистерии Голгофы только тогда, когда человек поднимется до действительного признания содержания Мистерии Голгофы.

Но тем самым одновременно сказано — так как содержание Мистерии Голгофы может быть понято только в духовном, а не в материалистическом познании, — что настоящий праздник Троицы может быть понят, только когда люди поймут, что ниспослание Духа предъявляет к человечеству требование доработаться постепенно до духовопознания. Ибо только через духовопознание может быть понята Мистерия Голгофы.

То, что она должна быть понята, требует тайна Троицы. То, что она произошла для всех людей, раскрывает тайна Вознесения. Эти две вещи в христиански

интерпретированном развитии человечества следуют одна за другой: откровение Вознесения гласит, что Христос совершил свое деяние как общечеловеческое; тайна же Троицы требует от человека как отдельной личности принять в себя Импульс Мистерии Голгофы. Так что можно сказать, что в отношении этих вещей антропософия состоит в том, чтобы добиваться верного понимания тайны Троицы в ее связи с откровением Вознесения. И если мы почувствуем, что антропософия пребывает здесь наподобие своего рода глашатая этих весенних праздников, тогда к тем краскам, которые антропософия имеет для нас, мы добавим еще одну, необходимую ей.

Все это должно сказать вам о том, что может доставить антропософское настроение для верного чувствования праздников Вознесения и Троицы. Образы, которые ставятся перед душой человека такими праздниками, подобны живым существам. Мы можем все больше приближаться к их содержанию, можем все лучше и лучше понимать их. Когда люди вновь достигнут того, что смогут наполнять год таким духовным пониманием праздников, тогда и этот год получит конкретное, но вместе с тем космически-спиритуальное содержание. И человек уже в земном бытии научится переживанию космического бытия.

Можно сказать, что в том случае, когда Троица, являющаяся прежде всего праздником цветов, переживается надлежащим образом, тогда человек идет туда, где, раскрываясь под воздействием солнца, под воздействием эфирно-астрального, распускаются цветы, и человек ощущает в этой покрывающейся цветами земле земное отображение того, что тогда уплотняется в образ Вознесения Христа и в примыкающий к нему образ огненных языков над головами учеников. Раскрывающаяся человеческая грудь также может быть символизирована цветком, раскрывающимся навстречу солнцу. А то, что нисходит от солнца, чтобы дать цветам необходимую плодоносную силу, может символизировать огненные языки, изливающиеся на головы учеников. С помощью этой силы, которая может проистечь опять-таки от понимания праздников года, от правильного рассмотрения каждого праздника, антропософия может действовать на человеческие сердца, помогать настроению, которое могло

бы стать настоящим настроением этих весенних праздничных дней.

ТРОИЦА

ТРОИЦА* - ПРАЗДНИК СВОБОДНЫХ

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЕЙ.

Гамбург, воскресенье Троицына дня 15 мая 1910 г. ПСС
т. 118

* Здесь сохранено принятое в России название праздника, которому посвящена данная лекция (реже используется ветхозаветное "Пятидесятница"; название же "Духов день", отмечающее событие сошествия Духа Святого на апостолов, относится к понедельнику, следующему за воскресным, первым праздничным днем. — Примеч. сост.)

Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными!

Праздники как памятные знаки времени направляют к прошлому наши мысли и чувства. Своим возвещением они будят в нас представления, соединяющие нас со всем тем, что было свято для самих наших душ в прошлые времена. Однако через понимание того, что заключено в таких праздниках, в нас вызываются и другие представления, такие, которые направляют наш взор к будущему человечества, то есть к будущему наших собственных душ. Вызываются чувства, воодушевляющие нас к вживанию в будущие эпохи, а нашу волю вдохновляют идеалы, дающие нам силу действовать так, чтобы в будущем мы все лучше справлялись с нашими задачами.

Праздник Троицы в глубоком смысле слова можно охарактеризовать, направляя духовный взор вперед и назад. В мощной, проникающей глубоко в душу картине перед нами встает то, что сделало праздник Троицы таким важным для людей Запада. Эту картину знает, конечно, каждый из присутствующих здесь. Основатель, Учредитель христианства еще некоторое время после того, как Он совершил Мистерию Голгофы, остается с теми, кто может видеть его в той телесности, которую он принял после Мистерии Голгофы. И тогда чередой значительнейших событий перед душой проходят дальнейшие последствия этого события. В могучем видении его ближайшие последователи видят, как в так называемом Вознесении растворяется телесность, которую Основатель христианства принял после Мистерии Голгофы. А затем, десять дней спустя, следует то, что знаменуется для нас картиной, проникновенно гласящей всем сердцам, которые хотят ее понять.

Собрались вместе последователи Христа, собрались те,

кто первыми уразумели его. Глубоко чувствуют они могучий импульс, вошедший в человеческое развитие через него, и их души с надеждой ж обетование, которое было им дано, событий, которые должны свершиться в самих их душах. В глубоком внутреннем горении собрались они, эти первые последователи, постигшие импульс Христа, в день исстари чтимого в их краях праздника Пятидесятницы. К высокому постижению возвысились их души, словно призванные тем, что изображено как "шум с неба", обратить их способность созерцания к тому, что должно настать, что им предстоит, когда с огненным импульсом, который они приняли в свои сердца, они во всех новых воплощениях будут жить на нашей Земле.

И нашей душе рисуется образ "огненных языков", опускающихся на голову каждого последователя, а могучее видение гласит участникам о будущем этого импульса. Ибо собравшиеся вместе и созерцающие в духе духовный мир ученики, первыми постигшие Христа, чувствуют себя так, как будто обращаются не к тем, кто пространственно и по времени находится непосредственно вблизи них; они чувствуют себя перенесенными своими сердцами далеко-далеко к различным народам земного круга, чувствуют, словно в их сердцах живет нечто, переводимое на все языки, понятное сердцам всех людей. Словно окруженными будущими последователями из числа всех народов Земли чувствуют себя первые последователи [Христа] в могучем видении будущего христианства, встающем в них. Они чувствуют это так, как будто однажды будут обладать силой облечь христианское благовестие в такие слова, которые будут понятны не только тем, кто находится непосредственно вблизи них, но и всем людям, которых они встретят в будущем на земле.

Вот то, что как внутреннее душевное содержание открылось первым последователям христианства в первом христианском празднике Троицы. Однако объяснения, дающиеся в духе истинно эзотерического христианства и облакаемые в образы, говорят, что Дух, называемый Духом Святым, воистину существующий, ниспославший на землю свою силу, когда Христос Иисус передал свой Дух Земле, Дух, проявившийся прежде при Крещении Иисуса Иоанном Крестителем, — это тот же самый Дух, но в иной форме, в виде множества отдельно светящихся огненных

языков опустился на отдельные индивидуальности первых последователей христианства.

В совершенно особой форме говорится нам об этом Духе Святом в праздник Пятидесятницы. Вспомним значение слов "Дух Святой", как они понимаются в Евангелиях. Как вообще говорили о Духе в древние времена, в том числе предшествовавшие христианскому благовестию? О Духе в древние времена говорили во многих смыслах, но особенно в одном. Тогда имелось воззрение, подтверждаемое вновь нашим теперешним духовным познанием, что когда человек через рождение вступает в жизнь, протекающую между рождением и смертью, тогда тело, в которое воплощается его индивидуальность, определяется двояким образом. Ведь человеческой телесности надлежит исполнять, в сущности, двоякую задачу. Мы со всей нашей телесностью являемся людьми вообще, но прежде всего мы являемся представителями того или иного народа, той или иной расы или семьи. В древние времена, предшествовавшие христианскому благовестию, еще мало чувствовали то, что можно назвать "человечеством вообще", тем чувством взаимной принадлежности людей, которое со времени христианского благовестия находит все больше и больше места в человеческих сердцах и которое говорит нам: "Ты человек вместе со всеми людьми на Земле!". Вместо этого тогда больше чувствовали то, что делает отдельного человека членом отдельного племени или народа. Ведь даже в заслуживающей уважения религии индусов это выражено в убеждении, что истинным индусом (индуистом) может быть только индус по крови. Этого же принципа во многих отношениях придерживались, хотя неоднократно нарушали его, и представители древнееврейского народа до пришествия Христа. Считалось, что человек был представителем своего народа только благодаря тому, что его ввела в этот народ родительская чета, принадлежащая к этому народу, то есть родственная данному народу по крови.

Но всегда нужно было чувствовать и нечто иное. Хотя в древние времена у всех народов каждый человек более или менее чувствовал себя членом племени, членом народа, все же чем дальше углубляемся мы в далекое прошлое, тем интенсивнее обнаруживается это стремление

чувствовать себя членом народа, а не отдельной индивидуальностью. Лишь постепенно научились чувствовать себя также отдельным человеком, отдельной человеческой индивидуальностью с индивидуальными человеческими качествами. Это чувствовалось словно два принципа, действующие в нашем внешнем человеке, — принадлежность к народу и индивидуализация в качестве отдельного человека.

Относящиеся к этим двум принципам силы различным образом приписывались обоим родителям. Тот принцип, благодаря которому человек больше подражал своему народу, больше включался в общую жизнь, считался унаследованным от матери. В духе этих древних воззрений о матери говорили, что в ней действует Дух народа. Она была исполнена Духом народа и передавала ребенку это общенародное человеческое. А об отце говорили, что он носитель и наследодатель принципа, который дает человеку более индивидуальные, личные качества. Так что при воплощении человека через рождение в жизнь можно было — еще в духе древнееврейского народа дохристианской эпохи - сказать, что он является личностью, индивидуальностью благодаря силам своего отца. Мать же его всем своим существом была исполнена Духом, который действует в народе и который она переносила на дитя. О матери говорили, что в ней живет Дух народа. И в этой связи говорили преимущественно о Духе, который из духовных царств на окольном пути через матерей ниспосылает человечеству свои силы, вливая их в человечество в физическом мире.

Однако с Импульсом Христа в мир пришло новое воззрение, гласящее, что того Духа, о котором говорили прежде, должен сменить другой, родственный ему, но действовавший гораздо более высоким образом Дух, такой Дух, который относится ко всему человечеству, как старый Дух относился к отдельным народам. Этот Дух должен был быть сообщен человечеству и наполнить его внутренней силой, которая говорит: "Я больше не чувствую своей принадлежности лишь одной части человечества, я принадлежу всему человечеству, я часть всего человечества и все более буду становиться его частью!". Эту силу, излившую общечеловеческое содержание на все человечество, относили к Духу Святому. Таким образом,

Дух, высказывавшийся в силе, что текла в матерей от Духа народа, возвысился от Духа до Духа Святого.

Тот, кто должен был принести людям силу, необходимую для того, чтобы вырабатывать все больше общечеловеческого в земном бытии, мог жить как первенец только в теле, унаследованном от силы Духа Святого. А ее приняла в себя при Благовещении Матерь Иисуса. И в смысле Евангелия от Матфея мы слышим, как был смущен Иосиф (о котором говорили, что он был муж праведный, то есть, в смысле старого словоупотребления, такой, который мог думать, что если у него когда-нибудь будет ребенок, то только рожденный из Духа его народа), когда узнал, что мать его ребенка исполнена, проникнута (ибо так это слово будет иметь в нашем словоупотреблении правильный смысл) силой какого-то Духа, который является не просто Духом народа, а Духом всего человечества! И он не мыслил, что мог бы иметь общение с женщиной, которая родит ему дитя, несущее в себе Духа всего человечества, а не того Духа, которого он придерживался в своем благочестии. Поэтому он хотел, как сказано [в Евангелии], "тайно отпустить ее". И только после того как из духовных миров ему было сделано сообщение, давшее ему силы, он решился иметь сына от женщины, проникнутой и исполненной силой Духа Святого.

Итак, Дух этот творчески проявляется, с рождением Иисуса вливая свои силы в развитие человечества. И далее он проявляется в могучем акте Иоаннова Крещения при Иордане. Теперь мы понимаем, что есть сила Духа Святого. Это сила, все более и более поднимающая человека над всем, что его дифференцирует и обособляет, к тому, что его делает членом всего человечества, населяющего землю, что служит связующим звеном между душами, не различая, в каком они живут теле.

Однако нам говорится об этом же самом Духе Святом, что это он в другом откровении, в праздник Пятидесятницы, вливается в индивидуальности тех, кто первыми постигли христианство. Образ Духа при Иоанновом Крещении встает перед нами в виде голубя. Ныне же является другой образ — образ огненных языков. Голубь — совокупный образ, в котором при Иоанновом Крещении являет себя Дух Святой; в виде множества

отдельных языков [пламени] проявляется он в праздник Пятидесятницы! И каждый из языков инспирирует индивидуальности, каждую из индивидуальностей первых последователей христианства. Что же предстает перед нашей душой в этом символе Троицы?

После того как носитель общечеловеческого Духа явил свое действие на Земле, после того как Христос дал своим последним оболочкам растаять во всеобщем, после того как единая оболочковая природа Христа как целое растворилась в духовном бытии Земли, только тогда в сердцах последователей Импульса Христа появляется возможность говорить об этом Импульсе Христа, действовать в духе этого Импульса Христа.

Исчез в едином духовном мире через Вознесение Импульс Христа, проявлявшийся во внешних оболочках; вновь показался он десять дней спустя из сердец отдельных индивидуальностей, его первых последователей. И благодаря тому, что тот же самый Дух, который действовал в силе Импульса Христа, вновь явил себя в многообразном обличьи, благодаря этому первые последователи христианства сделались носителями и глашатаями вести Христовой, устанавливая этим при начале христианского развития великую веху, знак истины, который может сказать нам: "Как первые последователи в отдельности приняли Импульс Христа, смогли принять его в виде огненных языков, инспирирующих их души, так и все вы, люди, если вы постараетесь понять Импульс Христа, сможете индивидуализировать эти силы, принять в ваше сердце Импульс Христа, принять силы, которые помогут вам действовать все совершеннее и совершеннее в духе этого Импульса".

Глубокая надежда может исходить для нас из этого знака, установленного у исходного пункта христианства. И по мере своего совершенствования человек может чувствовать, что Дух Святой говорит изнутри него, так как его мышление, чувство и воление проникнуты Духом Святым, являющимся благодаря своему разделению, благодаря умножению своих образов индивидуальным духом каждой отдельной человеческой индивидуальности. Этим Дух Святой становится для нас, людей, по отношению к нашему будущему развитию духом развития

свободного человека, свободной человеческой души. Дух свободы живет в Духе, который в первом христианском празднике Троицы излился на первых последователей христианства, Дух, чье самое важное свойство указано самим Христом Иисусом: "Вы познаете Истину, и Истина сделает вас свободными!".

Человек может стать свободным только духовно. Пока он зависит от телесности, в которой живет его дух, он остается ее рабом. Свободным он может стать, только найдя себя в Духе и из Духа став господином того, что есть в нем. Стать свободным — значит найти себя как духа в себе самом. Истинный Дух, в котором мы можем обрести себя,— это всеобщий Дух человечества, которого мы познаем как входящую в нас силу Духа Святого, которого мы должны родить в себе, которому мы должны помочь проявиться. Так символ дня Троицы превращается для нас в могучий идеал свободного развития человеческой души в направлении замкнутой в себе свободной индивидуальности.

Более или менее смутно это чувствовали даже те, кто, исходя отнюдь не из ясного сознания, а из инспирации, устанавливал праздник Троицы в определенный день года. Примечательную глубину являет само это внешнее установление праздничных дней, и мир мало понимает тот, кто не может ощутить мудрости, действующей даже в установлении таких дней.

Возьмем три праздника — Рождество, Пасху и Троицу. Рождество как христианский праздник приходится на вполне определенный день года. Оно установлено в определенный день декабря раз и навсегда. Мы празднуем Рождество каждый год в один и тот же день. Иначе с Пасхой. Пасха подвижный праздник, он определяется конstellляцией, устанавливающейся на небе: Пасха наступает в первое воскресенье после полнолуния, следующего за днем весеннего равноденствия. Для этого человек должен обратить взор в небесные дали, где светила следуют своими путями и из небесных далей возвещают нам законы мироздания. Праздник Пасхи подвижен, как у отдельной человеческой индивидуальности подвижен момент, когда вместе с более высоким сознанием пробуждается сила высшего человека, чтобы освободиться от обыденного низшего. Подобно тому

как Пасха происходит в одном году в этот день, а в другом — в тот, так и у отдельного человека рано или поздно, в зависимости от его прошлого и силы его стремления, наступает момент, когда он осознает: "Я могу найти в себе силу воскресить высшего человека в себе!".

Рождество же неподвижный праздник. Это праздник, когда за год перед человеком уже прошли расцвет и увядание природы, все радости ее бьющих ключом и струящихся сил. Человек видит жизнь Земли в состоянии сна, в которое погрузилась сила роста. Замкнулась в себе внешняя природа вместе со всеми заключенными в ней производительными силами. Когда во внешнем чувственно воспринимаемом мире видно наименьшее проявление этих производительных сил, когда сама Земля показывает, как духовные силы отступают в определенное время, чтобы собраться для жизни следующего года, когда внешняя природа более всего молчалива, тогда, в праздник Рождества, человек должен пробудить в себе мысль о том, что у него есть надежда, что он соединен не только с умолкшими на Рождество силами Земли, но и с силами, которые не умолкают никогда, с силами, которые живут не просто на Земле, но в духовных царствах. Надежда должна проснуться в его душе, так как словно уснувшей видит он Землю. Эта надежда должна истекать из сокровеннейших глубин самой его души, и духовный свет должен возникнуть, когда во внешней физической природе стало совсем темно. Тогда, в праздник Рождества человек должен вспомнить, что он связан со своим земным телом силами своего я прежде всего так, как в течение года с жизнью Земли связаны откровения окружающего его мира. В связи с наступающим каждый год в один и тот же момент засыпанием Земли установлен праздник Рождества, когда человек должен вспомнить, что он связан с телом, но не обречен на связь с ним одним, и что он в себе может черпать надежду, что обретет силу для того, чтобы стать свободной душой в себе самом. То, что мы узнали о значении праздника Рождества, должно напоминать нам о нашей связи с телом и нашем праве освободиться от него. Однако от нашего стремления будет зависеть, раньше или позже мы разовьем силы, на которые смеем надеяться и которые направят нас вновь к духовному, к Небу. Мысль об этом приближает к нам

другую веку, другой знак Истины - праздник Пасхи.

Праздник Пасхи должен напоминать нам не только о том, что мы располагаем силами, которые встают из нашего тела и которые ведь тоже являются божественно-духовными силами, но и о том, что, будучи людьми, мы можем подниматься над землей. Поэтому праздник Пасхи напоминает нам о той силе, которая рано или поздно пробудится в нас. Праздник Пасхи установлен подвижным в соответствии с конstellляциями на небе. Направляя взор на небо, человеку надлежит разбудить воспоминание о том, чем он может быть, чтобы увидеть, каким образом он может стать свободным от всякого земного бытия и подняться над всем земным.

В том, что приходит к нам как такая сила, заключена возможность нашей внутренней свободы, нашего внутреннего освобождения. Почувствовав, что мы можем подняться над самими собой, мы будем стремиться действительно достигнуть этого возвышения. Тогда мы захотим освободить нашего внутреннего человека, как бы оторвать его от прикованности к внешнему человеку. Тогда мы, хоть и будем жить в нашем внешнем человеке, но с полным сознанием духовной силы внутреннего человека. И с того момента, когда мы заметим, что можем освободить себя, тогда уже от этого внутреннего праздника Пасхи будет зависеть, достигнем ли мы также Троицы, когда дух, который обрел себя в себе самом, мы наполним содержанием, исходящим не от здешнего, а от духовного мира. Только это одно содержание, исходящее из духовных миров, может сделать нас свободными. Он есть та духовная Истина, о которой Христос говорит: "Вы познаете истину, и Истина сделает вас свободными!". Поэтому праздник Троицы зависит от праздника Пасхи, он следствие праздника Пасхи: праздник Пасхи устанавливается в соответствии с конstellляциями на небе, праздник Троицы должен следовать за праздником Пасхи как его необходимое последствие несколько недель спустя.

Так, при более глубоком размышлении мы видим, что даже в установлении сроков праздников Пасхи и Троицы действует мудрость. Мы видим, что эти праздники с необходимостью установлены именно так в ходе года и что с каждым новым годом они показывают нам, чем мы были, что мы есть и чем можем стать как люди.

Если мы можем мыслить таким образом об этих праздниках, то как праздники, соединяющие нас с прошлым, они станут для нас тем, что заключено в человечестве как импульс дальнейшего развития. Особенно праздник Троицы, если мы понимаем его таким образом, наделяет нас уверенностью, силой и надеждой, так что мы знаем, чем мы можем стать в наших душах, если последуем за теми, кто, первыми поняв Импульс Христа, сделали себя достойными излияния на них огненных языков. Пред нашим духовным оком чудесно встанет право на принятие Духа Святого, если праздник Троицы мы поймем одновременно как праздник будущего. Но тогда мы и этот праздник Троицы должны учиться понимать в истинном смысле. Тогда мы должны учиться понимать прежде всего то, о чем говорили мощные языки [пламени], могучие инспирации праздника Духа Святого. Что вырывалось медными звучаниями из "шума", раздавшегося после той картины, которая стоит перед нашей душой как образ первого христианского праздника Троицы? Что за голоса звучали, глася в чудесной гармонии сфер: "Вы почувствовали силу Христова Импульса, вы его первые последователи! И сила Христова стала в вас силой ваших собственных душ, так что после События Голгофы каждая душа способна видеть Христа в настоящем. Так сильно подействовал на каждого из вас Импульс Христа!"

Но Импульс Христа — это импульс Свободы. То, как он действует в самом истинном смысле слова, не обнаруживает себя, когда он действует за пределами человеческой души. Настоящее действие Импульса Христа проявляется только тогда, когда он начинает действовать в самой душе индивидуального человека. Первые последователи Христа чувствовали, что событием Пятидесятницы они призваны возвещать о том, что находилось в их собственной душе, что раскрывалось им в откровениях и инспирациях их собственной души как содержание учения Христа. Христос давал эту силу, благодаря которой из их собственной души поднимались слова, возвещаемые ими в христианском благовестии. Сознывая, что в священном приготовлении, которому он и следовали до праздника Пятидесятницы, действовал Импульс Христа, они силой действовавшего в них Христова Импульса чувствовали себя призванными дать говорить в

себе самих огненным языкам, индивидуализированному Духу Святому, идти и нести послание Христа.

Не просто то, что сказал им Христос, не одни только слова, которые говорил Христос, признали они, познав смысл события Пятидесятницы, но словами Христа они признавали то, что идет из силы души, чувствующей в себе Импульс Христа. Поэтому Дух Святой изливается индивидуализирование в каждую человеческую душу, которая развивает в себе силу, позволяющую чувствовать Импульс Христа. И тогда для такой души обновляются слова: "Я с вами во все дни до скончания века!".

Тогда и те, которые серьезно старались постичь Импульс Христа, могут по побуждениям, которые вызывает в их сердцах Импульс Христа, почувствовать себя призванными возвещать слово Христово, как бы ново, как бы иначе ни звучало оно в различные эпохи истории человечества. Не для того излился Дух Святой, чтобы мы держались тех немногих слов Евангелий, которые были произнесены в первом десятилетии основания христианства. Он излился для того, чтобы послание Христа могло сообщать нам все новое и новое. Человеческой душе нужны все новые слова в соответствии с продвижением людских душ от эпохи к эпохе, от инкарнации к инкарнации. Разве души, идущие от инкарнации к инкарнации, должны обходиться слушанием все тех же слов возвещения о Христе, которые произносились, когда эти души были воплощены в телах современников явления Христа на земле? Импульсу Христа присуща сила обращаться ко всем людям до конца цикла земного развития. Но для этого должно было произойти то, что сделало возможным в каждую эпоху соответствующим образом возвещать Христа ушедшим вперед душам людей. И если мы чувствуем всю силу и мощь Импульса праздника Пятидесятницы, то мы почувствуем себя обязанными вслушаться в слова: "«Я с вами во все дни до конца земного развития!»". Если вы исполнены Импульсом Христа, то сквозь все эпохи вы сможете слышать слова, сказанные при основании христианства его Учредителем, слова, которые Христос произнес на все времена, так как он с людьми во все времена, и которые слышны тем, кто хочет слышать.

Таким образом мы воспринимаем силу праздника

Троицы как нечто, что дает нам право смотреть на христианство как на постоянно растущее и дающее нам все новые и новые откровения. Мы те, кто сознает, что в современной духовной науке мы возвещаем слова самого Христа, доносящиеся до нас из духовных миров. Мы говорим тем, кто хотел бы законсервировать христианство в его первоначальной форме: "Мы те, кто действительно понимает Христа, ибо мы понимаем настоящий смысл Троицына дня".

Чувствуя себя, таким образом, призванными извлекать все новые богатства мудрости из христианства, мы будем извлекать из него именно те богатства мудрости, которые будут отвечать человеческой душе, развивающейся от инкарнации к инкарнации. Христианство неизмеримо богато, но люди были не всегда столь же богаты в столетия, когда христианству надлежало сначала быть проповедованным. Сколь самонадеянно сегодня было бы сказать, что человечество уже созрело для понимания христианства во всей его бесконечной полноте и величии! Истинное христианское смирение говорит, что мудрость христианства необъятна, а способность ее восприятия людьми вначале была ограничена, однако она будет все более совершенствоваться и созреть.

Бросим взгляд на первые столетия христианства и даже вплоть до нашего времени. Великий, могучий импульс, величайший из всех когда-либо данных человечеству во время земного развития, был дан с Импульсом Христа. Это может осознать каждый, кто учится познанию земной эволюции в ее основных законах. Но при этом нельзя забывать одного: на сегодня принято лишь самое малое из того, что содержит Импульс Христа. В течение почти двух тысячелетий христианского развития то, что содержалось в христианстве (но что сокровенным учением стало лишь для тех, кому было принесено христианство), не могло быть внесено во внешнюю экзотерическую жизнь. Например, не могло быть внесено то, что может возвещаться как христианская истина в нынешнюю эпоху, — идея перевоплощения человека, или реинкарнации. И сегодня, говоря о реинкарнации — именно в том смысле, в каком мы характеризовали праздник Троицы, — мы отдаем себе отчет в том, что идея реинкарнации — это христианская истина, которая также экзотерически может

возвещаться ставшим более зрелыми человеческим душам, но которая еще не могла быть возвещена незрелым душам в первые столетия христианского благовестия.

Однако недостаточно указать по пунктам, что в христианстве также содержится идея реинкарнации. У всех противников духовной науки, называющих себя христианами, можно видеть, насколько мало в экзотерическом христианстве знают о реинкарнации. Единственное, что в нем знают о ней, так это то, что духовная наука учит чему-то вроде перевоплощения! Этого достаточно для того, чтобы сказать, будто это индийское или буддийское учение. И не знают того, что живой Христос, действующий из духовных миров, является сегодня живым Учителем реинкарнации. Полагают, будто человечеству должны сообщаться лишь старые, законсервированные учения. Реинкарнация, а также учение о карме, которые будут занимать нас в последующие дни, — это то, что до сих пор не могло проникнуть в экзотерическое христианство. Лишь постепенно, частями надлежало сообщать человечеству полноту истины, которая заключена в христианстве.

Однако вместе с самим Импульсом Христа, который является не учением или доктриной, а силой, которая должна быть пережита в глубине души, вместе с самим этим Импульсом нам дано нечто. Что именно дано в нем, мы можем понять, поставив Импульс Христа в связь с учением о реинкарнации.

Мы знаем, что всего лишь за несколько столетий до возникновения христианства на Востоке было дано настоящее учение — учение великого Будды. И в то время как Сила и Импульс христианства распространялись из Передней Азии на Запад, Восток был свидетелем широкого распространения буддизма. Но мы знаем о нем, что он таит в себе учение о реинкарнации. Однако, как таит он его в себе?

Для того, кто знаком с фактами, буддизм является конечным продуктом предшествующих ему учений и откровений. Поэтому он содержит в себе все величие древности. Тем не менее он представляет нечто вроде конечного вывода из древней мудрости человечества, в которой заключалось и учение о реинкарнации. Но как облакает ее буддизм в свои откровения? Он делает это так,

что человек, конечно, взирает на инкарнации, через которые он прошел, взирает на инкарнации, через которые ему еще предстоит пройти. Для буддизма это совершенно экзотерическое учение — то, что человек живет, следуя через инкарнации. Не следует говорить об абстрактном тождестве всех религий! В действительности между ними всегда существовали огромные различия, как, например, между христианством, которое столетиями не питало мыслей о реинкарнации, и экзотерическим буддизмом, который жил всецело в этих мыслях. Тут не место для абстрактного сопоставления этих вещей, но надо признавать действительность. Буддист питает уверенность в том, что человек всегда возвращается на землю. Но, глядя на это, буддист говорит себе: "Преодолевай влечение к этим инкарнациям, ибо твоя задача состоит в том, чтобы как можно скорее освободиться от тягот инкарнаций и освобожденным от всех земных инкарнаций жить в царствах духа!". Так смотрит буддист на следующие одна за другой человеческие инкарнации; он стремится приобрести как можно больше сил, чтобы как можно скорее избавиться от этих инкарнаций. Одного нет в буддизме, и экзотерическое учение обнаруживает это. В нем нет того, что можно назвать импульсом, настолько сильным, что он может все более совершенствоваться в нас, так, чтобы буддист мог сказать себе: "Пусть приходят инкарнации! С помощью Импульса Христа мы можем сформировать себя так, чтобы извлекать все больше из опытов и переживаний этих инкарнаций. От Импульса Христа получаем мы силу, которая может давать все более высокое содержание этим инкарнациям". Если пронизать буддизм или то, что в нем является истинным учением о реинкарнации, Импульсом Христа, то вы получите новый элемент, дающий Земле в развитии человечества новый смысл!

С другой стороны — христианство. Оно имеет Импульс Христа также как нечто экзотерическое. Но как имело оно в истекших столетиях этот Импульс? Конечно, экзотерический христианин видит в нем нечто до бесконечности совершенное, что должно жить в нем как великий идеал, к которому он приближается все более и более. Но сколь самонадеянно для христианина было бы думать, будто в одной инкарнации он может обладать

силами, чтобы развить все то, что может быть воспламенено Импульсом Христа! Сколь самонадеянно для экзотерического христианина было думать, будто мы в состоянии сделать достаточно для того, чтобы выявить Импульс Христа в одной жизни! Тогда экзотерический христианин скажет: "Но ведь мы проходим через врата смерти; там, в духовных царствах у нас будет возможность развиваться далее и выявляя далее Импульс Христа". Так экзотерический христианин присоединяет к смерти духовную жизнь, из которой он не возвращается на землю. Понимает ли экзотерический христианин, полагающий, что жизнь в духовном царстве примыкает [непосредственно] к жизни земной, понимает ли он Импульс Христа? Он не понимает его! Ибо если бы он понимал его, он никогда не подумал бы, будто то, что ему должен дать Импульс Христа, может быть достигнуто в духовной жизни, примыкающей к смерти, без возвращения на землю.

Для того чтобы могло свершиться Деяние Голгофы, чтобы была достигнута эта победа над смертью, Христу необходимо было самому сойти в эту земную жизнь, причем ему было необходимо это, чтобы осуществить то, что может быть узвано и пережито только на нашей Земле. Христос сошел на Землю, так как силе деяния Мистерии Голгофы надлежало оказать действие на людей, находящихся в физическом теле. Поэтому сначала Сила Христова может действовать также лишь на людей, находящихся в физическом теле. Но если человек, будучи в физическом теле, принял в себя силу Мистерии Голгофы, тогда этот Импульс сможет действовать далее, когда человек пройдет через врата смерти. Однако совершенствоваться он будет благодаря этому Импульсу лишь настолько, насколько он принял в себя Импульс Христа в жизни между рождением и смертью. Совершенствования воспринятого человек должен добиваться, лишь снова вернувшись на землю. И только в позднейших, следующих друг за другом жизнях человек научится понимать, что именно живет в Импульсе Христа. Человек не смог бы никогда понять Импульс Христа, если бы жил [на земле] только раз, но этот Импульс должен вести нас через повторные земные жизни, так как Земля есть место понимания и переживания Мистерии Голгофы.

Христианство становится понятным только в том случае, если самонадеянную мысль о том, будто в одной инкарнации Импульс Христа можно пережить во всей его полноте, заменить другой мыслью — мыслью о том, что только благодаря повторным земным жизням человек сможет сделаться столь совершенным, что будет в состоянии вполне пережить в себе Христа как свой идеал. Тогда пережитое при этом он принесет в духовный мир. Но он сможет принести с собой лишь столько, сколько на Земле он понял из того Импульса, который должен был быть осуществлен именно на Земле как важнейшее содержание всего земного свершения.

Таким образом, мы видим, что следующей частью духовных откровений, которая должна быть добавлена к христианству, будет рождение из христианства идеи перевоплощения. Поняв это, мы увидим, какое значение имеет для нас теперь в области духовной науки сознание, которое мы развиваем, исходя из откровения Троицы. Оно служит для нас оправданием того, что мы смеем внимать [новому] Откровению, что мы можем чувствовать возобновление Откровения той силы, которая была заключена в огненных языках, опустившихся на первых последователей Христа.

Многое из того, о чем говорилось в нашем движении в последнее время, может сегодня предстать обновленным перед нашей душой. Оно выглядит подобно соединению Востока и Запада, двух могучих откровений — христианства и буддизма. Мы видим, что они духовно сливаются. И правильное понимание идеи христианской Троицы дает нам возможность оправдать слияние этих двух великих религий, существующих в настоящее время на земном шаре. Однако соединить два таких откровения нельзя просто посредством внешних импульсов. Это осталось бы только теорией. Тот, кто захотел бы сплавить в новую религию то, что до сих пор дало христианство, с тем, что до сих пор дал буддизм, тот создал бы для человечества не новое душевное содержание, а только абстрактную теорию, которая не смогла бы согреть людские души. Если это и должно произойти, то для этого должны прийти новые откровения. Для нас это то, что звучит в возвещении духопознания, воспринимаемом сегодня, правда, лишь теми, кто в духовнонаучном

обучении достиг достаточной зрелости, чтобы дать заговорить в себе Христу, который с нами до конца существования Земли. Однако уже указывалось, что мы живем в важный период развития человечества, что еще до истечения этого столетия в человечестве разовьются новые силы, которые поведут людей к развитию рода эфирного ясновидения, и благодаря ему как бы в ходе естественного развития для определенных людей возобновится событие, которое апостол Павел пережил при Дамаске. Так что Христос станет вновь воспринимаемым для повышенных духовных способностей человека, но в эфирном одеянии. Души людей будут становиться все более и более причастными к тому, что видел при Дамаске Павел. И тогда мир увидит, что духовная наука — это нечто, что существует подобно предвозвещению обновленной и метаморфозированной истины Импульса Христа. Это новое откровение будут понимать только те, кто убежден, что свежий поток духовной жизни, в который однажды — и безраздельно на все времена — излился Христос, будет оставаться живым во все времена. Кто не хочет верить в это, пусть проповедует постаревшее христианство. Тот же, кто верует действительному событию Троицы и понимает его, придет также к сознанию, что начавшееся с христианским благовестием будет развиваться далее, будет все по-новому звучать для человечества, что при нас всегда будут индивидуализированные душевные миры Духа Святого, огненные языки и что со все возобновляющимся огнем человеческая душа сможет переживать и выявлять Импульс Христа. Мы можем быть уверены в будущем христианства, если по-настоящему понимаем идею Троицы. И тогда с силой, которая сама действует подобно силе, присутствующей в душе, перед нами выступит мощный образ. Мы почувствуем тогда будущее (как чувствовали будущее первые последователи Христа, находясь под инспирацией Духа Святого), если мы будем готовы оживить в наших душах нечто, что не знает границ, проведенных

Wesen reiht sich an Wesen in Raumesweiten,
Wesen folgt auf Wesen in Zeitenläufen.
Verbleibst du in Raumesweiten, im Zeitenlaufe,

So bist du, o Mensch, im Reiche der Vergänglichkeiten.
Über sie aber erhebt deine Seele sich gewaltiglich,
Wenn sie ahnend oder wissend schaut
das Unvergängliche,
Jenseits der Raumesweiten, jenseits der Zeitenläufe.

И ты, о человек,
будешь лишь в области преходящего.
Но над ним могущественно поднимется
твоя душа,
Когда она, предчувствуя или зная,
видит непреходящее
По ту сторону пространства, по ту сторону
бега времен.*

* Перевод В.А. Богословского

НАСТРОЕНИЕ ИОАННОВА ДНЯ

Дорнах, 21 июня 1923 г. ПСС т. 224

В краткой лекции, сегодня пополудни предшествовавшей эвртмическому представлению, я уже указал на то, что даже по отношению современного человека к праздничным моментам года можно судить, насколько мы впали в материализм. Правда, тогда материалистическое воззрение необходимо понимать гораздо глубже, чем это бывает обычно. Самая опасная характеристика нашего времени не в том, что люди поражены материализмом, гораздо опаснее поверхностность нашего времени. Эта поверхностность существует не только в отношении духовных мировоззрений, но и в отношении самого материализма. Его принимают в поверхностных проявлениях. Так, например, сегодня пополудни я обратил внимание на то, что такие вещи, как настроения, которым люди в древности еще предавались в разные времена года, в эти старые времена выражались также в праздничных мероприятиях. В праздник зимнего солнцеворота, в праздник весны, в праздник Иоаннова дня, в праздник Михаила, в те вполне определенные культовые или проникнутые подобием культа мероприятия вкладывались все-таки различные настроения, которые должны были овладевать человеком, если он сознательно переживал течение года.

Душе человека давалось благодаря этому то, что нынче человеку дается лишь применительно к телу. Мы все еще соперееживаем течение дня. Когда утром золото зари предвещает появление солнца, мы садимся завтракать. Когда солнце стоит высоко, когда оно любовно льет свой свет и тепло на земных людей, у нас наступает время обеда и таким образом все идет далее к ужину. С помощью этих праздничных мероприятий мы в течение дня следуем за дневным ходом солнца, соперееживая в себе самих этот огненный объезд мира солнцем. Утоляя голод и насыщаясь, мы соперееживаем то, что совершает солнце при своем огненном объезде мира. Так что в определенные моменты дня существует и вполне определенное настроение для человеческого физического организма. Завтрак, обед, чай, ужин мы можем назвать праздниками

дня. Человеческий физический организм следует здесь за тем, что совершается в отношениях Земли с Космосом.

В древние времена, когда на основе состояний инстинктивного ясновидения душевная жизнь переживалась интенсивнее, подобным образом следовали за течением года. Определенные вещи даже переходили из одной сферы в другую. Вам достаточно только вспомнить то, что еще остается от этих вещей,— пасхальные яйца, гуси святого Мартина и так далее. Здесь низший регион, телесный регион вторгается в душевный регион, который, собственно, должен на душевный лад сопереживать течение года. Ну а материалистическая эпоха высказалась бы, не скажу, что за пасхальные яйца, но за гусей святого Мартина и тому подобное в течение всего года.

Однако в древности не эти вещи имелись в виду, когда речь шла о настоящих праздничных настроениях. Они согласовывались с душевным голодом и душевным насыщением. Душа человека в чем-то ином нуждалась на Рождество, в чем-то ином — на Пасху, на Иоаннов день и праздник Михаила. И то, что содержалось в устройстве торжеств, действительно можно сравнивать с оглядкой на голод, который душа испытывает именно в наступающем отрезке года, и с насыщением души в этом отрезке года.

Итак, можно сказать, что, взирая на дневное движение солнца, мы можем отнести к нему то, что полезно нашему телу; глядя же на годичное движение солнца, мы можем отнести к нему то, что полезно нашей душе.

Если праздники должны будут заново ожить, то это, естественно, должно будет исходить из гораздо более сознательного состояния - из такого пробуждения души, к которому стремится антропософское умонастроение.

Мы не можем так просто исторически возобнови 1ь старые праздники. Мы должны заново обрести их посредством новых познаний и представлений о мире, исходя из нашего собственного душевного существа. Но ведь мы различаем у человека кроме тела и души также и дух!

Вообще уже тогда, когда говорится о душе, современному человеку трудно вызвать определенные представления. Здесь все расплывается в сплошной неопределенности. Дело не только в том, что в XIX веке заговорили о психологии, учении о душе без души. Фриц

Маутнер, великий специалист в области критики языка, открыл, что душа - это нечто столь неопределенное, что мы, собственно, никакой души и не знаем; мы знаем только определенные мысли, ощущения, чувства, которые переживаем, но мы не знаем единой души. Поэтому в будущем нам совсем не следовало бы употреблять слово "душа". Нам следовало бы говорить о неопределенном внутреннем беспорядке и говорить не "душа", а "содушие". Так что будущему Клопштоку, когда он будет сочинять "Мессиаду", Фриц Маутнер посоветует говорить не "Воспой, о бессмертная душа, спасение грешных людей...", а "Воспой, о бессмертное содушие, спасение грешных людей...", если в этом учении о содушии вообще есть еще какой-либо смысл! Так что у нас в будущем будет не учение о душе, а учение о содушии!

Тут мы в самом деле должны сказать, что современный человек не знает уже ничего об этой связи своей души с годичным движением солнца. Он стал материалистом и в этом. Он держится за праздничные моменты дня, которые следуют за движением солнца. Праздники справляются скорее по привычке, но не ощущаются живыми. А ведь кроме тела, души, или, согласно Фрицу Маутнеру, содушия, у нас есть еще и дух!

В мировом процессе существуют исторические эпохи. Этим историческим эпохам, простирающимся над течением года и охватывающим столетия, в свою очередь человеческий ДУХ сопутствует, если он их соощущает. Их отлично переживали в древние времена. Тот, кто возвышенным умом умеет правильным образом вникать в то, как в древности люди переносились мыслью в поток времени, знает, как всюду говорили, что на том или ином рубеже эпох объявлялась какая-либо личность, которая вновь открывала миру духовное, проистекающее из Высей. Затем это духовное входило в жизнь, как в физическую жизнь входит солнечный луч. Когда же наступали сумерки и этой эпохи, являлось снова что-то новое.

Эти исторические эпохи так же связаны с духовным развитием человечества, как движение солнца в течение года связано с душевным развитием. Конечно, чтобы опять живым образом начать понимать духовное развитие, необходимо в сознательном духовном познании учиться понимать, каким образом наступают перевороты,

метаморфозы в ходе развития человечества. Сегодня люди совсем не хотят замечать наступление этих метаморфоз. Бывают как-либо внешне затронуты их последствиями, однако внутренне люди не хотят останавливаться на переворотах, которые приходят из духовного мира и находят выражение во внешних мировых явлениях.

Следовало бы лишь взглянуть на то, как у детей, у молодых людей в наше время проступают определенное направление мыслей, направление ощущений и чувств, которые были еще чужды прежним поколениям; какие происходят великие перевероты, которые, если посмотреть на соответствующие элементы, вполне можно сравнивать в ходе развития человечества с ходом года. Поэтому следовало бы прислушиваться к тому, что отдельные эпохи провозглашают в качестве своих запросов, следовало бы вслушиваться в то, как наступает новая эпоха и как она требует от человека чего-то иного, чем требовала предыдущая. Но как раз органом восприятия этого люди сегодня располагают в наименьшей мере.

Великие жизненные взаимосвязи могут вставать перед нашей душой, если мы опять-таки из нашего современного сознания надлежащим образом пробьемся к праздничным настроениям, если мы позволим проникнуть в нашу душу, например, настроению Иоаннова дня и если, исходя из этую настроения, мы попытаемся приобрести для нашей души то, что принесет нашему пониманию поощрение, поддержку, так как к нам на помощь приходит космос.

Конечно, современным людям более или менее стали безразличны вещи, связанные с величием мирового развития. Сегодня нет сердец, которым были бы понятны великие мировые взаимосвязи. В этом сказывается проникновение духа мелочности, я бы сказал, проникновение духа микроскопии и атомизирования в явления, которые, если говорить о них так, как я должен здесь это делать, естественно, производят впечатление парадоксов.

Именно в связи с Иоанновым настроением я хотел бы указать на одно явление. Связь будет несколько отдаленной, но я хотел бы указать на него.

Что является более само собой разумеющимся, чем впечатление от роста растений, роста деревьев даже для человека, не имеющего особенно развитого органа

восприятия хода года? С наступлением весны вес зеленеет, идет в рост, распускается, происходит переход от листьев к цветам. Этот оживленный рост производит впечатление, будто космос своими солнечными воздействиями призвал Землю открыться Вселенной. Все это наступает ко дню праздника Иоанна.

Затем силы роста и произрастания снова отступают. Тогда мы приближаемся к тому времени, когда Земля сосредоточивает в себе самой силы роста, когда Земля прячется от космоса. Естественно, что под впечатлением от протекания года создается представление, что зиму отличает снежный покров, что растения, так сказать, прячутся всем их существом в почву, лето же отличает появление растений, растущих навстречу космосу. Что может быть естественнее представления — хотя в более глубоком смысле верно как раз обратное,— что растения спят зимой и бодрствуют летом?

Не стану говорить теперь о правильном и неправильном понимании этого сна и бодрствования. Я хочу говорить только о впечатлениях, которые возникают от того, что люди имеют представление, что с летом связано развертывание вегетации, с зимой — отступление, удаление вегетации. У человека все-таки образуется род мироощущения. Он вовлекается в чувство связи с согревающей и сияющей силой солнца, когда эту согревающую и сияющую силу солнца он видит в зеленеющем и цветущем растительном покрове Земли и вовлекается в ощущение, будто по отношению к космосу он становится земным отшельником зимой, когда уже не видно растительного покрова п когда, призывая к внутренней деятельности, снежный покров отделяет Землю от космоса. Короче, чувствуя и ощущая подобным образом, до некоторой степени отрываешься своим земным сознанием от земного бытия и переносишься благодаря этому в великие отношения Вселенной.

Но вот появляется современное научное исследование, которое я не критикую,— то, что я теперь скажу, будет не выговором, а скорее хвалой научному исследованию,— появляется современное научное исследование и пожимает плечами, слыша речь о великих космических взаимосвязях. Почему это, когда деревья начинают распускаться, зеленеть, когда земля покрывается

растительным ковром, нужно чувствовать себя возвышенным до божественно сияющей, согревающей силы солнца? Почему нужно ощущать связь этих вырастающих из земли растений со Вселенной? Это мешает. Космические чувства мешают. Обладание такими чувствами отнюдь не согласуется с материалистическим сознанием. Однако растение все-таки есть растение. У растения есть что-то вроде упрямства. Оно цветет только весной, заявляет о своей готовности плодоносить летом. Как все это происходит? Здесь приходится иметь дело не просто с растением, но со всей Вселенной! Чувствуя, ощущая и познавая эти вещи, необходимо иметь дело со всем миром, а не только с растением. Однако ничего подобного не происходит! Когда же все-таки дают себе труд не иметь дела с веществами в распыленной или кристаллической форме, то занимаются структурами атомов, атомным ядром, электромагнитной атмосферой и так далее. То есть стараются иметь дело с чем-то обособленным, а не с тем, что ведет по многим направлениям. Надо уступать растению, необходимо иметь ощущение, которое простирается в космос! И все-таки ужасно, когда люди не могут ограничить свое поле зрения просто отдельным объектом! Ведь это так привычно: при наблюдении с помощью микроскопа все вокруг выглядит изолированно, имеется лишь маленькое поле зрения и все происходит обособленно, в малом. Растение тоже ведь надо уметь рассматривать само по себе, вне его связи с космосом!

И вот, посмотрите, именно в этой области на рубеже XIX-XX веков исследователям удалось достигнуть кое-чего из ряда вон выходящего. Конечно, тогда уже было вполне определенно известно, что летнее и зимнее состояния отдельных растений можно преодолеть в оранжереях, теплицах и так далее. Однако в целом от представления о том, что растения все-таки нуждаются в зимнем покое, на рубеже XIX-XX веков отошли еще не слишком далеко. В то время велись дискуссии о том, как обстоит дело с тропическими растениями. Исследователи, которые ничего не хотели знать о связи с космосом, утверждали, что тропические растения растут весь год. Другие, придерживавшиеся еще старых, консервативных взглядов, говорили: "Конечно, думать так, попадая в буйно растущий

зеленый мир тропиков, можно только по той причине, что зимнему покою растения предаются здесь в разное время, некоторые из них — в течение всего восьми дней; оттого и не видно, что определенный вид находится в состоянии покоя". Обстоятельные дискуссии велись о том, что происходит с тропическими растениями. Короче, из-за этой связи растительного мира с космосом чувствовалось ужасное неудобство.

В этом отношении интереснейшие, остроумнейшие опыты производились как раз на рубеже XIX-XX веков; и в самом деле, не только у множества отдельных однолетних растений, но даже и у деревьев, которые гораздо более стойки, удалось сломить их упрямство, их космическое упрямство. Путем создания определенных условий удалось превратить растения, известные за однолетние, в многолетние, то есть удалось преодолеть их зависимость от космических условий. Для большого числа наших лесных деревьев, представленных в умеренном климате, удалось добиться условий, приводящих к тому, что деревья, относительно которых полагали, что им это зимнее время необходимо, что им надо стоять зимой обнаженными и сухими, продолжали оставаться зелеными. Ибо такова была предпосылка известных материалистических интерпретаций. В этом отношении было проделано нечто действительно необычайно изобретательное.

Додумались до того, что стало возможным отучить деревья от связи с космосом, поместив их в закрытое помещение, а почву как следует питая питательными солями. Таким образом, растения, которые иначе ничего не находили в зимнее время, когда почва бедна питательными солями, теперь получали свои питательные соли. При достаточном количестве влаги, тепла, света деревья росли.

Только одно дерево во всей Средней Европе сопротивлялось этой научной любознательности в начале XX века. Это был бук, красный бук. Его донимали со всех сторон, его тоже держали взаперти в закрытом помещении! Его снабжали всеми необходимыми питательными солями, всей необходимой влагой и теплом, но он упрямылся, он, несмотря ни на что, требовал своего зимнего покоя. Но он был совсем один.

И вот уже в XX столетии, в 1914 году — я теперь буду

говорить не о начале мировой войны, а о другом великом историческом событии — мы имеем нечто грандиозное: чрезвычайно удачливым в этой области исследователю Клебсу удалось отучить и бук от его космического упрямства. Очень просто ему удалось выращивать бук в закрытых помещениях, создавая необходимые для него условия: надлежащее солнечное освещение, которое можно было измерять. И, смотрите-ка, бук не сопротивлялся, он приспособился к тому, чего от него хотели исследователи.

Я говорю не о явлении, которое надо бранить, ибо кто не восхитится таким исследовательским усердием! Кроме того, было бы безумием опровергать эти вещи. Они существуют и они именно таковы. Значит, речь должна идти при этом не об одобрении или опровержении, а о чем-то ином.

Почему бы где-либо на нейтральной почве не найтись подходящим условиям для выращивания волос в отрыве от человека и животного? Почему нет? Для этого надо только создать подходящие условия. Я, правда, знаю, что уже в наше время многим было бы приятнее, чтобы волосы росли на голове, а не производились внешне при помощи какой-либо культуры. Но можно себе представить, что достижимо и это... Тут, пожалуй, нам не было бы надобности приводить в связь с космосом то, что происходит на Земле.

Можно, разумеется, иметь должное уважение к научному исследованию, однако необходимо заглядывать глубже в эти вещи. Сверх того, что я излагал здесь некоторое время назад об элементах, я сегодня хотел бы сказать следующее.

Необходимо ясно представлять себе, что имеет место, например, следующее. Мы знаем, что когда-то Земля и Солнце составляли одно тело. Это, конечно, было очень давно — в период Сатурна, в период Солнца. Затем произошло краткое повторение этого состояния в земной период. Тем не менее кое-что, относящееся к нему, в Земле осталось. Мы опять извлекаем его сегодня. И мы извлекаем его не только из состояния повторения, происходившего уже в наш земной период, когда сжигаем в наших помещениях каменный уголь, но мы извлекаем его, когда используем электричество. Ибо в те времена,

когда после периода Сатурна, в период Солнца, Солнце и Земля были едины, была заложена основа того, что мы имеем электричество на Земле. В электричестве мы имеем силу, издавна связанную с Землей, солнечную силу, скрытую в Земле силу солнца.

Почему бы, если только как следует взяться за дело, даже упрямому буку не согласиться вместо солнечной силы, вливающейся потоками из космоса, пользоваться световой сплюи солнца, добытой в форме электричества из Земли?

Однако, внимательно присматриваясь к этим вещам, можно будет заметить, насколько нуждается в углублении все наше познание. Пока еще люди могли думать, что солнечная сила поступает только из космоса, они из непосредственного наблюдения ежегодного роста растений приходили к сознанию своей связи с космосом. В современную эпоху, когда хотят с материалистических позиций отделить от космоса то, в чем столь легко увидеть космическое воздействие, необходимо перед лицом кажущейся самостоятельности растений иметь наук}'', которая помнит, что между Землей и Солнцем существовала в древности космическая связь, но в иной форме. Будучи как бы микроскопически ограничены, мы, с одной стороны, тем более нуждаемся в интенсивной широте взгляда, а с другой (и как раз при вхождении в детали) — обнаруживается, насколько необходима нам эта широта взгляда.

Речь вовсе не о том, чтобы на антропософской почве диллетантски возмущаться происходящим прогрессом в исследованиях. Но ввиду того, что в силу своей собственной природы прогресс в исследованиях будет подводить нас все больше и больше к той натуре дождевого червя, о которой я часто здесь говорил, и мы не сможем свободно смотреть в дали пространства, нам необходимо приобретать более широкий взгляд, обширный космически-исторический взгляд, чтобы доводить до сознания взаимосвязь между Землей и Солнцем не только в современном периоде развития Земли, но и в те давно прошедшие времена, которые мы называем периодом Солнца в космическом развитии Земли. Нам нужен везде противоположный полюс. Не в брюзжании на научные исследования нуждаемся мы, а в противоположном им

спиритуальном, духовном полюсе. Вот правильная точка зрения, которую нам надлежит иметь. И это, я бы сказал, есть также настроение Иоаннова дня, когда мы это вписываем в душу, когда мы понимаем, что мы должны жить теперь прямо-таки в мироисторическом настроении Иоаннова дня, что мы должны обратить наш взгляд в просторы космоса. Мы нуждаемся в этом. Мы нуждаемся именно в спиритуальном отношении к познанию. Сегодня одними разговорами о духовном ничего не достигнешь, это возможно единственно путем действительного проникновения в конкретные явления духовного мира. То, что можно извлечь из космического развития Земли, обращая внимание на развитие Сатурна, Солнца, Луны, Земли и так далее, обладает чрезвычайной важностью для познания, также и в историческом отношении.

Если материалистическая наука столь блестящими исследовательскими результатами обращает наше внимание на то, что даже упрямый бук может быть доведен до того, что станет обходиться без солнечного света и расти при электрическом свете, то нас, если мы не обладаем спиритуальными познаниями, это приведет к тому, что мир для нас раздробится, а наше поле зрения сузится. Вот теперь перед нами стоит бук, электрический свет поддерживает его рост, а мы не ведаем ничего, кроме того, что видим на этом узком поле.

Если же мы оснащены спиритуальными познаниями, то мы скажем уже нечто другое. Тогда мы скажем себе: "Лишая бук нынешнего солнечного света, Клебс должен давать ему в форме электричества древнейший солнечный свет". Тогда взгляд наш не будет узким, напротив, взгляд наш необычайно расширится.

"Подумаешь,— скажут с легкостью люди, больше не желающие знать ничего о душевном протекании года, — один день, как другой: завтрак, обед, чай, ужин; хорошо, конечно, что на Рождество бывает кое-что и получше, но, в сущности, так проходит и весь год день за днем". Они смотрят только на день, то есть на внешнюю материальную жизнь человека. "Подумаешь, космические взаимосвязи! Будем свободны от подобного мировоззрения!

Отдадим себе отчет в том, что даже упрямый бук уже не нуждается в космосе, что нам достаточно, заперев его в темницу, доставлять ему лишь достаточно электрического

света, и он будет расти без солнца!" Нет, он именно не растет без солнца. Нам надо только, делая что-либо подобное, уметь надлежащим образом отыскивать солнце. Но тогда нам надо иметь ясное представление, что существует и нечто иное, существует и иное положение. При более широком взгляде оказывается, что это все-таки разные вещи — позволяем ли мы буку развиваться при космическом свете солнца или мы снабжаем его ариманизованным светом, происходящим из отдаленных эпох. И мы вспоминаем о том, о чем уж часто говорили, — о том, что происходит в поступательном развитии нормально, и о люциферическом, с одной стороны, и ариманическом — с другой.

Имея удовлетворительный взгляд на эти вещи, мы не станем упиваться тем, как изошренно нам удалось преодолеть космическое упрямство бука, но пойдем гораздо дальше. Мы обратимся к сокам букового дерева и исследуем их действие на человеческий организм. Мы исследуем действие на человеческий организм [соков] тех буков, которых мы предоставляем самим себе, и у буков, упрямство которых мы сломали с помощью электрического света, и тогда может быть мы узнаем нечто совсем особенное о целебном воздействии одного бука и другого бука! Здесь нам придется признать духовное!

Но каким образом считаются сегодня с этими вещами? К ним питают достойный удивления исследовательский интерес. Экспериментирующий психолог отправляется в класс, пишет [на доске] всякие слова, которые [ученикам] надо запомнить, проверяет память, всюю экспериментирует на детях, получает чрезвычайно интересные результаты. Если один раз пробудился интерес к чему-либо, то, естественно, интересными окажутся все вещи в мире, дело лишь в субъективной позиции. Почему коллекционирование марок для кого-нибудь не должно быть интереснее ботанической коллекции? А если это возможно, то почему бы чему-либо в этом роде не происходить и в каких-нибудь других областях? Почему в таком случае у кого-нибудь не должны вызывать интереса мучительные пытки, которым подвергаются дети, когда над ними производится эксперимент? Вопрос, однако, всегда в том, существуют ли при этом более высокие обязательства, оправданно ли вообще экспериментировать

подобным образом с детьми определенного возраста. Возникает вопрос, не наносят ли им тогда какого-либо вреда, — и еще один более настоятельный вопрос, не вредит ли это учителям, если вместо того, чтобы требовать от них живого, сердечного отношения [к ученикам], от них требуется интерес к экспериментальной психологии. Вопрос, в действительности, заключается в том, что если подобными исследованиями и ставят себя в правильное отношение к чувственно воспринимаемому миру, то ставят ли тем самым себя в правильное отношение к миру сверхчувственному?

Конечно, некоторые из тех, кто говорит о необходимости объективного научного исследования, могут поднять крик: "Так, значит, он утверждает, будто существуют какие-то духи, которые находят аморальным то, что Клебс побеждает таким образом упрямство бука!" — Мне это и в голову не приходило. Мне это даже не снилось. Все, что делается, пусть делается. Однако необходим противовес этому. И в эпоху, когда освобождаются от космического ощущения по отношению к росту бука, необходимо, чтобы в цивилизации, которая принимает в себя такие вещи, существовало также ощущение того, каким образом в процессе развития человечества происходит духовное продвижение вперед. В такое время, как наше, необходимо чувство эпохи. Не научное исследование хочу ограничить я, но необходимо чувствовать, что ему должно противостоять что-то иное. Ему должно противостоять сердце, открытое всему тому, что к определенному моменту дается как откровение из духовного мира относительно тех или иных вещей. Если разрастается материалистическое направление умов и приводит к ярким и крупным результатам, то как раз те, кто питает интерес к таким результатам, должны были бы питать и интерес к результатам исследований духовного мира.

Но это заключено во внутренней природе христианства. Правильно понятое христианство видит Христову силу, Импульс Христа продолжающим действовать в Существо Христе в земном бытии после Мистерии Голгофы. А это значит, что и тогда, когда настает осень, когда все оголяется и затихает, когда в природе прекращается всякое произрастание, тогда именно замечают ростки духа, чувствуя в обнажающихся деревьях поблескивание и

вспыхивание тех духов, которые зимой сопровождают человека.

Но нужно столь же учиться чувствовать, что в эпоху, которая с определенной точки зрения правомерно принимается за постижение деталей, ограничивает взгляд деталями, взгляд должен также падать на великое, всеобъемлющее. Применительно к христианству — это настроение Иоаннова дня. Мы должны понимать чувствами, что настроение Иоаннова дня — это исходный пункт того процесса, на который указано словами: "Ему надлежит расти, а мне умяться".

Это значит, что впечатление, которое на человека оказывает все, что завоевывается исследованием с помощью внешних чувств, это впечатление должно умяться. А по мере углубления в чувственно-единичное, должен становиться все явственнее след духовного. Солнце Духа тем более должно светить в сердце человека, чем более убывает действующая в чувственно воспринимаемом мире сила солнца.

Настроение Иоаннова дня нам надо ощущать как вхождение в духовные импульсы и выхождение из чувственных импульсов. Мы должны учиться ощущать настроение Иоаннова дня как нечто такое, в чем веет и ткет, духовно-демонически веет из чувственного в духовное, из духовного в чувственное. И мы с помощью настроения Иоаннова дня должны придавать нашему духу легкую форму, чтобы он не липнул, как смола, к четко оконтуренным идеям, а обретал себя в ткущих, веющих, живых идеях. Мы должны уметь замечать, как загорается чувственное, как угасает чувственное, как в угасающем чувственном загорается духовное. Символ вспыхивания светлячков в Иоанново время мы должны всецело чувствовать чем-то таким, что имеет свое значение и при замирании их свечения.

Светлячки Иоаннова времени года вспыхивают, светлячки Иоаннова времени снова гаснут. Но, угасая, они оставляют в нас жизнь и деятельность духовного в сумерках чувственного. И если всюду в природе мы видим маленькие духовные всплески, как при чувственном восприятии видим вспыхивание и погасание светлячков Иоаннова дня, тогда, если мы это умеем видеть в полном, ясном, чистом сознании, мы найдем и соответствующее

нашему времени настроение Иоаннова дня. Мы нуждаемся в этом правильном настроении Иоаннова дня, ибо если только мы не хотим прийти в полный упадок, нам необходимо проходить через нашу эпоху так, чтобы дух учился оживать, пламенея, и чтобы мы учились осмысленно следовать за пламенеющим ожившим духом.

Настроение Иоаннова дня обращено к будущему человечества и Земли. Это уже не старое настроение, замечающее лишь внешнее произрастание и испытывающее радость, если оно может запереть это произрастание в темницу и поместить под электрический свет то, что обычно радуется солнечному свету. Напротив, мы должны учиться распознавать вспыхивание и расцветание Духа, и тогда электрический свет станет для нас менее важным, чем он является в настоящее время. Мы приобретем благодаря этому обостренный взгляд, взгляд Иоаннова времени года, чтобы видеть тот старый солнечный свет, который светит нам, когда мы раскрываем широкий духовный горизонт, не только узкий земной горизонт, но великий горизонт от Сатурна до Вулкана.

Если мы позволим правильно действовать на нас свету, который появится для нас на этом великом горизонте, тогда в этом свете перед нами предстанут! все мелочи нашей эпохи, тогда мы пойдем вперед и вверх. Если мы не решимся на это, мы пойдем назад и вниз.

Сегодня речь везде идет о человеческой свободе, о человеческом волеии. Сегодня речь идет о самостоятельном выборе между движением вперед и движением назад, между движением вверх и движением вниз.

ПРАЗДНИК АРХАНГЕЛА МИХАИЛА 29 СЕНТЯБРЯ

ХРИСТОС ВО ВРЕМЯ МИСТЕРИИ ГОЛГОФЫ

И ХРИСТОС В ДВАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ

Лондон, 2 мая 1913 г. ПСС т. /52

Из всех мистерий Мистерия Голгофы наиболее трудна для понимания, трудна даже для тех, кто подвинут в оккультных познаниях, и из всех истин, с которыми человечество может соприкоснуться, эта истина наиболее легко может быть понята неверно. Это обусловлено тем фактом, что Мистерия Голгофы была единственным в своем роде событием во всей эволюции Земли, что в развитии человечества на Земле она была могучим Импульсом, который никогда раньше не проявлялся подобным образом и который подобным образом никогда не повторится.

Однако человеческий рассудок всегда ищет мерила, образца для сравнения, в соответствии с которым можно понимать вещи. Но то, что вне сравнения, не может и сравниваться, и единственное в своем роде понимается с трудом.

В духовнонаучном движении, в котором мы работаем, мы стараемся характеризовать Мистирию Голгофы с различных точек зрения. Можно постоянно избирать новые точки зрения, постоянно находить новые характеристики, чтобы описывать это могучее событие в эволюции человечества на Земле. Одна такая точка зрения, один такой аспект будет предложен сегодня, и особенное внимание будет обращено на то, что в определенном смысле может быть названо возобновлением Мистерии Голгофы в наше время, в нашем нынешнем цикле развития человечества.

Стремясь достаточно глубоко понять Мистирию Голгофы, ее нельзя рассматривать обособленно от эволюции человечества, как что-то, что принималось бы во внимание лишь по его продолжительности в три или тридцать три года. Следовало бы иметь в виду, что она произошла именно в четвертом послеатлантическом периоде, в так называемую греко-латинскую культурную эпоху, и также учитывать, что Мистерия Голгофы подготавливалась в течение всего развития древнееврейского народа. Крайне важно для Мистерии Голгофы не только то, что происходило в человечестве во время четвертого послеатлантического периода, но

исключительную важность имеет и то, что подготавливалось в ходе всей древнееврейской культуры, а именно почитание Иеговы. Необходимо прежде всего понять, кем было то существо, которое под именем Ягве, или Иеговы, открывало себя в древнееврейские времена.

Современный человек — это существо, которое в том, что касается его разума и способности понимания, развивает прежде всего свой интеллект, существо, которое любит понимать вещи с интеллектуальной точки зрения. Однако возможность постигать действительность только средствами интеллекта прекращается, как только из чувственного мира переступают порог сверхчувственного. Человеческий рассудок может оказывать хорошие услуги на земле, но в момент, когда вступают в сверхчувственные миры, его как средства для достижения познания уже недостаточно, хотя на него еще можно смотреть и там, как на полезный инструмент. Этот рассудок любит прежде всего проводить различия и для того, чтобы понять вещь, нуждается в определении. Те, кто часто слушал мои лекции, могли отметить отсутствие едва ли не всяких определений. Правда, бывают определения хорошие и плохие, определения развернутые и другие, менее удовлетворительные. Определения необходимы для понимания земных вещей, однако когда хотят понять вещи, относящиеся к действительности, в особенности — к сверхчувственной действительности, тогда нельзя прибегать к определениям. Тогда нужно характеризовать, ибо тогда факты и существа необходимо рассматривать со всех точек зрения.

Определения всегда односторонни и напоминают тому, кто изучал логику, о древнегреческой философской школе, которая однажды пыталась определить, что такое человек. Было дано следующее определение: человек — это двуногое существо без перьев. На следующий день некто принес ощипанную курицу и сказал: "Вот двуногое существо без перьев, значит, это человек". Об этом можно частенько вспоминать, когда требуется дать определение чего-то, что столь многосторонне и многозначно, что определений недостает и можно только характеризовать. Однако людям хочется иметь прежде всего определения, чтобы различать различные существа сверхчувственных миров. Они спрашивают: "Что есть такое существо, строго

говоря?" Но чем далее проникаешь в сверхчувственные миры, тем яснее видишь, как все более пронизывают друг друга их существа. Они больше не разграничиваются, так трудно бывает отличить их друг от друга.

Прежде всего, нельзя терять из виду эволюцию, когда упоминают имя Ягве, или Иеговы, особенно если его связывают с именем Христа. Ведь даже в Новом Завете вы встретите (и на это я часто указывал в моих книгах), что Христос открывался через Ягве, насколько Он это мог делать до Мистерии Голгофы.

Проводя сравнение между Иеговой и Христом, хорошо прибегнуть к образу солнечного и лунного света. Что такое солнечный свет и что — лунный? Они одно и то же и все-таки очень отличаются друг от друга. Солнечный свет течет [непосредственно] от Солнца, а в лунном свете солнечный свет отбрасывается Луной. Подобным образом одно и то же Христос и Иегова. Христос подобен солнечному свету, Иегова — как отраженный свет Христа, поскольку до наступления Мистерии Голгофы Он мог являть себя Земле под именем Иеговы. И опять-таки, когда речь идет о таком высоком Существо, как Иегова-Христос, его истинное значение нам надлежит искать на величественных вершинах сверхчувственных миров. Самонадеянно — с повседневными понятиями пытаться подойти к такому Существо, как Иегова-Христос.

Однако древние евреи постарались найти выход из этого затруднения. Человеческая мыслительная способность слаба, но она пытается создать идею столь возвышенного существа. Внимание было направлено не прямо на Иегову — имя которого считалось само по себе непроизносимым, — а на существо, изображаемое в нашей западной литературе под именем Михаила. Конечно, из этого утверждения может выйти некоторое недопонимание, но этого нельзя избежать. Кто-нибудь, может быть, скажет, что этим вновь воскрешаются предрассудки христиан, другой вообще не захочет иметь дело с такими вещами. Однако существо, которое мы вправе называть Михаилом и которое принадлежит к иерархии архангелов, — все равно, как бы мы это существо ни называли, — все-таки существует. И таких существ, относящихся к тому же рангу, много. Однако это особое существо, эзотерически известное под именем Михаила, возвышается над своими

собратьями, как Солнце возвышается над планетами — над Венерой, Меркурием, Юпитером, Сатурном и так далее.

Он, Михаил, наиболее выдающееся и наиболее значительное существо в иерархии архангелов. Древние называли Михаила Ликом Божиим. Как человек проявляется в своих жестах и в выражении своего лица, так и в мифологии древних Иегову понимали через Михаила. Иегова давал знать о себе посвященному таким образом, что посвященный мог улавливать нечто, чего он прежде никогда не смог бы понять своей обычной способностью понимания, а именно [мог улавливать] то, что Михаил — Лик Иеговы. Древние евреи так говорили об Иегове-Михаиле: "Иегова — недоступный, тот, кого невозможно достичь, как нельзя достичь помыслов человека, печалей и тревог, таящихся за его внешним видом. Михаил внешне выражает Ягве, или Иегову, подобно человеку, на челе и лице которого проступает откровение его я".

Итак, мы можем сказать, что Иегова проявлял себя через одного из архангелов — через Михаила. Знание о том, кого мы описали как Иегову, не замыкалось на одних древних евреях, оно было распространено гораздо шире. И если рассмотреть последние пять веков до начала христианской эры, то окажется, что Откровение осуществлялось в течение всего этого времени через Михаила. В иной форме мы можем обнаружить это Откровение у Платона, Сократа, Аристотеля, во всей греческой философии, даже в древнегреческой трагедии в течение пяти веков до События Голгофы.

Если с помощью оккультных познаний мы попытаемся осветить то, что здесь происходит на самом деле, то мы сможем сказать, что Христос-Иегова — это Существо, сопутствующее человечеству в течение всей его эволюции. Однако в ходе следующих друг за другом эпох Христос-Иегова открывает себя всегда через различных существ того же ранга, что и Михаил. Он избирает, так сказать, всегда иной лик, которым Он бывает обращен к человечеству. И в зависимости от того, кто из иерархии архангелов избирается для того, чтобы служить посредником между Христом-Иеговой и человечеством, людям открываются весьма различные идеи и воззрения, импульсы чувства, импульсы воли и так далее. Эпоху,

которая, так сказать, окружает Мистерию Голгофы, мы можем описывать как эпоху Михаила, и мы можем смотреть на Михаила как на посланца Иеговы.

В тот период, который приблизительно в течение пяти веков предшествовал Мистерии Голгофы и продолжался еще несколько десятилетий после нее, руководящая культура человечества несла на себе, так сказать, печать Михаила. Своими качествами, своей силой он вливал в человечество то, что должно было быть дано ему в тот момент. А затем пришли другие существа, которые также инспирировали человечество из спиритуальных миров, другие существа в ранге архангелов. Михаил, как уже упомянуто, был величайшим, могущественнейшим, значительнейшим из них, так что такая эпоха, какой является эпоха Михаила, бывает всегда наиболее значительной или одной из наиболее значительных эпох, какие только могут наступить в эволюции человечества.

Ибо эпохи различных архангелов повторяются. И фактом величайшей важности является то, что каждое такое существо из иерархии архангелов придает основной характер всей эпохе. Они являются главным образом водителями различных наций, но так как они становятся водителями определенных эпох, так как они были водителями истекших эпох, то они сделались в некотором смысле водителями всего человечества.

Что касается Михаила, то до наступления настоящего цикла эволюции произошло некоторое изменение, ибо сам Михаил проходил развитие, и это имеет большое значение, ибо, начиная с пары последних десятилетий, мы, согласно оккультному познанию, вновь вступили в эпоху, которая инспирируется тем же самым существом, что инспирировало и эпоху, когда происходила Мистерия Голгофы. С конца XIX века мы вновь можем смотреть на Михаила как на водителя. Если мы хотим понять это, то нам надо рассмотреть Мистерию Голгофы с иной точки зрения и спросить себя, что имеет наибольшее значение в этой Мистерии. То, что в то время Существо, обозначаемое именем Христа, прошло через Мистерию Голгофы и через врата смерти — вот то, что имеет величайшее значение! Во всей эволюции Земли никогда нельзя было бы говорить о Мистерии Голгофы, если на тот факт, что Христос прошел через смерть, не смотреть как на существеннейшее

отличие этой Мистерии.

Посмотрите на законы природы. Многие могут быть поняты благодаря их изучению, еще больше этим путем будет изучено в будущей эволюции Земли, но мы предавались бы иллюзии, если бы не видели, что понимание жизни как таковой — это идеал, который можно понять только благодаря [внутреннему] развитию, а отнюдь не путем изучения законов природы. Конечно, в наши дни есть мечтатели, думающие, будто посредством научного познания постепенно будет достигнуто настоящее понимание принципа жизни, но этого никогда не будет. С помощью внешних чувств в ходе эволюции Земли будет открыто еще много законов, однако таким образом принцип жизни как таковой никогда не сможет быть раскрыт миру. Это сможет произойти только при помощи средств оккультного познания.

Поэтому жизнь является чем-то недоступным для науки здесь, на земле. И как жизнь недоступна человеческому знанию, так обстоит дело и со смертью в сравнении с настоящим знанием, которое достигается в сверхчувственных мирах. Во всей области сверхчувственных миров нет смерти. Умереть можно только на Земле, в физическом мире или в мирах, по развитию подобных нашей Земле, и все существа, иерархически стоящие над человеком, не обладают знанием смерти. Они знают лишь различные состояния сознания. Их сознание может быть на время понижено так, что оно будет похоже на наше земное состояние сна, но от этого сна можно пробудиться. В духовном мире нет смерти, там есть лишь изменения сознания, и величайший страх, какой испытывает человек, страх смерти, не может ощущаться тем, кто после смерти поднялся в сверхчувственные миры. В то мгновение, когда он проходит через врата смерти, его состояние достигает интенсивной степени чувствительности, но оно может быть состоянием сознания либо ясным, либо затемненным, и было бы в высшей степени странно думать, будто человек может быть мертв в сверхчувственном мире.

Поэтому для существ, принадлежащих к высшим иерархиям, нет смерти, за исключением лишь исключением Христа. Однако, для того, чтобы такое сверхчувственное Существо, как Христос, могло пройти

через смерть, оно должно было сначала спуститься на Землю. И то, что Существо, которое в своем собственном царстве, в сфере своей воли никогда бы не могло испытать смерть, пришлось спуститься на Землю, чтобы пройти через опыт, свойственный человеку, пережить смерть, — вот что бесконечно важно в Мистерии Голгофы. Внутренний союз, глубокий внутренний союз был установлен между человечеством на Земле и Христом благодаря тому, что это Существо прошло через смерть, чтобы разделить с человечеством эту участь. Как я уже подчеркивал, эта смерть имеет величайшее значение особенно для нашей нынешней земной эволюции.

Уже не раз говорилось о том, что в действительности свершилось тогда для нашей земной эволюции. Прежде всего через Мистерию Голгофы, через смерть Христа с эволюцией Земли соединилось единственное в своем роде Существо, которое до того было только космическим Существом. Оно вступило в эволюцию Земли во время Мистерии Голгофы. Его не было здесь прежде. Оно принадлежало только космосу, но через Мистерию Голгофы оно спустилось из космоса и воплотилось на Земле. Оно живет с тех пор на Земле, связано с Землей тем, что живет в душах людей на Земле и вместе с ними переживает жизнь на Земле. Поэтому все время, предшествовавшее Мистерии Голгофы в эволюции Земли, было лишь временем ее подготовки. Мистерия Голгофы дала смысл существованию Земли.

Когда совершилась Мистерия Голгофы, земное тело Иисуса Назаря — как мы знаем из различных сведений, которыми располагаем, — было передано элементам Земли, и с того времени Христос связан с духовной сферой Земли и живет в ней. Описывать Мистерию Голгофы, как мы уже сказали, чрезвычайно трудно, так как у нас нет мерила, с которым мы могли бы ее сравнить, но несмотря на это мы попытаемся приблизиться к ней еще с иной точки зрения.

Как мы знаем, после Крещения в Иордане Христос жил в теле Иисуса Назаря как человеческое существо среди людей Земли. Мы можем назвать это земным явлением Христа в человеческом физическом теле. Как проявляет себя Христос с тех пор, как Он оставил свое физическое тело во время Мистерии Голгофы?

Конечно, Христа мы должны себе представлять чрезвычайно высоким Существом. Но хотя оно и столь возвышенно, для него все-таки возможно было проявлять себя в течение трех лет после Иоаннова Крещения в Иордане в человеческом теле. Но как Он проявляет себя с тех пор? Уже не в человеческом физическом теле, ибо оно было предано физической Земле и теперь составляет ее часть. Тем, кто путем изучения духовной науки развил в себе способность проникать взглядом в эти отношения, откроется, что это Существо может быть узнано в одном существе, принадлежащем к иерархии ангелов. Подобно тому как в течение трех лет после Крещения в Иордане Спаситель мира являл себя в человеческом теле — хотя Существо Христа и находилось на такой необычайной высоте,— так с тех пор Он проявляет себя непосредственно в качестве Ангельского существа, духовного существа, стоящего ступенью выше, чем человеческое существо. Его всегда могли находить ясновидцы в качестве такового. В качестве такового Он был постоянно связан с эволюцией. Как верно то, что Христос, когда Он был инкарнирован в теле Иисуса Назаряя, был больше, чем человек, так и Христово Существо больше, чем ангел. Это только его внешний облик. Однако в том факте, что, как мы описывали, могучее возвышенное Существо спустилось из спиритуальных миров и жило три года в человеческом теле, заключен также и последующий факт — то, что за это время это Существо само продвинулось на одну ступень в своем развитии.

Когда такое Существо, приняв человеческую или ангельскую форму, совершает подобное деяние, то оно и само идет вперед. И мы отметили это в развитии Христа-Иеговы, говоря, что Христос достиг состояния, в котором Он отныне сам проявляет себя [уже] не в качестве человеческого существа, не посредством лишь своего отражения, своего отраженного света, не посредством лишь имени Иеговы, а непосредственно. И великое отличие всех учений и всей мудрости, которые вошли в эволюцию Земли со времен Мистерии Голгофы, состоит в том, что с приходом Духа-Михаила на Землю человечество благодаря его инспирации могло начать постепенно понимать все, что значит Импульс Христа, что значит Мистерия Голгофы. Однако в то время Михаил был прежде

всего посланцем Иеговы, который был отражением Славы Христовой, но не был еще посланцем самого Христа.

Михаил инспирировал человечество в течение нескольких столетий, приблизительно в течение пяти веков до наступления Мистерии Голгофы, как уже сообщалось в древних мистериях, Платоном и так далее. Но непосредственное влияние Михаила прекратилось вскоре после того, как совершилась Мистерия Голгофы и Христос соединился с эволюцией Земли. К тому времени, когда создавались древние документы, которые мы имеем в форме Евангелий (я описал это в моей книге "Христианство как мистический факт"), сам Михаил больше уже не мог инспирировать человечество, однако оно инспирировалось его собратьями из числа архангелов так, что посредством их инспирации [человечеством] было воспринято много душевной силы.

Сами составители [Евангелий] не имели ясного оккультного знания, ибо инспирация Михаила вскоре после события Голгофы подошла к концу. Другие архангелы, собратья Михаила, не могли инспирировать человечество так, чтобы сделать понятной Мистерию Голгофы. Это объясняет расхождения в интерпретации [христианства] различными христианскими учениями. Многие в этих учениях были инспирированы собратьями Михаила. Эти учения не были инспирированы самим Михаилом, но они находятся в том же отношении к его инспирации, что и планеты к могущественному Солнцу.

Только теперь, в наше время, снова действует такое влияние, прямая инспирация Михаила. Эта прямая инспирация Михаила подготавливалась с XVI века. В то время ближайший к Михаилу архангел давал человечеству инспирацию, которая привела к усовершенствованию естествознания в наше нынешнее время. Современное естествознание проистекает не из инспирации Михаила, но от одного из его братьев — Гавриила. Эта научная инспирация питает склонность к созданию научного воззрения, которое дает понимание только материального мира и связано с физическим мозгом.

В последнюю пару десятилетий Михаил занял место этого инспиратора науки, и в ближайшую пару столетий Михаил даст миру нечто, что в спиритуальном смысле будет столь же важно (и даже еще важнее, так как оно

более спиритуально), неизмеримо важнее материалистической науки, которая от ступени к ступени развивалась с XVI века. Как раньше собрат Михаила, архангел, одарил мир наукой, так в будущем Михаил даст нам спиритуальное знание, у начала которого мы теперь еще только находимся. Как в течение пятисот лет до Мистерии Голгофы Михаил был посланцем Иеговы, отражения Христа, чтобы наложить на ту эпоху свою печать, как тогда он был еще посланцем Иеговы, так ныне, для нашего времени, он стал посланцем самого Христа. Подобно тому, как в древнееврейскую эпоху, служившую непосредственным подготовлением Мистерии Голгофы, древнееврейские посвященные могли обращаться к Михаилу как к внешнему проявлению Ягве, или Иеговы, так теперь мы можем обращаться к Михаилу, ставшему из посланца Иеговы посланцем Христа, чтобы в течение пары ближайших столетий получать от него нарастающее в своем объеме спиритуальное откровение, которое будет все более и более раскрывать нам Мистерию Голгофы. Совершившееся две тысячи лет назад, о чем мир смог узнать лишь через различные христианские секты и чьи глубины могут быть раскрыты лишь в XX веке, если вместо науки завоюет признание спиритуальное знание, дар Михаила, — есть то, что наполнит наши сердца неизмеримо глубокими чувствами по отношению к спиритуальности нашей эпохи. Мы сможем увидеть, что в последнюю пару десятилетий открылись врата, через которые понимание может прийти к нам.

Михаил может дать нам новый спиритуальный свет, в котором можно видеть преображение того света, что он давал в эпоху Мистерии Голгофы, и люди нашего времени могут поставить себя в этот свет. Если мы сможем ощутить это, то мы сможем понять и все значение новой эпохи, которая как раз теперь исходит из нашей. Мы сможем заметить зарождение спиритуального Откровения, которое в ближайшую пару столетий распространился в жизни человечества на земле. И так как человечество стало более свободным, чем прежде, мы станем способными развиваться по собственной воле таким образом, чтобы суметь принять это Откровение.

Теперь укажем на то событие в высших мирах, которое привело к этому измененному состоянию, к этой эпохе

возобновления Мистерии Голгофы. Если мы оглянемся на ту, прежнюю эпоху, то мы вспомним о том, что часто проходило через нашу душу, о том, что произошло при Иоанновом Крещении в Иордане, когда Христос явил себя в человеческой форме, зримой для людей на земле. А затем мы наполним нашу душу мыслью о том, что после того Христос соединился — в том, что относится к его внешней форме,— с иерархией ангелов и с тех пор незримо живет на земле. Вспомним то, что уже было сказано, а именно то, что в незримых мирах нет смерти. Сойдя в наш мир, Христос сам, подобно человеку, прошел через смерть. Став же опять чисто духовным существом, Он все-таки удержал воспоминание о своей смерти. Однако в качестве существа ранга ангела, в котором Он себя проявлял далее внешне, Он мог испытывать лишь понижение сознания.

Из-за того, что с XVI века стало необходимым для эволюции Земли, из-за триумфа науки, которая поднимается все выше и выше, в эволюцию человечества вошло нечто, имеющее значение и для незримых миров. Вместе с триумфом науки в человечестве развились материалистические и агностические чувства более интенсивного порядка, чем это было прежде. Материалистические тенденции действовали и раньше, но тогда не было той интенсивности материализма, как та, что возобладала с XVI века. Входя в духовные миры через врата смерти, люди все больше и больше брали с собой результаты своих материалистических идей, так что все больше семян земного материализма переносилось наверх после XVI века. Эти семена развивались определенным образом.

Хотя Христос явил себя в древнееврейской расе и в ней был [уже] приведен к своей смерти, ангельское существо, являющееся с тех пор внешней формой Христа, претерпело в ходе XIX века угасание сознания как результат противодействия материалистических сил, которые поднимались в духовные миры, как результат материалистического настроения человеческих душ, проходивших через врата смерти. Однако в XX веке наступление только что описанной бессознательности в духовных мирах станет Воскресением сознания Христа в душах людей на земле между рождением и смертью. Поэтому можно в определенном смысле предсказывать,

что утраченное для сознания человечества несомненно воспрянет для ясновидческого созерцания начиная с XX века. Сначала только немногие, затем все более растущее число существ станут способны в XX веке воспринимать эфирного Христа, то есть Христа в обликах ангела. Ради человечества произошло то, что можно назвать разрушением сознания в мирах, которые лежат непосредственно над нашим земным миром и в которых Христос был зрим в период между Мистерией Голгофы и настоящим временем.

Можно сказать, что во время Мистерии Голгофы в малоизвестном уголке Палестины происходило нечто, что в действительности было величайшим событием, какое когда-либо наступало для всего человечества, но на которое тогдашние люди обратили мало внимания. Если могло произойти подобное, то надо ли удивляться, слыша о том, что происходило в XIX веке, когда те, что с XVI века проходили через врата смерти, сопротивлялись Христу?

"Семена земного материализма", которые с XVI века в нарастающей степени были несомы в духовный мир душами, идущими через врата смерти, и которые создавали все больше мрака, создали "черную сферу материализма". Чтобы преобразить ее, эта черная сфера была в духе манихейского принципа принята Христом в свое Существо. Но у ангельского существа, в котором Существо Христа являло себя после Мистерии Голгофы, она вызвала "смерть от духовного удушья". Эта жертва Христа в XIX веке сопоставима с его жертвой на физическом плане в Мистерии Голгофы и может считаться вторым распятием Христа на эфирном плане. Вызавшая угасание сознания ангельского существа смерть от духовного удушья является повторением Мистерии Голгофы в мирах, лежащих непосредственно за нашим, чтобы в душах людей на земле могло произойти новое оживление сокрытого прежде сознания Христа. Это новое оживление становится для человечества ясновидением в XX веке.

Таким образом, с XX века Христово сознание может быть соединено с земным сознанием человечества, ибо умирание сознания Христа в ангельской сфере в XIX веке означает воскресение непосредственного Христова сознания в земной сфере, то есть с XX века жизнь Христа

будет все более и более чувствоваться как непосредственное личное переживание в душах людей.

Как те немногие люди, которые в тогдашние времена умели читать знаки времени и которые были в состоянии смотреть на Мистерию Голгофы, понимая, что великое, могучее Существо спустилось из духовных миров, дабы пройти через жизнь на земле и через смерть для того, чтобы благодаря его смерти субстанции его существа могли быть введены в состав Земли, так и мы можем почувствовать, что в мирах, которые находятся непосредственно за нашим, произошел род духовной смерти, угасание сознания и тем самым повторение Мистерии Голгофы, чтобы в душах людей на земле могло произойти воскресение сокрытого прежде Христова сознания.

Было много людей, со времени Мистерии Голгофы возвещавших имя Христово, но с XX столетия будет постоянно расти число тех, кто сможет передавать знание о Существое Христа, даваемое духовной наукой. Они смогут учить ему, возвещать его, опираясь на собственный опыт. Христос был уже дважды распят: один раз в начале нашей эры — физически, в физическом мире, и во второй раз в XIX веке — описанным образом, спиритуально. Можно было бы сказать, что в прошлое время человечество пережило Воскресение его тела, с XX столетия оно будет переживать Воскресение его сознания.

То, что я мог лишь наметить в немногих словах, постепенно проникнет в души людей, и посредничать в этом будет Михаил, который теперь является посланцем Христа. Подобно тому, как прежде он направлял души людей, чтобы они могли понять обращение Христа от жизни на небесах к жизни на Земле, так теперь он подготавливает человечество, чтобы оно стало способно пережить обращение сознания Христа из состояния бессознательного в состояние сознательного. И так же, как при земной жизни Христа, большинство его современников оказались неспособны уверовать в то могучее событие, которое совершилось в эволюции Земли, так и в наше время внешний мир стремится к наращиванию власти материализма, и еще долгое время будет продолжать считать фантазией, мечтаниями, может быть даже глупостью, то, о чем сегодня говорим мы. Так же будет он

смотреть и на эту истину о Михаиле, который в настоящее время начинает заново являть Христа. Несмотря на все это многие распознают то, что теперь начинает заниматься подобно утренней заре и что изольется в души людей в грядущие столетия подобно Солнцу, ибо Михаила можно всегда сравнивать с Солнцем. И если даже многие люди не признают это новое Откровение Михаила, оно все-таки распространится среди людей.

Вот то, что сегодня может быть сказано об отношении, в котором Мистерия Голгофы, произошедшая в начале нашего летоисчисления, находится к Мистерии Голгофы в ее современном понимании. Усвоим эти чувства, понимая, что только так мы сможем стать настоящими духоиспытателями. Время от времени будут приходить новые откровения, для которых должно быть открыто наше сознание. Но не должны ли мы чувствовать, что было бы особенно эгоистичным питать эти чувства только для нашего собственного удовлетворения? Почувствуем лучше, что наш серьезный долг, как мы поняли его благодаря духовной науке, велит нам сделать себя добровольными орудиями такого Откровения. И хотя мы представляем собой лишь маленькое сообщество, старающееся понять эту новую истину о Мистерии Голгофы, это новое Откровение Михаила, тем не менее мы выстраиваем новую силу, которая нисколько не зависит от нашей веры в это Откровение, но зависит целиком и полностью от самого этого Откровения, от самой Истины.

Тогда мы со спокойным сердцем поймем, что только некоторые из нас будут готовы возвещать миру (в той мере, в какой он захочет слышать): "Отныне существует новое Откровение Христа. Мы хотим быть готовыми признать его, мы хотим принадлежать к тому малому кругу, который хочет помогать ему расти, становиться непрерывным. Мы хотим основываться на внутренней силе такого Откровения, чтобы оно могло распространиться в остальной части человечества, ибо это познание будет постепенно становиться уделом всех". Это то, что мы называем мудростью, но некоторые назовут глупостью. Чтобы сохранять твердость, нам требуется лишь напоминать себе, что настоящее время есть время второго Откровения Михаила, а также помнить о том, что сказал один из старых посвященных во время первого Откровения

Михаила: "Часто то, что выглядит безумием перед людьми, есть мудрость перед Богом".

Постараемся же сегодня извлечь силу для нас самих из таких чувств, из такого духовного познания, которое во многих отношениях будет выглядеть глупостью для старого мира. Соберемся с духом и признаем, что то, что кажется глупостью тем, кто полагается лишь на внешние чувства, для нас может быть мудростью, светом, ясным пониманием сверхчувственных, духовных миров, к которым мы устремляемся всей силой наших душ и нашей духовнонаучной убежденности.

ДОПОЛНЕНИЯ

Из лекции в Мюнхене 17 февраля 1918 г. ПСС т.174а

...Когда еще не наступила середина XIX века, то есть в начале сороковых годов XIX века, определенное духовное существо (имена к сути дела не относятся, но чтобы иметь имя, можно взять заимствованное из христианской религии имя архангела Михаила),— следовательно, архангел Михаил,— вознамерилось стать из просто архангела Духом времени, достичь такого развития, чтобы иметь возможность включаться в жизнь людей не только в аспекте надземного, но и непосредственно в земном аспекте. Архангелу Михаилу необходимо было подготовиться к тому, чтобы спуститься на саму землю, жить, как бы следуя великому примеру Христа Иисуса, и, следуя этому великому примеру, занять исходный пункт здесь, на земле, и далее действовать с земной точки зрения. Для этого необходимо было, чтобы со стороны этого духовного существа велась подготовка с сороковых до конца семидесятых годов XIX века. И таким образом можно наблюдать, что годы, приблизительно от сороковых по 1879 год, представляли исполненную значения борьбу в надземной области, но в той области, которая непосредственно граничит с земной. Тяжелую, упорную борьбу против определенных противостоящих духов выдерживало, стало быть, это духовное существо, которое можно назвать архангелом Михаилом.

...Если мы посмотрим на всех тех ведущих духов из ряда архангелов, которые сменяют друг друга в земном правлении так, что это правление всегда продолжается приблизительно от трех до трех с половиной веков, как это было в последние три-четыре столетия при Гаврииле и теперь, далее при Михаиле в течение трех столетий, которым еще предстоит наступить; если мы посмотрим на весь ряд этих архангельских существ — Гавриила, Рафаила, Захариила, Анаила, Орифиила, Самаила, Михаила, — то мы сможем охарактеризовать отношение, существующее между ними и более высокими духами высших иерархий приблизительно следующим образом. Но, пожалуйста, не принимайте слова, которые звучат тривиально — ведь они всего только человеческие слова, не принимайте слова об этих возвышенных вещах, я бы сказал, легко. То, что в них подразумевается, не легковесно.

Из всех этих ангелов общим числом семь шесть (правда, не вполне, в наибольшей мере Гавриил, но и он не вполне, и все-таки шесть) в относительно значительной степени примирились с тем фактом, что люди стоят перед Майей, перед великой иллюзией. Ибо в силу свойства, которое не соответствует тому, к чему они были первоначально предназначены, они [люди] спустились с высоты своего первоначального образа вниз. Михаил был единственным, кто не захотел — тут я должен выразиться, я бы сказал, банально — пойти на уступки и кто вместе с теми, кто и среди людей является Михайловыми духами, придерживается точки зрения: "Я являюсь правителем Разума. Разум должен быть управляем так, чтобы в него не вступала иллюзия, фантастика, то, что заставляет человека видеть мир лишь туманно и смутно".

Мои дорогие друзья! Видеть, как Михаил выступает в сонме архангелов в качестве величайшего оппонента — это зрелище действует необычайно возвышающе, это зрелище захватывающее и грандиозное. И каждый раз, когда наступала эпоха Михаила, на земле было так, что, как я это уже излагал, разум как средство познания становился не только космополитичным, но становился таким, что люди проникались сознанием: мы все-таки

можем восходить к Божеству.

Это "мы все-таки можем восходить к Божеству" играло исключительную роль в конце последнего из прежних правлений Михаила. Тогда центры древних мистерий, начиная с Греции, находились в таком состоянии, что над ними простиралась атмосфера уныния. В унынии пребывали последователи древней пифагорейской школы в Нижней Италии, на Сицилии. Они были в унынии потому, что померкло то волшебное сияние, которое в шестом дохристианском столетии царило вокруг пифагорейской школы. Стало заметно вновь, также и для посвященных в пифагорейские мистерии, что над миром распростерлось нечто иллюзорное, нечто материалистически иллюзорное.

В унынии находились дочери и сыновья древних египетских мистерий. О, эти египетские мистерии уже ко времени Александра находились в таком унынии, что всего лишь наподобие шлаков чудесных древних потоков расплавленного металла продолжали сохраняться такие глубокие учения, как те, что нашли свое выражение в мифе об Озирисе или в обращении взора к Серапису. А на том берегу, в Азии, где были теперь отважные, мощные восхождения в духовный мир, которые совершались из мистерий Дианы в Эфесе? Даже самофракийские мистерии с их мудростью кабиров — отныне их могли разгадать только те, кто несли в себе самих импульс к подъему, к великому; только те, кто еще обладал соответствующим душевным строем, еще могли разгадывать облики облаков воскурений, которые поднимались от Аксиероса, Аксиокерсосу, Аксиокерсы.

Всюду наступало уныние! Всюду было ощущение того, что в древних мистериях пытались преодолеть, обращаясь к тайне Солнца, которая есть, в сущности, тайна Михаила, - всюду установилось чувство, что человек этого больше не может!

Та эпоха Михаила была временем великой проверки. Платон был, в сущности, лишь своего рода водным экстрактом древних мистерий. Затем из этого экстракта аристотелизмом было извлечено самое интеллектуальное, а Александр взвалил это себе на плечи.

Слова Михаила звучали тогда так: "Человек должен прийти ко всеобщему Разуму, к постижению на земле божественного в безгрешной форме. Исходя из центра в

Александрии всюду должно быть распространено наилучшее из того, что было приобретено помимо впавших в уныние мистерий". Таков был импульс Михаила. И в этом как раз заключается и отношение Михаила к другим архангелам — он наисильнейшим образом протестовал против падения человека.

Но это составляет наиважнейшее содержание учения, преподанного им своим приверженцам в той сверхчувственной школе, о которой я говорил в последний понедельник. Это важнейшее содержание состоит в следующем. Если Разуму надлежит находиться теперь среди людей, если Разум, выпав из лона михаилитов, будет обретаться на земле, то в эту михашшческую эпоху люди обязаны замечать, обязаны чувствовать, что там им надлежит спасать себя, потому что Разуму непозволительно быть пораженным греховностью, потому что эпоха Разума должна быть использована для того, чтобы в чистом разуме, свободными от иллюзии подниматься к спиритуальной жизни...

Из записной книжки Рудольфа Штейнера (запись 18)

августа 1924 г., Торки /Англия)

1879 - 1510	Гавриил
1510 - 1190	Самап
1190 - 850	Рафаил
850 — 500	Захариил
500 - 150	Анаил

150 от Р.Х. - 200 до Р.Х. Орифиил

В КН.: Rudolf Steiner. Das Initialen-Bewußtsein.— Dornach.
— 1993.-S. 242.

Запись, сделанная рукой Рудольфа Штейнера в записной книжке д-ра Иты Вегман

В эпоху Гавриила Вселенная пользуется духовным произведением человечества — земной плод превращается в небесное семя.

В эпоху Михаила Вселенная сеет на земле свой плод.

Эпоха Орифиила = ни посева, ни урожая.

Эпоха Захариила = космическая жизнь и земная жизнь во взаимодействии.

Эпоха Рафаила = на земле начинается космическая жизнь.

Эпоха Самаила = космическая жизнь на земле отступает и преобладает земная.

Эпоха Анаила = земная жизнь почти полностью погашается космической.

В кн.: Die Menschheitsaufgabe Rudolf Steiners und Ita Wegman.- Dornach.- 1976.- S. 84.

MICHAEL-IMAGINATION

Sonnenmächten entsprossene,
leuchtende, weltenbegnadende
Geistesmächte:
Zu Michaels Strahlenkleid
Seid ihr vorbestimmt
Vom Götterdenken.
Ex, der Christusbote,
Weist in euch
Menschentragenden,
Heiligen Welten-Willen.
Ihr, die hellen
Ätherwelten-Wesen,
Trägt das Christuswort
Zum Menschen.
So erscheint Michael,
Der Christus-Künder,
In harrenden, durstenden Seelen.
Ihnen scheint euer Leuchtwort
In des Geistes-Menschen
Welten-Zeit.
Ihr, der Geist-Erkenntnis Schüler
Nehmt des Michaels
Weises Winken,
Nehmt des Welten-Willens
Liebes-Wort
In der Seelen
Höhenziele
Wirksam auf.

ИМАГИНАЦИЯ МИХАИЛА

Мощью солнца рожденные,
Светозарные, дарящие милость миру,
Мощные Духи!
Вы по мысли Богов
Предназначены быть
Лучистым одеянием Михаила.
Он, Посланник Христов,
Направляет в вас
Святую Вселенскую Волю,
Несущую человека;
Вы, светлые существа
Эфирных миров,
Несите Слово Христа
К человеку.
Так является Михаил,
Вестник Христов,
Ожидающим, жаждущим душам;
Да озарит их ваше световое слово
В мировую эпоху духовного человека.
Вы, ученики духовопознания,
Внимайте мудрому
Призыву Михаила,
Действенно примите
Слово Любви
Вселенской Воли
В высокие цели
Ваших душ.

Из Последнего обращения в канун дня Михаила 28
сентября 1924 г. (ПСС т.238)

DIE DREI MICHAELICHE IDEALA.

Was einst Frömmigkeit hiess,
Heisst heute unbedingte Wahrhaftigkeit.
Was man früher Liebe nannte,
Ist heute Verantwortung für den anderen.
Was früher Demut hiess, Heisst heute Schicksalsmut.

Три Михаилических идеала.

То, что ранее называлось благочестием,
Ныне означает безусловную правдивость.
То, что ранее называлось любовью,
Ныне есть ответственность за других.
То, что ранее называлось смирением,
Ныне значит мужество перед лицом судьбы.

* Полученный частным образом текст приводимого здесь изречения не публиковался в составе ПСС Рудольфа Штейнера. Согласно справке, представленной Управлением наследия Рудольфа Штейнера, изречение было впервые оглашено на лечебно-педагогическом съезде в Дорнахе и 1995 году. Авторство Рудольфа Штейнера — несмотря на отсутствие формального подтверждения - свидетельствуется всем духом, в котором выдержано изречение, а его исключительное значение для эпохи души сознательной позволяет представить его текст вниманию читателей настоящего сборника. — Примеч. сост.

РОЖДЕСТВО

ЗНАЧЕНИЕ РОЖДЕСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДУХОВНОЙ

НАУКИ

Лейпциг, 15 декабря 1906 г. ПСС т.97

К празднику Рождества сегодня у многих людей уже нет другого отношения, кроме обычая зажигания огней на Христовой елке. Но Христова елка самый юный из символов праздника Рождества. Даже в тех местах, где она появилась раньше всего, она известна лишь около ста лет. Это не древняя языческая традиция, как думают многие. Насколько молода рождественская елка, настолько же стар предстоящий нам великий праздник человечества. Столь же долго, сколь наряду со всем человеческим чувствовали, предощуцали и знали на земле люди то, что поднимает их над человеческим к богочеловеческому, что поднимает людей над ними самими, столь же долго известен был и этот возвышенный праздник Рождества. В Евангелии от Иоанна есть изречение, которое можно считать лейтмотивом праздника Рождества: "Ему должно расти, а мне умаляться". Мы видим в нем указание на связь между двумя важными праздниками года. Иоанн сам свидетельствует о себе, что ему надлежит умаляться в то время, как другой, Христос, будет расти. Праздник Иоаннова дня приходится на то время, когда дольше всего длится день. Но за внешним материальным преходящим явлением встает нечто, что в убывающие иоанновы дни выражено в прекрасных словах в Евангелии от Иоанна: "И свет светил во тьму". Свет гораздо более яркий, более живой, чем все материальные проявления света, живет во тьме — свет духовный. И жизнь великого света во тьме является содержанием христианского праздника Рождества, отмечавшегося во всех религиях древности и пророчески указывавшего на великого Солнечного героя, на Христа Иисуса.

Благодаря духовнонаучному мировоззрению мы сегодня понимаем праздник христианского Рождества, на протяжении двух тысячелетий переживавшийся как праздник великого идеализма. Когда во мраке полуночи Святой ночи начинается богослужение и зажигаются огни, тогда они светят во внешнюю тьму. Это значит, что если когда-нибудь все на Земле будет внешне предано смерти, как подпадает смерти и все чисто человеческое, в теле будет жить — подобно тому, как Христос сделал это

истиной,— торжествующая душа, которая поднимется из телесной оболочки к светлой жизни, даже если Земля распадется на бесчисленные атомы как материальное тело. Из этого мрака, из этой гибели Земли душа всей Земли поднимется вместе со всеми человеческими душами, которые будут приняты в эту душу Земли. И прообразом, идеалом того, что этого достигнет не только душа Земли, но что и все люди на Земле могут иметь равную уверенность в этом, был Христос Иисус.

Таким образом, не только физическое солнце, но и растущее духовное Солнце является отражением Христова Существа. Когда все силы преобразятся, а любовь раскалит тело Земли, тогда Земля всецело проникнется принципом Христа. Символом этого служит свет Рождества.

Три царя суть символы, как и их дары: золото — символ мудрости и царственного величия, мирра - символ победы над смертью, ладан — символ одухотворенных эфирных субстанций, в которых возвещает себя Бог, преодолевший смерть. В этих трех символах Христос выступает как Царь, как Победитель смерти, как исполнение всего земного развития. Так каждый, кто посвящен в эзотерику, чувствует рождение божественного ребенка, предвидевшееся в мистериях еще до эпохи Христа и переживаемое также и после. Мистерии не были церковными учреждениями и школами во внешнем смысле, они были местами воспитания и одновременно культа, где человек поучался мудрости, смирению и вере, являющейся одновременно знанием и познанием. Мистерии были великие и малые. Человек, допущенный в них после всяческих испытаний, видел в малых мистериях драматическое изображение вечных истин, которые переживает в себе тот, кто посвящен более высоко. В малом величайшие моменты в развитии человечества можно сравнить с опытами, которые испытывает слепорожденный, когда он оперирован, — перед ним открывается совсем новый мир. Очи духа отверзаются у посвященного. В свете и цвете ему открывается мир духа, мир совершенно новый, гораздо более обширный, нежели мир физический со всеми его обитателями и существами. Ему видятся оживленными все вещи. В это мгновение посвященные переживали рождение своего высшего Я. Это переживание называли внутренним праздником

Христа. То, что переживали избранные и что еще и сегодня могут переживать посвященные, для других, в малых мистериях, было идеалом, который они все могли надеяться достигнуть, одни — раньше, другие — позже. Тот, кто знает, что человек должен прожить много жизней, может быть уверен, что это пробуждение, это посвящение когда-нибудь станет действительностью и в нем, что и в нем пробудится Христос, что наступит та Святая ночь, когда внутри него засияет Свет. Тогда изречение Евангелия от Иоанна приобретет обратный смысл: "И Свет будет постигнут тьмою".

Все это изображалось в мистериях. То, что свершилось как великое христианское событие, повторило физически то, что в мистериях совершалось для каждого посвященного, в малых мистериях — образно, в великих мистериях — в душе человека.

Важное переживание внутреннего Христа бывало представлено в малых мистериях в совершенно определенное время года, когда солнце посылало меньше всего света Земле, в самую длинную зимнюю ночь, как еще и сегодня на праздник Рождества. Проведем перед глазами картину, которая символизировала смысл внутреннего развития человека в малых мистериях. В священном настроении пребывали люди, которые должны были видеть это, собравшись в полном полуночном мраке в Святую ночь. Тогда раздавался своеобразный глухой гул, постепенно превращавшийся в чудесное ритмическое звучание, в гармонические звуки — в музыку сфер. И затем становилось видно слабо освещенное тело, мягко светящийся во тьме шар, который должен был символизировать Землю. От слабо светящегося земного диска возникали постепенно переходившие друг в друга, соотносимые со звуками кольца радужных цветов и расходились во все стороны: это — божественная Ирида. Так сквозь туман людям в древней Атлантиде, Нифльхейме германской мифологии светило солнце. Все светлее становилось это явление, и семь цветов постепенно переходили в слабый золотой и слабый фиолетовый цвета. Образование это светило все ярче, свет становился все сильнее, пока не превращался в самое яркое небесное тело, в солнце. Посреди этого солнца появлялось на языке соответствующего народа имя Христа. О человеке,

пережившем этот праздник, говорили: "Он видел Солнце в полночь". Это значило, что ему был явлен символ духовного видения. Человек, чье духовное око открыто, видит, как вся материя становится прозрачной. Он смотрит сквозь Землю, он действительно видит Солнце в полночь, он преодолевает материю. В противоположном цвете, в фиолетово-красноватом цвете видится ему Солнце в полночь. То, что космически появляется в великом мировом символе, для христиан, будучи перенесено в область человеческого, стало явлением Христа Иисуса на Земле. Мы все увидим Солнце в полночь. Это не противоречит и Новому Завету.

Таким образом, Христос — это Существо, которое преобразит то, что пока еще связано с низшим, обожит то, что связано с мирским. Он — Солнце в области духа. Так чувствует Христа Иисуса христианский эзотерик или христианский теософ. Духовное пробуждение происходит, когда на земле царят наибольший холод и тьма, так как посвященные знают, что тогда пространство пронизывают определенные силы и что имеется наиболее благоприятная констелляция для духовного пробуждения. Учеников наставляли не довольствоваться обычным человеческим знанием, а учиться обзирать все человечество, всю земную историю. "Посмотрите,— говорили ученикам,— на ту эпоху, когда Земля еще была соединена с Солнцем и Луной. Тогдашнее человечество жило в солнечном свете. То, что должно было стать позднее Землей, было исполнено духовной силой, которая вспыхивала в то же время в каждом существе. Затем наступил момент, когда Солнце отделилось от Земли, когда свет стал светить на Землю извне, когда внутри человека стало темно. Это момент является началом его развития в направлении того далекого будущего, когда он вновь будет нести в себе солнечный свет. В нем тогда будет развит тот высший человек, солнечный человек, который несет в себе свет и владеет силой просветления".

Так Земля возникла из света, проходит сквозь тьму и снова приходит к солнечному свету. Как осенью и зимой убывает сила солнечных лучей, так в то время, когда человек должен учиться познавать великие вещи Земли, материю, духовное полностью отступает назад. Однако духовная сила снова возрастет, и на Рождество происходит

то, что апостол Павел выразил в притче о пшеничном зерне. Если посеянное зерно не умрет в земле, то не будет и новых плодов. В рождественское время старая жизнь угасает, но новая возникает в ее лоне. С этого дня приходят в движение соки в деревьях, новая жизнь начинает бить ключом, свет вновь начинает расти в дотоле прибывавшей тьме. Христианин мыслит это переведенным в духовное. Все, что влечет к материи, должно исчезнуть, чтобы дать место тому, что пробивается вверх. Христос пришел в этот мир, чтобы из низшего родилось то, что должно быть возведено к высшему. В хлеве евангельского повествования мы видим преобразование, разновидность того, что древнейшая мудрость именовала пещерой. В полостях скал справляли праздник, у разных народов по-разному, на другой день наступал второй праздник, когда показывали, как из земли, из камня пробивается жизнь. Это было тоже символом произрастания духовного из умирающего земного.

Во внутренних святилищах Египта, в элевсинских мистериях и в орфическом культе Греции, в Передней Азии, у вавилонян и халдеев, в служении Митры у персов и в мистериях индусов — всюду Рождество праздновалось одинаковым образом: участники малых мистерий видели воочию то, что переживали посвященные. Изображаемое пророчески указывало на рождение Христа в человеке. Те посвященные, которые уже достигли его, считались, как говорят, "прибывшими" на шестую ступень.

Таких ступеней было семь. На первой ступени находился "ворон", посредничавший между духовным и внешним миром. Так, в Библии говорится о "воронах" Илии, сага сообщает о "воронах" Вотана или также о "воронах" императора Барбароссы в Кифхойзере. На второй ступени находился "окультист". Он уже был допущен в святилище, находился внутри его. Третьей была ступень "воина" или "бойца". Достигший ее мог заступаться за духовные истины во внешнем мире. Тот, кто достигал четвертой степени, именовался "львом". Его сознание расширялось за пределы его индивидуального сознания до сознания его племени. Можно вспомнить, например, о "льве из колена Иудина". Посвященный пятой степени обладал не только сознанием племени, но принимал в свое сознание сознание Духа народа. Поэтому

он получал имя своего народа. У персов, например, он назывался "персом". Нафанаила Иисус называет "истинным израильтянином"; Иисус признает в нем посвященного пятой степени.

Обозначение того, кто достиг шестой ступени, относится к одному важному качеству. Окидывая взглядом природу, мы видим, как природные существа развиваются от низших существ до человека, а от среднего человека — до того, кто дал родиться в себе Христу. Всюду в жизни низших существ мы видим ритм, ритм, который им навязывается солнцем. Растения цветут всегда в одно и то же время года, каждое в зависимости от своего вида, и раскрывают цветы каждый вид в одно и то же время дня. Животные тоже в важных жизненных функциях обнаруживает свой годовой ритм. Только человек все более утрачивает эту закономерность. Он освобождается от принуждения ритма, первоначально также навязанного ему. Если же в нем пробуждается и переполняет его любовь ко всем существам, то новый, собственный ритм рождается в нем. Этот ритм столь же верен, как и ритм солнца, которое ни в малейшей степени никогда не отклоняется от своего пути (последствия этого едва ли возможно было бы описать). В посвященном шестой степени видели отражение хода благословляющего Солнца в мировом пространстве, отражение Христа в человеке и в духовном мире. Поэтому шестая степень именовалась степенью Солнечного героя.

Трепет проходил через душу ученика, который видел такого Солнечного героя. В последнем внутренне родился Христос. Это изображало одно событие, которое ощущалось как рождение на духовном плане. Рождение исторического Иисуса было помещено посвященными первых столетий во внешне самое темное время года, так как это был вместе с тем восход духовного Солнца. Поэтому у первых христиан была введена также полуночная месса, культ, проводившийся в темные полуночные часы, вслед за чем на алтаре вспыхивало море света.

Высшей степенью была степень "Отца".

То, что вдали от всякой внешней жизни совершалось столь часто в отдельных людях в мистериях, разыгралось во внешней истории открыто со Христом Иисусом. Ничего

более высокого не может быть пережито в человеческой душе, чем то, что внешне, в физическом мире, было принесено Победителем смерти, давшим залог вечной жизни души. То, что произошло как плод новой жизни из умирающего мира, ощущалось посвященными как рождение ребенка Христа в духовном мире. Тот, кто духовное не мыслит отдельно от физического мира, чувствует глубокую связь между Солнцем и Святую ночь и той духовной жизнью, которая развивается из мировой жизни. На Святую ночь приходится рождение величайшего идеала, какой только может существовать для мира и который осуществится, когда Земля достигнет своей цели. То, что пророчески возвещается ныне, однажды станет действительностью. Как побеждающая смерть жизнь оживает в светящемся рождественском древе, так в будущем она сама оживет во всех людях. Здесь она стоит перед нами ныне в качестве перспективы.

Так в идее праздника Рождества мы чувствуем то, что приходит к нам из глубокой дали, но что всегда праздновалось уже в древнейшие времена. При правильном понимании этот праздник вновь приобретет для нас более высокое значение. Даже дерево станет для нас важнее, чем просто символ того райского древа, который вы все знаете из Книги Бытия. Ведь рай — это образ более высокой природы человека, с которой не связано ничего злого. Познание могло быть достигнуто только за счет жизни. Следующая легенда разъяснит, как смотрели на это те, кому это было ведомо.

Когда Сиф захотел снова попасть в рай, его впустил туда Херувим с огненным мечом. Он увидел там, что Древо жизни и Древо познания переплелись друг с другом. По указанию Херувима он взял три семени от этого соединенного древа. Древо изображает то, чем однажды должен стать человек и чего уже ныне достиг посвященный. Когда Адам умер, Сиф взял три семени и положил их в рот Адама. Из них вырос пламенеющий куст, внутри которого светились слова: "Эйе ашер эйе" — "Я тот, кто есть, был и будет". Далее легенда рассказывает, что Моисей сделал из его древесины свой чудотворный жезл. Позже из того же дерева были построены врата Соломонова храма. Затем часть его упала в пруд Вифезды и сообщила ему чудодейственную силу. И наконец, из него

был сделан Крест Христа. Это образ жизни, умирающей, угасающей в смерти, которая способна породить новую жизнь.

Перед нами великий символ: жизнь, преодолевшая смерть, дерево, вышедшее из райского семени. Эту умирающую и заново возникающую жизнь изображает нам Крест с розами. Не без основания великий Гете сказал:

Und so lang du das nicht hast, Dieses:
Stirb und Werde!
Bist du nur ein trüber Gast
Auf der dunklen Erde.

И покуда не поймешь:
Смерть — для жизни новой,
Хмурым гостем ты живешь
На земле суровой.

Гете И.В. Блаженное томление. Пер. Н. Вильмонта.

Сколь удивительна связь между райским деревом, деревом Креста и пускающей из него ростки новой Жизнью! Чувствовать, как вечный человек рождается в преходящей жизни — вот чем должна быть для нас идея Христа, Святая ночь. Ныне человек должен применить к себе слова: "Свет во тьму светит", тьма же должна постепенно постичь свет. Все души, в которых Святая ночь высекает настоящую искру, живо почувствуют, чему дает родиться в них Святая ночь,— способность, которая разовьется в них в силу, что даст им возможность видеть, чувствовать, волиять так, чтобы изречение приняло обратный вид и гласило: "Свет во тьму светит, и тьма постепенно постигла свет".

СИМВОЛ РОЖДЕСТВЕННОЙ ЕЛКИ

Берлин, 21 декабря 1909 г. ПСС т. 117

В день, который отмечен для нас праздником Рождества, нам следует, может быть, несколько изменить наши традиции, отвлечься от искания познания и истины и вместо этого углубиться в тот мир чувств и ощущений, который должен быть разбужен светом, исходящим из духовной науки.

Этот праздник, который опять приближается теперь и в который так много людей чувствует себя несчастливенными в лучшем смысле слова, еще не является слишком древним праздником в том смысле, в каком это понимается нашим духовнонаучным мировоззрением. То, что называется христианским Рождеством, появилось не тотчас, как только христианство вошло в мир. У первых христиан еще не было такого праздника Рождества. Они не праздновали рождения Христа Иисуса. И прошло почти триста лет, прежде чем в христианском мире был отпразднован праздник рождения Христа Иисуса.

В первые столетия, когда христианство распространялось по свету, в душах тех, кто чувствовал Импульс Христа, жили чувства и ощущения, следуя которым эти люди удалялись от царившей в то время внешней жизни, насажденной в древние времена и ставшей тем, чем она стала ко времени появления Импульса Христа. Ибо в душах первых христиан вставало смутное предчувствие, что они должны дать возникнуть из себя импульсу переустройства земных вещей, импульсу такого переустройства земных вещей, которое в противоположность всему прежнему будет проникнуто новыми ощущениями, новыми чувствами, но прежде всего новой надеждой и новой верой в развитие человечества. И то, что тогда должно было появиться на горизонте великого мирового бытия, должно было подобно духовному зачатку взять свой отправной пункт, можно сказать, буквально в глубинах Земли (*im Innern der Erde*).

Мы уже часто мысленно переносились в римские катакомбы, где, отрешившись от тогдашней жизни, первые христиане праздновали праздники своих сердец и праздники своих душ. Мы мысленно переносились в эти

места молитвы. Там праздновались вначале не праздники рождения: самое большее это были еженедельные воскресные празднования, чтобы каждую неделю вспоминать о великом событии Голгофы. И, кроме того, в первые столетия праздновалась еще память тех умерших, которые с особым воодушевлением, с глубоким чувством говорили об этом событии Голгофы и которые столь значительно включились в ход развития человечества, что подвергались преследованиям со стороны одряхлевшего мира. Годовщины смерти мучеников первые христиане праздновали как дни рождения человечества, так как эти мученики вступили в духовную жизнь.

Не существовало тогда еще и праздника Рождества Христова. Но именно возникновение этого праздника может нам показать, что мы еще и сегодня имеем полное право говорить, что христианство не вдруг появилось с той или иной догмой, с тем или иным учреждением и эти догмы и учреждения должны лишь передаваться с тех пор из поколения в поколение, но имеем право сослаться на изречение Христа о том, что Он с нами, что Он во все дни наполняет нас своим Духом. Чувствуя же себя исполненными этим Духом, мы можем считать себя призванными к постоянному и никогда не прерывающемуся развитию христианского Духа. И именно антропософским духовным развитием мы призваны продолжать не мертвое, застывшее христианство, а развивать для будущего христианство все обновляющееся, порождающее из себя самого все новую мудрость и познание. Мы никогда не говорим о когда-то бывшем Христе, но всегда только о вечно живом. И о вечно живом, о вечно действующем Христе, о работающем в нас Христе мы можем вспоминать в особенности тогда, когда мы говорим о празднике рождения Христа Иисуса.

Христиане уже в первые столетия чувствовали, что они могут вносить нечто новое в организм христианского развития, что они могут добавлять к нему то, что действительно притекает к ним из Духа Христова. Так, праздник Рождества был установлен лишь в четвертом христианском столетии. Можно говорить, что в 354 году в Риме было отпраздновано первое христианское Рождество. И мы, в частности, обнаруживаем, что во время менее критическое, нежели наше, исповедовавшие христианство

были по-настоящему проникнуты предощущением того, что они должны снимать все новые плоды с великого древа христианской жизни. Поэтому, быть может, мы смеем вспомнить о внешнем символе Рождества, символе рождественского дерева, который стоит здесь перед нами, который в ближайшие дни будет иметь перед собой множество людей и который в его особом значении духовная наука призвана все глубже запечатлеть в сердцах и душах людей.

Держась именно за этот внешний символ, мы могли бы прийти в противоречие с развитием, протекающим во времени. Было бы заблуждением думать, будто этот символ древний. Ведь у современного человека легко могло бы возникнуть убеждение, что поэтическая елка рождественской ночи является древним учреждением. Существует картина, изображающая елку в семье Лютера. Эта картина, написанная, естественно, только в XIX веке, изображает нечто совершенно ложное, так как на широких просторах немецких земель, как и в других областях Европы, во времена Лютера еще не существовало таких рождественских елок. Это — более поздний символ. Но, быть может, именно это рождественское дерево являет нам нечто весьма примечательное. Не могли ли бы мы также сказать, что рождественская елка является сегодня чем-то, что могло бы восприниматься как предвестие будущего в том смысле, что, может быть, постепенно, но все больше и больше в этой рождественской елке станут видеть образ чего-то необычайно значительного и великого? Тогда мы обратим наши взоры на эту рождественскую елку, уже не предаваясь иллюзии насчет ее исторического возраста, но при этом вызывая в воспоминании то, что уже часто вставало перед душой, так называемую Святую легенду. Она рассказывает следующее.

Когда Адам был изгнан из рая — легенда рассказывает об этом по-разному, мы воспроизведем ее возможно короче,— он взял с собой три семени от древа жизни, от которого люди не смели вкушать, вкусив от древа познания добра и зла. Когда же Адам умер, Сиф взял эти три семени и опустил их в могилу Адама, и из могилы Адама выросло дерево. Из древесины этого дерева — говорит легенда — были сделаны разные вещи: Моисей

сделал из этого дерева свой жезл, а позднее от этого дерева была взята древесина для Креста на Голгофе.

Столь значительным образом легенда напоминает нам о том райском древе, которое было вторым: люди вкусили от древа познания, но у них была отнята возможность вкушать от древа жизни. Однако в сердцах людей осталась навеки тоска, стремление к этому древу. Изгнанные из духовных миров, подразумеваемых под образом рая, во внешний мир явлений, люди чувствовали в своих сердцах стремление к этому древу жизни. Чего они не смели иметь без своей заслуги, без проделанного развития, они должны были добиваться, постепенно, с помощью познания приобретая заслуги, становясь посредством работы на физическом плане зрелыми и способными принимать плоды древа жизни.

Три семени представляют для нас тоску по плодам с древа жизни. Легенда рассказывает нам, что в древе Креста содержалось то, что происходило от древа жизни. И в течение всего развития [христианства] существовало сознание того, что сухое древо Креста все-таки содержит зачаток новой духовной жизни, что из него произрастет то, что люди — если они правильно воспользуются этим — смогут соединить со своей душой как плод древа жизни, плод, дающий им бессмертие в истинном смысле слова, возжигающий свет души и озаряющим душу так, что из темных глубин физического мира она найдет путь в светлые выси духовного бытия и почувствует себя там причастной к бессмертной жизни.

Не предаваясь иллюзиям, мы можем — хотя и не как историки, но как чувствующие люди — почувствовать в стоящей перед нами рождественской елке нечто вроде символа того света, который взойдет в глубинах нашей души, чтобы завоевать нам бессмертие в духовном бытии. Мы смотрим в глубину души и благодаря антропософскому духовному течению чувствуем себя проникнутыми той силой, которая позволяет нам взирать в духовный мир. Затем мы смотрим на такой внешний символ, как стоящая перед нами елка, и можем сказать себе: "Пусть она будет для нас символом того, что будет светить и гореть в наших душах, чтобы вознести нас в духовный мир!" Это дерево тоже происходит как бы из темных глубин. Прицать такой неисторический подход, как только что

отмеченный, могут только те люди, которые не знают, что то, внешние основания чего не доступны физическому познанию, тем не менее обладает глубокими духовными основаниями. Пусть от внешнего взгляда ускользает, каким образом это рождественское дерево проникает во внешнюю человеческую жизнь. В относительно короткое время оно как счастливый обычай вошло в общий мировой обиход. Пусть это внешне ускользает от взгляда, но кто знает, что все внешние события — это отпечатки хода духовного развития, тот должен чувствовать, что на внешнем физическом плане, должно быть, существовало особое глубокое основание для появления рождественской елки, что рождественская елка явилась словно под влиянием глубокого духовного импульса, который незримо ведет людей и который, быть может, незаметно инспирировал отдельные особенно чувствительные души, чтобы в прекрасной рождественской елке выразить внешне тот внутренний свет, что должен сиять в мире. А когда такое знание поднимется до мудрости, тогда это дерево может стать по нашей воле символом наивысшего.

Если антропософия - это мудрость, то она может быть деятельной мудростью и мудро пронизывать собой, то есть покрывать позолотой, внешние впечатления и внешние обычаи. Так, постепенно охватывая сердца и души людей настоящего и будущего, согревая и проясняя их, антропософия, быть может, сумеет позолотить и ставший столь материалистическим внешний обычай рождественской елки, сумеет пронизать его своей мудростью и сделать его величайшим символом после того, как он в ходе самых последних времен словно из темных глубин души вошел в земную жизнь. Если же мы проникнем, может быть, несколько глубже и предположим, что глубокое духовное руководство вносило свои импульсы в человеческие сердца, то совсем не лишенным основания окажется для нас то, что люди в глубоких ощущениях проживают у горящего огнями дерева мысли, внушенные им духовным водительством.

В различных странах Европы был старый обычай: в недели, предшествующие Рождеству, люди искали побеги разных деревьев, разных кустов, и брали большей частью листовые растения, которые могли распуститься или хотя бы дать побег в Святую ночь. Когда же на Рождество

в комнате стояли заботливо собранные побеги или ветви деревьев и в ночь глубочайшего солнцестояния с помощью искусственных мер раскрывали свои почки, во многих душах появлялось что-то вроде предчувствия непобедимой жизни, той жизни, что будет победительницей всякой смерти. Однако сама рождественская елка моложе. Где нам надлежит искать раньше всего обычай рождественской елки?

Мы знаем те проникновенные речи, которые произносили наши немецкие мистики, особенно Иоганн Таулер, действовавший в Эльзасе. Кто испытает воздействие проповедей Иоганна Таулера с их глубокой искренностью, с их бесконечной задушевностью, тот скажет себе, что в то время, когда Таулер стремился к углублению и одухотворению христианства, его введению в глубины сердца, в Эльзасе жил совершенно особый дух, всюду искавший душу, исполненную Мистерией Голгофы. Когда Таулер произносил в Страсбурге свои проповеди, его проникновенные, пламенные слова погружались глубоко в души людей, и в них порой расцветало немало оставленных ими впечатлений. Немало впечатлений возникло и от того, что Иоганн Таулер говорил в своих чудесных рождественских проповедях. "Три раза, — говорил он, — для людей рождается Бог: сначала, когда Он происходит от Отца, от великой Вселенной; затем, когда Он сошел к людям и облекся в человеческие оболочки, и в третий раз Христос рождается в каждой человеческой душе, которая находит в себе самой возможность соединить с собой то, что является премудростью Божией (Gottesweisheit), и родить в себе высшего человека".

Глубочайшую мудрость высказывал во всевозможных чудесных, торжественных выражениях Иоганн Таулер в области Страсбурга и особенно на Рождество. Именно такая глубокая мудрость и могла погружаться в души, оставаться в них и оказывать свое последующее действие. Чувства тоже имеют свои традиции. Из одного столетия в другое могло продолжать действовать то, что было тогда погружено в души; как все настоящие, проникнутые духом чувства, оно просилось в глаза и руки и внушало глазу потребность увидеть также и во внешнем символе воскресение, рождение человеческого духовного света. Может быть для материалистического мышления это всего

лишь прекрасная случайность, но для того, кто знает, каким образом во всем физическом действует духовное водительство, это более, чем просто случай, когда мы слышим, что первые сведения о рождественском дереве, стоявшем в немецком доме, приходят из Эльзаса и именно из Страсбурга. Мы имеем под 1642 годом наиболее раннее сообщение о том, что такое рождественское дерево стояло в одном доме на радость тем, кто в облике чувственного явления хотел видеть свет, который в нас самих должен проснуться от принятия духовной мудрости.

Насколько плохо была принята немецкая мистика тем христианством, которое прилепляется к внешним догмам, мы видим на примере Мейстера Экхарта, великого предшественника Иоганна Таулера. Он был объявлен еретиком после смерти, так как это забыли сделать при его жизни. Да и пламенные речи Иоганна Таулера, исходившие из сердца, по-настоящему преисполненного Христом, тоже нашли мало признания. Каким образом это не верующее в настоящий дух внешнее христианство относилось к углублению христианства Мейстером Экхартом, Иоганном Таулером и другими, мы видим из того, что первая весть о рождественской елке дошла до нас от противника Духа. Он счел это детской игрой. Люди, мол, лучше бы шли туда, где преподается истинное учение.

Медленно распространялся поначалу обычай рождественской елки. Мы видим, что он появляется в Средней Германии около середины XVIII века, но и там лишь в отдельных местностях. И только в XIX веке рождественская елка становится все более частым духовным украшением Рождества, новым символом того, что жило на протяжении столетий. У тех, кто мог чувствовать все эти вещи не в блеске христианства на словах, а в блистании подлинно духовного христианства, у них рождественская елка всегда вызывала прекрасные человеческие чувства. И вы без лишних слов уверитесь, что рождественская елка столь молода, если припомните, что величайшие немецкие поэты не написали ни одного стихотворения о рождественской елке. Ведь если бы она была уже ранее, то, наверное, Клопшток поэтически дал бы знать о таком символе. Поэтому пусть и для нас эта рождественская елка будет залогом того, что символы

высшего и величайшего могут воскресать вновь. И в особенности эти символы могут всплывать перед душой у нас, если мы чувствуем духовную истину пробуждения я в душе человека, того я, которое чувствует духовные узы, тянущиеся от души к душе, и чувствует их особенно тогда, когда благородные люди действуют вместе.

Упомянем лишь один пример, из которого мы увидим, как свет рождественского древа воссиял в душе одного великого предводителя человечества. В 1821 году Гете, - с которым мы ранее уже часто встречались, рассматривая в свете антропософии духовную жизнь, - определенно почувствовал, заканчивая своего "Фауста", что единственно возможными для выявления его поэтических намерений были бы христианские символы. И он столь же определенно почувствовал, что христианство должно соединять души благороднейшими узами, что оно должно учреждать те узы братской любви, которые связаны не с кровью, а с душой, которые примыкают к духу.

Мы почувствуем, что еще заключено в христианстве как импульс, если подумаем о конце Евангелий. С Креста Голгофы Христос Иисус видит мать, видит сына, и в этот момент Он учреждает ту общность, которая создавалась до тех пор только кровью. Прежде сын давался матери, мать давалась сыну только через кровь. Христианством не отменяются кровные связи. Кровные связи должны оставаться, но должны добавиться духовные узы, которые осветят кровные связи духовным светом. Поэтому Христос Иисус сказал с Креста: "Жена, вот сын твой!". И ученику: "Вот мать твою!". То, что ранее устанавливали только кровные узы, устанавливается с Креста духовной связью.

Там, где дух живет в благородном духовном содружестве, там и Гете всегда чувствовал побуждение обратить взгляд к подлинному христианскому духу. Для него это выливалось также в потребность дать этому христианскому духу дойти от сердца до глаз. В 1821 году у него был для этого особый повод.

Люди того княжества, которому Гете посвятил столько своих сил, объединили свои усилия, чтобы основать высшую гражданскую школу. Это был как бы подарок князю от Веймара. Гете решил, что этот маленький импульс духовного прогресса лучше всего отпраздновать, созвав некоторое число людей в канун Рождества и

отметив этот духовный прогресс стихами, которые они могли написать сообразно их умению. Затем он собрал эти вышедшие из народа стихотворения, сам написал к ним поэтическое предисловие, а передать эту книжечку князю Карлу Августу должен был под елкой будущий великий герцог Карл Александр, который был тогда трехлетним мальчиком. Ибо рождественская елка уже была постоянным символом в 1821 году. Этим маленьким действием Гете показал, что в чувстве и ощущении рождественская елка является для него символом духовного движения вперед в малом и великом. А в поэтическом предисловии, которым он снабдил эту маленькую книжечку, находящуюся еще и сегодня в Веймарской библиотеке, Гете воспел символ рождественской елки в следующих словах:

Baume leuchtend, Baume blendend,
Überall das Süße spendend,
In dem Glänze sich bewegend,
Alt- und junges Herz erregend —
Solch ein Fest ist uns bescheret,
Mancher Gaben Schmuck verehret;
Stauend schaun wir auf und nieder,
Hin und her und immer wieder.
Aber, Fürst, wenn dir's begegnet
Und ein Abend so dich segnet,
Daß als Lichter, daß als Flammen
Vor dir glänzten allzusammen
Alles, was du ausgerichtet,
Alle, die sich dir verpflichtet:
Mit erhöhten Geistesblicken
Fühltest herrliches Entzücken.

Дерева, ярко сияющие, ослепляющие глаз,
Раздающие сласти,
Кольшащисся при свечах,
Празднично настраивая сердца старых и молодых
Такой праздник нам подарен,
Нам поднесены драгоценные дары;
В восхищении смотрим мы вверх и вниз,
То туда, то сюда, снова и снова.
А ты, князь,
Когда придет вечер,
Который станет благословением для тебя,

Когда в свете огнен заиграет вес,
Что ты совершил, и засияют глаза всех
Обязанных благодарностью тебе,
Ты, возвысив духовный взор,
Почувствуешь радостный подъем.

Это стихотворение нашего Гете мы можем причислить к первым стихотворениям о Рождестве.

Когда мы в области духовной науки говорим о символах, мы можем говорить также и о том, что образы, как бы бессознательно или подсознательно встающие в душах людей и вступающие в поток времени, могут быть позолочены, то есть одеты мудростью.

Итак, мы видим, что христианское Рождество возникло только в IV веке; мы видим, что тогда оно было впервые отпраздновано в Риме. И опять-таки почти как веление судьбы приходится воспринимать то, что в областях Средней и Северной Европы праздник Рождества совмещается — но не на внешний материалистический лад, а благодаря таинственному стечению обстоятельств — с древним праздником, когда издревле праздновался в момент самого глубокого стояния солнца, праздник зимнего Солнца. Не следует думать, будто в Средней и Северной Европе праздник Рождества был отнесен ко времени этого праздника, так как старый праздник хотели превратить в праздник Рождества, чтобы, так сказать, умиротворить народы. Праздник Рождества вышел из христианства, и именно благодаря принятию праздника Рождества в северных областях обнаружилось глубокое внутреннее средство этих народов и их символов с христианством. В то время как, например, в Армении праздник Рождества совсем не был принят, и даже в Палестине христиане еще долго отрицательно относились к нему, в Европе он быстро вошел в обычай.

Попытаемся путем антропософского рассмотрения правильно понять праздник Рождества, чтобы затем составить понятие о символе рождественского дерева. Когда мы на протяжении года бываем здесь вместе, мы открываем душу тем словам из духовных источников, которые не должны оставаться просто словами, но должны стать силой, которые должны действовать все больше и больше в нашей душе, чтобы душа могла стать гражданином Вечности. Мы собирались здесь целый год,

чтобы в этом помещении раздавались на разные лады эти слова, звучал этот Логос о том, что Христос всегда с нами и что, когда мы вместе, Дух Христов действует среди нас и наши слова проникаются Духом Христовым. Только тогда, когда мы высказываемся об этих вещах, сознавая, что слово — это крылатый носитель Откровений, которые Дух дает человечеству, только тогда мы открываем наши души тому, чем является слово Духа. Но мы знаем, что слово Духа не охватывается нами полностью, не может быть для нас всем, чем оно должно быть, если мы воспринимаем его в качестве познания просто во внешней абстрактной форме. Мы знаем, что быть тем, чем оно должно быть, оно может только тогда, когда оно рождает то внутреннее тепло, благодаря которому душа расширяется, чувствует себя расширенной внутренним теплом и, наконец, излитой во все явления мирового бытия, учится чувствовать себя единой с Духом, который разлит во всех этих явлениях.

Если мы чувствуем, что в нас должно стать силой, должно стать жизнью то духовное слово, которое достигает нашего слуха, когда мы — если время настало - ставим перед собой символ, который взывает, укрепляя нас: "Дай возникнуть в тебе новому, духовному человеку, тому, что может зажечь теплом, озарить светом слово, идущее к нам из духовных источников, из духовных глубин", то мы почувствуем также значение того, что звучит для нас как духовное слово. Почувствуем же со всей серьезностью в такую минуту, как нынешняя, сколько такого душевного света и такого душевного тепла может принести нам духовная наука. Почувствуем это примерно следующим образом.

Посмотрим на современный материалистический мир с его суетой, на людей, куда-то спешащих и несущихся с утра и до вечера, судящих обо всем с точки зрения материальной пользы, по меркам внешнего физического плана, и даже не подозревающих, что позади всего живет и творит Дух. Люди засыпают вечером, не ведая ни о чем ином, кроме того, что будут в бессознательном состоянии, а утром опять пробудятся в сознании физического плана. Ничего не предчувствуя, человек засыпает после дневной спешки и труда и не выясняет для себя смысла жизни.

Если человек, стремящийся к спиритуальному познанию, принял слова Духа, он знает нечто, являющееся

не просто теорией и учением. Он знает нечто, дающее ему душевный свет и душевное тепло. Он знает: если бы днем ты получал только представления, относящиеся к физической жизни, тогда бы ты иссох; вся твоя жизнь была бы пустой, умерло бы все, чего ты достигаешь, обладая лишь представлениями физического плана. Когда вечером ты отходишь ко сну, ты вступаешь в мир Духа, погружаешься всеми своими душевными силами в мир высших духовных существ, до которых ты должен дорасти во всем твоём бытии. А утром, просыпаясь, ты приходишь из духовных миров вновь укрепленный и на все, что ты получаешь с физического плана, ты сознательно или бессознательно изливаешь божественно-духовную жизнь. С каждым утром ты сам омолаживаешь все преходящее в твоей жизни.

Если мы превращаем слова Духа в чувство, которое мы можем испытывать каждый вечер: "Я перехожу не просто в бессознательное состояние, но погружаюсь в мир, где живут существа вечного, к которым должно принадлежать и мое собственное существо. Я засыпаю с чувством, что я иду в духовный мир, а просыпаюсь с чувством, что исхожу из Духа",— тогда мы пронизываем себя чувством, в которое должны обратиться слова Духа, воспринимаемые нами здесь день ото дня, из недели в неделю в жизни, посвященной спиритуальному познанию. Тогда Дух в нас становится жизнью, тогда мы просыпаемся и засыпаем иначе.

Если мы чувствуем себя соединенными с Духом Вселенной, если каждое утро мы чувствуем себя миссионерами вселенского Духа, чувствуем, как мы постепенно соединяемся с тем, что проникает во все внешнее бытие и действует в нем как вселенский Дух, тогда мы чувствуем, что летом, когда солнце стоит высоко и посылает земле свои живительные лучи, Дух действует внешним образом, а так как во внешних лучах солнца он обращает к нам свой внешний лик, его внутреннее существо словно отступает назад.

Где же мы можем видеть этого Духа Вселенной, — которого возвещал уже Заратустра, взирая на Солнце, — когда нам светят только внешние физические лучи солнца? Мы увидим этого Духа Вселенной, если сумеем узнать, где он видит себя сам. Поистине, Дух Вселенной

творит себе органы чувств, посредством которых он может летом видеть себя самого. Органы внешнего восприятия творит он себе! Научимся же понимать, что с весны покрывает землю как зеленый растительный покров, одевающий землю в новое облачение!

Что же это? Зеркало Мирового Духа Солнца! Когда солнце посылает нам свои физические лучи, Мировой Дух взирает вниз на землю. То, что тогда бьет ключом в росте растений, в цветах и листве, есть не что иное, как подобие чистого, целомудренного Мирового Духа, который видит самого себя отраженным в своем собственном произведении, которому он дает произрасти из земли. В растительном покрове заключены органы внешних чувств Мирового Духа.

Затем, осенью, когда растительный покров исчезает, мы видим, как убывает внешняя сила солнца, как удаляется лик Мирового духа. Если мы правильно подготовлены, тогда Дух, пульсирующий во Вселенной, мы почувствуем в нас самих. Мы и теперь можем следовать за Мировым Духом, когда он внешне скрывается из виду. Когда наш взор не может покоиться на растительном покрове, мы чувствуем, как в нас пробуждается Дух, и — в той мере, в какой он удаляется из внешних мировых явлений. И пробудившийся Дух становится нашим проводником в те глубины, куда удаляется духовная жизнь, туда, где мы передаем Духу семена (die Keime) для следующей весны. Там мы учимся видеть нашим духовным взором и говорить себе: "Когда внешняя жизнь постепенно становится невидимой для внешних чувств, когда осенняя грусть закрадывается к нам в душу, душа следует за Духом в мертвые камни, чтобы из них извлечь силы, которые весной покроют землю новыми органами чувств Мирового Духа".

Так люди, которые в духе постигали Дух, чувствовали, что они сопровождают Мировой Дух, что зимой они идут вниз вместе с зерном. Когда внешнее солнце развивает наименьшую силу, когда оно светит меньше всего, когда сильнее всего внешняя тьма, тогда дух в нас благодаря Духу, с которым он соединился внизу, чувствует себя соединенным с теми силами, которые становятся воспринимаемыми и зримыми отчетливее всего, приводя зерно к новой жизни.

Так вместе с силой зерна мы буквально вживаемся в Землю, пронизываем Землю. Если летом мы обращались к сияющему воздушному кругу, к растущим и зреющим произведениям Земли, то теперь мы обращаемся к мертвому камню, но при этом знаем: в этом мертвом камне покоится то, что появится вновь в качестве внешней жизни. Духовно мы следуем нашей собственной душой за пробивающейся, пускающей новые ростки силой, которая исчезает из виду и скрывается в камне на все зимнее время. И когда зима достигает своей середины, когда царит наибольшая тьма, тогда именно благодаря тому, что внешний мир не мешает нам чувствовать нашу связь с Духом, мы чувствуем, что в глубинах, в которые мы удалились, пробивается свет, тот духовный свет, для которого человечеству дал самый могучий импульс Христос Иисус. Тогда мы чувствуем, что переживали люди в древние времена, говоря, что им надлежит спуститься туда, где зимой покоится зерно, чтобы познать Дух в его сокровенных силах. Тогда мы чувствуем, что Христа нам надлежит искать в сокровенном, которое будет мрачным, темным, если мы сами не просветлеем в душе, но которое просветлеет и засияет, если мы примем в душу Свет Христа. Тогда мы увидим, как с каждым Рождеством мы становимся сильнее и крепче благодаря Импульсу, вошедшему в человечество через Мистерию Голгофы.

Как бы в подтверждение нашего стремления мы действительно будем чувствовать каждый год Импульс Христа и брать у него ручательство и залог того, что год от года в нас будет укрепляться та жизнь, которая вводит нас в духовный мир, где не бывает смерти, подобной смерти в физическом мире. Тогда мы сумеем одухотворить и одушевить то, что для современного материалистически настроенного человека является не символом, а только поводом для внешней материалистической радости.

И тогда в символе мы почувствуем действительность, почувствуем то же самое, что имеет в виду, например, Иоганн Таулер, говоря, что Христос рождается трижды: один раз — от предвечного Бога-Отца, который пронизывает и оживляет мир, в другой раз — как человек при основании христианства и затем все снова — в душах тех, кто пробуждает в себе духовное Слово. Христианство не было бы цельным без этого последнего рождения, а

антропософия не была бы способна постичь христианский дух, если бы не понимала, что слово, которое из года в год звучит для нас, не должно оставаться теорией и учением, но должно становиться теплом, светом и жизнью, чтобы при помощи этой силы мы вводили себя в жизнь духовной Вселенной, были бы приняты ею и вместе с нею самой приобщены к Вечности. Это должны чувствовать мы, стоя перед символом Рождества, чувствовать себя словно погруженными в глубокий, ледяной, внешне мертвый подземный мир, не только предошущая, но и познавая, что Дух пробуждает из смерти новую жизнь. На какой бы ступени развития мы ни стояли, мы сможем почувствовать, что чувствовали во все времена те, кто бывал посвящен, кто в полуночный час на Рождество действительно спускался [в подземный мир], чтобы в рождественскую полночь видеть там духовное Солнце, когда духовное Солнце рождественской полуночи извлекает из внешне мертвого камня дающую ростки жизнь, чтобы она могла виться на свет с новой весной.

Мы чувствуем себя самих соединенными с теми мировыми силами, которые царят там, хотя внешне, физически они удалились в холод и тьму. Почувствуем это, как чувствуют это все, кто в рождественское время всегда помнит о духовном Солнце, о том Солнце Христа, которое стоит за физическим солнцем. Последуем за ними в чувстве, чтобы постепенно подниматься, переживать, а затем суметь и увидеть то, что человек может видеть, развивая в себе все новые силы, которые соединяют с Духом. И то, о чем мы уже говорили несколько лет назад, празднуя Рождество, пусть заключит и это рассмотрение как самое важное, что мы можем принять и влить в наши души за год:

Die Sonne schaue

Um mitternachtige Stunde.
Mit Steinen baue
Im lebenlosen Grunde.
So finde im Niedergang
Und m des Todes Nacht
Der Schöpfung neuen Anfang,
Des Morgens junge Macht.
Die Hohen laß offenbaren
Der Götter ewiges Wort,
Die Tiefen sollen bewahren
Den friedensvollen Hort.
Im Dunkel lebend Erschaffe eine Sonne,
Im Stoffe webend Erkenne Geistes Wonne.

Взирай на Солнце
В полуночный час
И строй из камня
На безжизненной почве.
И ты найдешь в нисхожденье
И в смертной ночи
Новый почин творенья,
Юную мощь зари.
Пусть выси откроют
Вечное слово богов,
Пусть сохраняют глубины
Убежище, полное мира.
Живя во мраке,
Солнце создай,
Блуждая в материи,
Блаженство Духа познай.*

В переводе Е.И. Васильевой (Дмитриевой).

ОККУЛЬТНЫЕ ОСНОВЫ ПРАЗДНИКА РОЖДЕСТВА

Из лекции в Вене 7 мая 1915 г. ПСС т. 159/160

...Мы переходим из состояния бодрствования в состояние сна и благодаря этому, будучи приняты в состав существ высших иерархий, одновременно сбрасываем то, что посредством нашего физического тела и эфирного тела связывает нас с отдельной инкарнацией. Следовательно, во сне мы сбрасываем также нашу национальную сущность. Благодаря сну мы становимся просто людьми, людьми со всеми свойствами, какие мы должны иметь благодаря тому, что мы приобрели как люди. Если, будучи духовным исследователем, мы смотрим на то, что происходит с человеком как в состоянии бодрствования, так и сна, то одновременно мы видим, что своим я и астральным телом спящий человек живет в духовном мире так же, как и его физическое тело и эфирное тело принадлежат теперь великому миру; что личная жизнь, протекающая как бы в пределах нашей кожи, прекращается и что нашим я (Selbst) мы расширяемся до великого я (Selbst). И теперь подумайте о том, что в течение двадцати четырех часов мы, в сущности, постоянно проходим одно летнее и одно зимнее состояние. Эти летнее и зимнее состояния проходит также Земля, но Земля проходит их в течение года. Почему же Земля проходит эти состояния в течение года? Потому что Земля - это, как и мы сами, существо, но только на иной ступени иерархий. Вся Земля, рассматриваемая нами только физически, какова она вокруг нас,— это всего лишь тело Земли; и как мы несем в себе наше духовно-душевное, так Земля имеет свое духовно-душевное. Разница лишь в том, что мы бодрствуем и спим в течение двадцати четырех часов, а Земля бодрствует и спит в течение года. Она бодрствует с осени до весны и спит летом. Так что летом мы, в сущности, всегда можем сказать: "Мы живем, погруженные в спящую Землю". А зимой можем сказать: "Мы живем, погруженные в бодрствующую Землю". Земля не бодрствует летом и не спит зимой, как можно сказать в тривиальном сравнении, взятом из обыденной жизни. Но верно то, что когда наступает осень, Земля пробуждается как душевно-духовное существо и наиболее бодрствующей является в середине зимы. Дух Земли мыслит более всего

в середине зимы и начинает постепенно переставать мыслить с приближением весны, и он спит, когда внешняя жизнь растет и расцветает, летом Дух Земли спит.

Но мы, люди, не только связаны нашим физическим телом с телом Земли, мы связаны также с Духом Земли. Мы знаем благодаря различным лекциям, что через Мистерию Голгофы с Духом Земли соединился тот Дух, который мы называем Духом Христа. В том, чем является Дух Земли, со времен Мистерии Голгофы живет Дух-Христос. Поэтому если люди хотят справлять праздник, который должен выражать, что в Духе Земли заключен Дух-Христос, то на какое время надлежит им поместить этот праздник? Не на лето, а на зиму должны они поместить этот праздник, на середину зимы. Это — праздник Рождества. По этой причине праздник Рождества и то, что из него развивается, помещают в зимнее время. Это изошло из верного знания тех, кто устанавливал христианский год. Праздник Рождества установлен, исходя из оккультных истин, а не из исторических фактов. Потому что, будучи погружен своим духовно-душевым в духовно-душевное Земли, человек пребывает в зимнее время действительно совместно с самым бодрственным состоянием в жизни Земли. Он живет тогда в бодрствующей Земле.

А что делали древние народы, о которых мы знаем, что свое служение миру и свое познание мира они строили на своего рода сновидческом ясновидении? Так вот, они должны были обращаться преимущественно к тому, что живет в спящем Духе Земли, тогда, когда Дух Земли спит сильнее всего, когда он погружен сильнее всего в свое сильное состояние. Они должны были тогда в противоположность современному человечеству восходить к тому, что на бессознательный лад вливалось в них истину, какой она должна была быть для них. Поэтому у народов, принадлежавших к культу, черпавшему свое знание скорее из спящего, сновидческого состояния, мы встречаем в середине лета праздник Иоанна, летний праздник в противоположность празднику Рождества, который больше подходит современному человечеству.

То, что так было установлено внешне и чего уже совсем не понимает наша материалистическая эпоха, реально имеет свои глубокие основания в духовной

действительности. И мы живем ныне в такое время, когда люди должны начать снова мыслить, ощущать и чувствовать совершенно иначе, нежели в истекшую эпоху. Истекшая эпоха имела задачей познакомить людей с областью материалистического мышления и ощущения. И как раз прожитые людскими душами последние столетия должны были знакомить людей с материалистическим мышлением и ощущением. Земное развитие должно было однажды пройти через материалистическую эпоху. Мы поступаем неверно, обращая против материализма одну только суровую критику. Однажды он должен был войти в земное развитие. Но мы живем сейчас в эпоху, когда материализм должен быть снова преодолен, когда спиритуальное восприятие должно снова войти в человеческие души. И это более или менее ясно или смутно чувствуют все, кто чувствует себя в своей собственной душе привлеченным к нашим духовнонаучным устремлениям, к нашему духовнонаучному мировоззрению. Они именно чувствуют, что настало время, когда надо сознательно принимать в себя духовный мир, тогда как прежде духовный мир должен был быть созерцаем сновидчески. И для этого есть духовная наука.

Итак, истекшая эпоха была эпохой материализма. И поскольку человечество должно было в известной мере погрузиться в материализм, именно сквозь эпоху материализма должен был действовать сильный импульс, возводящий человечество снова вверх. Это - Импульс Христа.

И подготовка начиналась уже тогда, когда Христов Импульс вступил в земное развитие. Тем более он действовал в XIV-XV веках. Но когда он был близок, тогда было уже подготовлено погружение человечества в материализм. Христов Импульс находился в мировом развитии как объективный факт, но именно в то время, когда он был здесь, люди были менее всего способны понять его. Теперь мы живем в эпоху, когда надо начинать действительно понимать то, что было тогда.

Что же мы видим отсюда? В развитии, совершившемся до сих пор, мы видим своеобразное продвижение Импульса Христа. Мы видим, что когда Христов Импульс через Мистерию Голгофы входил в развитие человечества, он

целиком и полностью не был понят людьми. Ибо попытаемся составить себе картину того, что делали в своей рассудительности люди. Мы видим, что именно в первые и в следующие за ними столетия после того, как начал действовать Импульс Христа, создаются всевозможные теологические системы, что люди спорят о том, как следует мыслить Троицу и так далее. Мы видим тянущуюся столетиями нескончаемую теологическую распрю, и сегодня было бы, пожалуй, худшим способом, исходя из этой теологической распри, желать понять то, как действовал в эти столетия Импульс Христа. А спорившие тогда о его понимании люди также ничего не понимали в том, каким образом находится в эволюции Импульс Христа.

Постараемся уяснить, как он реально действовал. Я хочу привести на этот счет отдельные факты. Возьмем то, что произошло в четвертом веке, в 312 году, 28 октября, и чем была полностью предопределена последующая карта Европы. Константин, именуемый Великим, сын Констанция Хлора, выступил против Максентия, владыки Рима, и одержал над ним победу, благодаря чему тогда также и христианство внешним образом победило в западном мире. Затем Константин возвел христианство в государственную религию и так далее. Но делал ли он это, исходя из своей рассудительности? Исходило ли из рассудительности то, что произошло тогда? Мы так не можем сказать. Что же, в сущности, произошло? Когда Максентий узнал, что приближается Константин, он прежде всего обратился к Сивиллиным книгам. Следовательно, желая понять мировые события, он приступил к этому на сновидческий лад. И то, что он узнал из этих книг, было разъяснено ему так: "Правильно поступит тот, кто, будучи повелителем Рима, покинет город и даст сражение за пределами Рима". Это было самое невероятное, что можно было только придумать. Ибо у Константина было гораздо меньше войска, чем у Максентия, и он не смог бы ничего сделать, если бы Максентий оставался в Риме. Но по совету Сивиллиных книг Максентий выступил из Рима. Но и в войске Константина одержали верх не полководцы. Более того, Константин видел сон, в котором ему явился символ Христа. После этого сна он велел нести перед своим

войском Крест как символ Христа. Он поставил свое поведение в зависимость от того, что ему открыл сон. Эту битву, которой тогда была предопределена карта Европы, решила не рассудительность людей, сражение дали не полководцы, а сны и пророчества. Все в Европе было бы иначе, если бы тогда вещи происходили в согласии с сознанием людей, а не согласно тому, что действовало из подсознания и чего именно не ведали люди.

Теологи спорили о том, что есть Христос, рожден ли он от Вечности вместе с Отцом, рожден ли он во времени, единосущен ли он с Отцом и так далее. В том, что теологи мыслили, не было ничего от Импульса Христа. Но он действовал в людях в подсознании. Он действовал не через я, а через астральные тела. Реальностью, действительностью был Христов Импульс, и он действовал без того, чтобы людям надо было понимать его. Это важно, это существенно. Способ, которым действовал Христос, был столь же независим от того, что люди понимали в нем, как протекание грозы независимо от того, что люди изучали, работая с электрической машиной или в физической лаборатории. Ныне настало время для сознательного погружения в деятельность Импульса Христа, но как сила Христос всегда действовал в том, что происходило исторически. Перейдем от этого примера к другому, более позднему по времени. Здесь, правда, мы должны припомнить то, что я излагал вам.

Относительно эпохи нарастания материализма важно знать, что когда человек хочет погрузиться в духовный мир, он должен это делать лучше всего зимой. Поэтому в эту эпоху всюду появляется представление, что особенно одаренные натуры наделяются в названные ночи середины зимы инспирациями из духовного мира. У разных народов везде есть легенды и сказания, рассказывающие нам, как особенно одаренные натуры, не проходя инициацию, но благодаря самой их природе, благодаря действующим в них элементарным силам бывают одарены инспиративными переживаниями, становятся инспирированными в ночи от Сочельника до дня Трех царей, в течение тринадцати зимних ночей. Есть чудесная легенда, недавно найденная в Норвегии, легенда об Улофе Остезоне, который в Сочельник приходит в церковь и начинает спать. Он спит до 6 января, а проснувшись,

рассказывает в имагинациях о том, что происходило в стране душ, в стране духов, как мы их называем. Он выражает это в образах, но он пережил это за тринадцать ночей. И мы находим везде такие легенды. Они совсем не то, что сегодня называют легендами. В действительности всегда существовали одаренные люди, проходившие в своем роде природную инициацию благодаря действовавшим в них элементарным силам, которые человек может пережить по своей воле, если он преданно следует пути посвящения. Так что мы можем сказать, что в эпоху материализма всегда могли найтись люди, которые умели соединяться с Духом Земли и воспринимать инспирации тогда, когда Дух Земли бодрствует сильнее всего — в середине зимы. Это была также эпоха, когда Импульс Христа, соединившийся с Землей, мог действовать не через сознание. Представим себе особенно одаренные души, восприимчивые к духовному миру. У них выявлялось то, что побуждения к тому, что они должны были совершить исходя из духовного мира, они получали именно в эти тринадцать ночей до 6 января. На малых и великих примерах должно было все снова обнаруживаться и также обнаруживалось, что в ходе истории находились люди, столь одаренные спиритуально, что в должный момент, когда зимой они переживали эти тринадцать ночей, духовный импульс входил в них, в особенности же в это время — Импульс Христа. Природные инициации, инициации, происходящие, следовательно, не посредством человеческого сознания, происходили в эпоху материализма всегда легче всего в эти тринадцать ночей. И мы узнаем, что там, где выступали такие инициации, они происходили во время этих тринадцати ночей.

И тут мы имеем факт, который признается даже теми, у кого мало доброй воли к признанию духовного мира (ее имеет сегодня совсем мало людей), — тот факт, что в XV столетии через одну девушку, Орлеанскую Деву, спиритуальные силы самым достоверным образом вступили в ход истории. Можно также исторически доказать, что вся карта Европы опять-таки сложилась иначе благодаря тому, что тогда Орлеанская Дева помогала французам против англичан. И тот, кто взвесит это, увидит, что согласно тому, что могут люди, все сложилось бы иначе, если бы не вмешалась эта пастушка,

а в этой пастушке — именно силы из духовного мира. Для того, что было вызвано в то время, Орлеанская Дева была просто инструментом. То, что в ней действовало, был Импульс Христа. Однако она должна была бы иметь для этого природную инициацию, а осуществить эту природную инициацию было лучше всего в период тринадцати ночей до 6 января. Стало быть, Орлеанская Дева должна была бы пройти через своего рода состояние сна в период с 24 декабря по 6 января, когда она была бы особенно восприимчива к спиритуальному влиянию, какое может иметь место именно в это время. Так что можно было бы предполагать, что Орлеанская Дева в некотором не вполне сознательном состоянии пережила время с 24 декабря по 6 января и получила при этом Импульс-Христа. Да, Орлеанская Дева совершенно блистательно прошла через это состояние! Нельзя блистательнее пройти через него, чем находясь еще в том состоянии сна, в котором человек находится накануне своего рождения, в то последнее время, которое дитя проводит перед рождением в теле матери. Внешнее сознание, разумеется, не способно воспринять тут что-либо такое. Это состояние сна, и когда кончается время пребывания в материнском теле, тогда это наиболее зрелое состояние внутриутробного сна. И действительно, Орлеанская Дева родилась 6 января. Великая тайна Орлеанской Девы заключена в том, что за тринадцать дней, предшествовавших ее рождению, она прошла через состояние природной инициации. Поэтому в тот день 6 января, когда родилась Орлеанская Дева, особенно чувствительные люди в деревне собрались и говорили, что, должно быть, совершилось что-то совсем особенное. Они чувствовали, что в деревню пришло что-то особенное. Родилась Орлеанская Дева. И природную инициацию она пережила в том значительном для нее состоянии сна, которое она пережила в последнее время до рождения в теле матери. Здесь мы видим, как всегда за порогом того, что совершается для человеческого сознания, действуют духовные существа, которые находятся под порогом этого сознания.

Здесь мы видим, что представляет собой история, считающаяся лишь с тем, что содержится в документах и внешних сообщениях. Боги шествуют иначе сквозь ход истории. Боги действуют иными средствами и на иных

путях. Они посылают в жизнь Орлеанскую Деву, которая благодаря ее особой карме была годна к инкарнации, в которой она могла воспринять Импульс Христа и действовать вместе с ним. И они дают влиться этому Импульсу Христа в подходящее время. Для этого было нужно, конечно, и то, и другое: сюда должна была присоединиться особая индивидуальная карма именно Орлеанской Девы. Не всякое дитя, родившееся 6 января, могло бы осуществить то же самое.

Таким образом, мы действительно можем сказать, что Импульс Христа действовал в людях посредством сил, которые не доходили до сознания этих людей. Только сегодня мы живем в эпоху, когда мы должны сознательно воспринимать то, что искало столетиями иного, нежели сознательного, пути к действию в истории.

ОКНА ЗЕМЛИ

Из лекции в Дорнахе 1 декабря 1922 г. ПСС т.219

...Солнце, которое внешне посылает свой свет Земле, не просто светящийся шар газа, но еще нечто существенно иное. Оно ниспосылает свои лучи Земле, и хотя всюду, взирая на солнце, видишь, так сказать, внешнюю сторону лучей, у солнечных лучей есть и своя внутренняя сторона. Если бы кто-нибудь мог видеть сквозь солнечный свет, если бы он мог смотреть на солнечный свет лишь как на внешнюю оболочку, он увидел бы душевную силу, душевное существо Солнца. Мы видим солнце обычным человеческим сознанием, как видели бы человека, сделанного из папье-маше. Если вы велите сделать с себя копию, в которой не будет ничего, кроме формы, мертвой формы, и установите ее, то это будет, естественно, что-то другое, нежели человек, которого вы в действительности видите перед собой. Глядя на действительного человека сквозь эту внешнюю форму вы взираете на душевно-духовное. С солнцем для обычного человеческого сознания дело обстоит так, что оно само становится для этого сознания копией из папье-маше. Люди не видят сквозь его сотканную из света оболочку. Если же видят, то тогда видят все духовно-душевное существо Солнца.

Деятельность этого духовно-душевного существа может стать для нас очевидной так же, как и физическое папье-маше солнца. С точки зрения физического познания я говорю: "Солнце светит на землю, блистает на камнях, ложится на почву. Свет отражается от них. Благодаря этому видно все минеральное. Лучи солнца проникают в растения, оживляя их, вызывая их рост. Все это внешнее". Глядя же на духовно-душевное существо Солнца, нельзя просто так сказать: "Солнечный свет сверкает на минералах, солнечный свет отражается и благодаря этому становятся видны минералы; солнечный свет или солнечное тепло проникает в растения, благодаря этому они зеленеют", но следует сказать: "Солнце — а теперь подразумеваются бесчисленные духовные существа, населяющие Солнце и составляющие его душевно-духовное, - Солнце грезит, и его грезы окутывают Землю и формируют растения".

Если вы представите себе поверхность Земли, растения,

появляющиеся из нее и достигающие цветения, то во всем этом вы будете иметь действие физических лучей солнца. Но над всем этим живет и творит мир солнечных грез. Это чистые имагинации. И можно сказать, что когда весной тает снежный покров и солнце вновь набирает силу, тогда солнечные имагинации, паря, постепенно окружают и окутывают Землю.

Эти солнечные имагинации — иммагинативные силы, и они работают над миром растений. Хотя и следует сказать, что этот иммагинативный мир, эта окружающая Землю иммагинативная атмосфера совсем особенно полна жизни от весны до осени в какой-либо области Земли, где как раз стоит весна или осень, но этот сновидческий элемент солнечного воздействия, естественно, имеется в определенной степени и зимой. Только в зимнее время это, я бы сказал, смутные грезы, тогда как летом — это принимающие ту или иную форму подвижные сновидения. Это тот элемент, в котором развиваются имагинации Солнца, в котором прежде всего живут и творят также существо я и астральное тело человека, когда они находятся вне физического и эфирного тел.

Из того, что я сказал, вы можете заключить, что сон летом означает, в сущности, что-то совсем иное, нежели зимой, хотя человеческая жизнь и осознание ее при современном состоянии сознания столь смутны и подавлены, что эти вещи не воспринимаются. В древние эпохи развития человечества люди весьма точно ощущали различие между зимним сном и летним сном. И они также знали, какое значение для них имел зимний сон и летний сон. В те древние эпохи люди могли бы сказать о летнем сне: "В течение лета Земля окружена мысле-образами (mit Bildgedanken)". Люди древних эпох выражали это так: "Летом верхние боги нисходят и парят вокруг Земли; зимой из Земли поднимаются нижние боги и парят вокруг Земли". Этот иммагинативный мир, различно построенный зимою и летом, люди ощущали как деяние (Weben) верхних и нижних богов. Но и в эти древние эпохи человеческой цивилизации было известно, что человек находится своим существом я и своим астральным телом в этом творящем иммагинативном мире.

Но теперь обнаруживается как раз тот факт, который я развертывал перед вами, когда мы духовнонаучно

рассматривали, в каком отношении к внеземной Вселенной находится человек уже во время своей земной жизни. Летом, то есть когда в какой-либо области Земли стоит лето, человек всегда окружен во время сна четко очерченными космическими имагинациями. Из-за этого он в летнее время всем своим духовно-душевым существом, я бы сказал, прижат к Земле. В зимнее время дело обстоит иначе. Зимой очертания этих имагинаций в определенной степени шире.

Летом существуют обрисованные совершенно отчетливо в разнообразнейших фигурах имагинации, среди которых мы живем нашим я-существом и нашим астральным существом во время сна. Зимой Землю окружает редкая сеть фигур, и следствием этого является то, что всякий раз, как начинается осень, то, что живет в нашем существе я и в нашем астральном теле, уносится ночью далеко во Вселенную. В жаркое летнее время то, что живет в нашем я и в нашем астральном теле, остается, так сказать, больше в духовно-душевной атмосфере людей. В зимнее время то, что живет в нашем существе я и в нашем астральном существе, уносится в дали Вселенной. Говоря не что-либо просто образное, а нечто вполне реальное, можно сказать: "То, что человек душевно развивает в себе и что между засыпанием и пробуждением он может унести своим существом я и своим астральным существом из своего физического и своего эфирного тела, это накапливается в летнее время, а в зимнее время устремляется в дали космоса".

Как люди мы не можем думать, будто мы замкнулись в земном бытии и дали Вселенной ничего не знают о нас. Это не так. Правда, можно сказать, что на Иоаннов день, летом, человек может поначалу спрятаться от духов Вселенной и ему удастся иметь также недостойные чувства; плотная сеть имагинаций не пропускает их. Но ведь они остаются. И на Рождество боги взирают на Землю; тогда выдает себя все то, что живет в человеческом существе и что выходит вместе с его я и его астральным существом. И можно было бы дать образ, изображающий действительность: с наступлением зимы открываются земные окна и ангелы и архангелы глядят, каковы люди на земле.

В Новое время мы на земле постепенно привыкли

филистерски-буднично, непоэтично выражать то, что мы можем себе позволить по отношению к познанию. Высшие существа всегда остаются поэтами, и поэтому их существо никогда не выразить правильно, описывая его физически-будничными словами; тут надо прибегнуть к таким словам, какие я только что употребил: "На Рождество раскрываются окна Земли и ангелы и архангелы смотрят сквозь окна, чем занимались люди в течение всего года". Существа высших иерархий остаются поэтами и художниками, даже когда мыслят. Логика, которую мы обычно развиваем, — это лишь результат земной тяжести (этим не сказано, что она не является в высшей степени полезной на земле).

Из всего, что живет в человеке, но что по своему характеру таково, как я теперь описал, для этих высших существ важно то, что живет в душе человека. То, что придумывают профессора, не интересует ангелов, заглядывающих в рождественские окна, они на это не обращают внимания. Они не очень-то интересуются мыслями. То, что происходит в чувствах человека, в человеческом сердце, — это связано в своем космическом значении с годичным кругооборотом солнца. На Рождество, стало быть, перед ликом божественно-духовных миров проходит не то, глупы или умны мы на земле, но исключительно — добрые или дурные люди мы, сердечные мы люди или эгоисты. Вот то, что сообщается космическим мирам путем регулирования кругооборота года.

Все то, что мы мыслим (так могли бы подумать вы), остается на земле, так как я только что сказал: "Ангелы и архангелы, заглядывая в рождественские окна, не интересуются этим". Но они не интересуются этим по той причине, что они (если я позволю себе выразиться несколько прозаически) получают монеты более высокого достоинства, более ценные монеты, которые чеканятся из духовно-душевного существа человека. И эти более ценные монеты чеканятся душой (Gemüt), чувством и всем тем, чем человек представляет ценность благодаря содержанию своего чувства, своей души. Мысли для космоса — это всего лишь разменная монета, монета мелкого достоинства, и за этими монетами мелкого достоинства следят каждую ночь главным образом более низкие духи. Следовательно, глупы или умны мы, за этим каждую ночь

наблюдают для космоса — правда, не для очень дальних пространств космоса, а лишь для окружения Земли — наблюдают, я бы сказал, самые близкие, а поэтому также и самые подчиненные, скорее элементарные существа, находящиеся в окружении Земли. Дневной кругооборот солнца существует, чтобы сообщать космосу ценность наших мыслей настолько, насколько далеко эти мысли могут идти, ведь они принадлежат всего лишь земному окружению. Годичный кругооборот солнца существует, чтобы уносить в космические миры нашу душу, существо наших чувств.

Наша же волевая природа не может быть подобным образом вынесена в космос. Ибо кругооборот дня строго регулирован, он протекает в течение двадцати четырех часов. Кругооборот года строго регулирован. Строгую упорядоченность кругооборота дня мы замечаем в строго логической упорядоченности наших мыслей. Упорядоченность кругооборота года мы замечаем в ее последующем действии в нашей душе, поскольку она дает ощущения, которые о чем-либо, что человек делает, говорят: "это доброе", а о чем-нибудь ином — "это злое".

Но в человеке живет третье, его воля. Воля, правда, находится в связи с чувствованием, и чувство не может действовать иначе, как сказать определенным действиям — "вы морально добры", а другим — "вы морально недобры". Воля же может делать морально доброе и может делать недоброе. Здесь строгая упорядоченность отсутствует. То, в каком отношении наша воля находится с нашим человеческим существом, не упорядочено строго в том смысле, в каком упорядочены мышление и чувство. Мы не можем назвать дурной поступок добрым, а добрый поступок — дурным, также не можем назвать и логичную мысль нелогичной, а нелогичную — логичной. Это происходит из того, что мышление находится под влиянием дневного действия солнца, чувствование находится под влиянием годичного кругооборота солнца, воля же предоставлена человечеству на земле. И тут человек мог бы сказать: "Самое большое, что случается со мной, если я мыслю нелогично, так это то, что мои нелогичные мысли каждую ночь уносятся в космос и творят там зло, но мне-то что до того? Ведь я существую не для того, чтобы наводить порядок в космосе". При

некоторых обстоятельствах он так может сказать здесь, на земле, где его жизнь протекает в иллюзии, но он никогда бы не сказал так между смертью и новым рождением, ибо между смертью и новым рождением он находится сам в тех мирах, где он может натворить зло своими глупыми мыслями и где должен испытать все их зло. Точно так же он находится между смертью и новым рождением в мирах, в которые влиты состояния его души и чувства. Но и здесь он мог бы опять-таки сказать на земле: "В космосе, конечно, клубится то, что живет в моих чувствах, но я предоставляю богам зло, которое могло быть причинено мною".

Но моя воля — лишь она беспорядочна на земле. Материалистически мыслящий человек, ограничивающий человеческую жизнь лишь временем между рождением и смертью, никогда не придет к мысли, что его воля имеет космическое значение. Он, конечно, не придет и к мысли, что его мысли или что его чувства имеют космическое значение. Но даже тот, кто хорошо знает, что мысли имеют космическое значение благодаря круговороту дня, а чувства — благодаря годичному кругообороту солнца, видит, как разыгрывается то, что совершается на земле доброй или злой волей человека, и он должен отвлечься от космического и приблизиться к самой человеческой природе, чтобы увидеть, как то, что действует в человеческой воле, исходит в космос. Именно то, что действует в человеческой воле, человеку надо самому выносить в космос, и он выносит это, проходя через врата смерти. Для этого существуют не течение дня и течение года, а врата смерти, через которые тогда человек несет то доброе или злое, что он своей волей совершил здесь, на земле.

Таково своеобразное отношение человека к космосу, связанное с душевной жизнью. Мы говорим о наших мыслях: "Мы имеем мысли". Однако они не зависят от нашего произвола. Мысля, мы должны считаться с законами мира, иначе мы войдем в конфликт со всем, что происходит в мире. Если передо мной стоит маленький ребенок, а я думаю, что это старик, то я, быть может, потворствую моему произволу в мышлении, но мыслями я тогда не нахожусь в мире. Следовательно, мы вовсе не независимы в мыслях, и мы независимы столь мало, что с

дневным круговоротом солнца наши мысли уносятся в космос.

Но мы не независимы и в наших чувствах; они уносятся кругооборотом года. Следовательно, то, что заключено в нашей голове благодаря мыслям и в нашей груди — благодаря чувствам, уже во время земного бытия живет не только в нас, но живет вместе с космической жизнью. Только то, что живет в нашей воле, мы храним при себе до самой нашей смерти. И когда мы оставили тело, когда мы уже ничего общего не имеем с земными силами, мы уносим это через врата смерти.

И вот человек, нагруженный тем, что стало из его волевых действий, проходит через врата смерти. Подобно тому, как здесь он имеет вокруг себя то, что живет в минералах, растениях, животных, в физическом человеке, что живет в облаках, реках, горах, звездах, поскольку они внешне видимы благодаря свету, подобно тому, как он имеет все это вокруг себя здесь, во время своей жизни между рождением и смертью, так вокруг себя, оставив свое физическое и эфирное тело и пройдя через врата смерти, он имеет некий мир. Он имеет вокруг себя именно тот мир, в который каждую ночь входили его мысли, в который в ходе кругооборота года входили его чувства: "Ты это мыслил; ты это чувствовал". И теперь это выступает для него так, как будто существа высших иерархий несут навстречу ему его мысли и чувства. Они созерцали их так, как я охарактеризовал. Ныне навстречу ему струится его рассудок, ныне навстречу ему струится его душа. Как здесь, в земной жизни, с утра до вечера светит солнце, как оно заходит и настает ночь, так там, когда мы прошли через врата смерти, нам навстречу подобно дню излучается наша мудрость, так там вокруг нас тускнеют и гаснут духовные светильники и настает ночь из-за накопленного нами безумия. То, чем являются здесь, на земле день и ночь, является для нас — после того, как мы прошли чрез врата смерти, — окружающий нас результат нашей мудрости и нашего безумия. А то, что в кругообороте года человек на этом земном шаре переживает как весну и лето, осень и зиму, как изменение тепловых состояний, изменение прочих самочувствий, это он переживает, пройдя через врата смерти, также как своего рода кругооборот, который, правда, длится гораздо

дольше. Он переживает нечто согревающее, возбуждающее жизнь, то есть возбуждающие его Самодух его добрые чувства, его склонность к добру; он переживает, пройдя через врата смерти, замерзание от своей склонности ко злу, к аморальному. Как на земле мы живем среди летней жары и зимнего холода, так после смерти мы живем, согреваемые нашими добрыми чувствами, дрогнувшие от наших дурных чувств; и последствия нашего воления мы также проносим сквозь эти духовные времена года и сквозь эти духовные времена дня. Пройдя через врата смерти, мы являемся прежде всего следствием нашего морального бытия на земле. И мы имеем окружение, пронизанное нашим безумием и нашей мудростью, нашими симпатиями и антипатиями к добру.

Так что мы можем сказать: "Как на земле мы имеем вокруг себя теплый, благоприятный для жизни летний воздух, как мы имеем вокруг себя леденящий зимний воздух, так и после смерти мы имеем вокруг себя атмосферу, духовно-душевную атмосферу, которая тепла, способствует жизни в той мере, в какой мы подготовили ее нашими добрыми чувствами, и леденящую атмосферу, насколько мы подготовили ее нашими дурными чувствами. Здесь, на земле, по крайней мере для определенных областей, летнее и зимнее тепло у нас общее. После смерти каждый имеет свою собственную атмосферу, ту, какую он создал себе. И это прямо-таки самое значительное переживание после смерти, что один идет рядом с другим, замерзая, в то время как другой находится в благоприятствующем жизни тепле".

Таковы опыты, которые можно пережить после смерти. И к опытам, которые переживаются в мире душ, описанном мною в моей "Теософии", относится главным образом то, что люди, развивавшие здесь, на земле, злые чувства, должны претерпевать свои дурные опыты рядом с теми, кто развивал добрые чувства.

Можно сказать, что все, что поначалу остается скрытым внутри человека, вскрывается, когда человек пройдет через врата смерти. Также и сон приобретает теперь космическое значение, и также космическое значение приобретает зимняя жизнь. Мы спим каждую ночь, чтобы подготовить себе свет, в котором мы будем жить после

смерти, мы проходим через зимние переживания, чтобы подготовить себе тепловые условия духовно-душевного рода, в которые мы должны вступить после смерти. А в то, что мы подготавливаем себе самим, так сказать, в качестве атмосферы духовного мира, мы вносим следствия наших деяний...

ДУША ЧЕЛОВЕКА И УНИВЕРСУМ

Из лекции в Берлине 20 февраля 1917 г. ПСС т. 175

...Все мы знаем, что, шествуя по земле, мы, люди, несем при себе физическое тело и эфирное тело, астральное тело и я. Каждая из этих приведенных нами двух частей несет в себе опять-таки две, я бы сказал, подчиненные части: более внешний человек — физическое и эфирное тело, более внутренний человек — я и астральное тело. Но мы знаем, что человек будет развиваться. [Современная] Земля закончит свое существование. Далее Земля будет проходить через планетарное развитие Юпитера, Венеры, через Вулкан. Человек будет подниматься со ступени на ступень. К его я, как мы знаем, присоединится в ходе развития более высокая сущность. В нем раскроется Самодух, который вполне раскроется во время развития Юпитера, что последует за нашим земным развитием. Жизнедух полностью раскроется в человеке в период Венеры, а настоящий Духочеловек раскроется в период Вулкана. Глядя вперед навстречу великому космическому будущему человечества, мы смотрим на это трехступенчатое развитие, на Самодух, Жизнедух и Духочеловека. Но все они, как бы ожидающие нас в нашем будущем развитии, находятся в определенном отношении к нам уже сегодня, хотя они еще и совсем не развиты. Ибо они покоятся в лоне божественно-духовных существ, известных нам как высшие иерархии. Они даруются нам этими высшими иерархиями, и мы уже сегодня имеем отношение к этим высшим иерархиям, которые в будущем одарят нас Самодухом, Жизнедухом и Духочеловеком. Так что вместо того, чтобы употреблять сложное выражение "мы имеем отношение к иерархии ангелов", мы можем сказать просто: "Мы имеем отношение к тому, что придет в будущем, к нашему Самодуху". А вместо того, чтобы говорить: "Мы имеем отношение к архангелам", мы скажем: "Мы имеем отношение к грядущему в будущем Жизнедуху".

И действительно, по задаткам - а задатки значат в духовном мире нечто гораздо более высокое, нежели в физическом мире, — мы, люди, являемся чем-то в определенном отношении большим, нежели просто этот четырехчастный человек, состоящий из физического тела,

эфирного тела, астрального тела и я. В зачатке мы уже несем в себе Самодух, а также Жизнедух и, наконец, Духочеловека. Разовьются они у нас позднее, но мы несем их в себе как зачаток. Однако нельзя говорить столь абстрактно, что мы несем их в себе как зачаток. Это "несем в себе" предполагает нечто вполне конкретное, ибо мы имеем встречи, настоящие встречи с этими высшими членами нашего существа. И эти встречи проходят следующим образом.

Как люди мы все больше и больше приходили бы к чувству определенного, тяжело переносимого для современного развития человека отчуждения от всего духовного, если бы не могли время от времени встречаться с нашим Самодухом, который нам еще предстоит развить и который в определенном отношении однороден с существами иерархии ангелов. Так что, говоря в христианском духе, на общепринятом языке, можно также сказать, что мы должны время от времени встречаться с существом из иерархии ангелов, стоящим по отношению к нам особенно близко, так как, встречаясь с нами, это существо совершает над нами духовно то, что когда-нибудь даст нам возможность воспринять Самодух. И мы должны иметь встречу с существом из иерархии архангелов, так как это существо совершает над нами нечто такое, что ведет нас к тому, чтобы в нас когда-нибудь развился Жизнедух и т.д.

Помещаем ли мы это существо в иерархию ангелов в христианском духе или в более античном духе говорим о том, что имели в виду древние, говоря о гении, о руководящем гении человека — это, в сущности, совсем все равно. Мы знаем, что живем в такое время, когда не многим, а лишь малому числу людей (время это скоро станет иным) дано взирать в духовный мир, созерцать вещи и существ духовного мира. Прошло то время — но оно было — когда вообще в гораздо более обширном смысле созерцали существ духовного мира, а также созерцали различные процессы развития духовного мира. И в то время как говорили о гении каждого человека, имели также непосредственное конкретное видение этого гения. Это конкретное видение было еще в не столь отдаленном прошлом настолько сильно, что люди могли описывать его со всей конкретностью, со всей очевидностью, с

очевидностью, которую современное человечество считает поэтическим вымыслом, но которая поэтическим вымыслом не считалась. Так, Плутарх (хотелось бы передать вам это место дословно) следующим образом описывает отношение человека к своему гению. Плутарх, писатель римской эпохи, говорит, что кроме части души, погруженной в земное тело, вне ее, паря над головой человека, остается другая, чистая часть, изображаемая в виде звезды, которая справедливо называется демоном, направляющим человека, и мудрец охотно следует ему. Так конкретно Плутарх описывает то, что он считает не поэтическим вымыслом, а конкретной внешней действительностью. Он описывает столь конкретно, что указывает недвусмысленно, что духовную часть человека можно видеть как бы одновременно с физическим телом, так что нормально духовная часть заполняет то же самое пространство. Но что касается гения, направляющего, ведущего духа человека, то его можно видеть у каждого человека еще как нечто особое вне головы. И Парацельс, один из последних, кто без особого руководства или без особых приготовлений имел твердые сведения об этих вещах, говорил об этом явлении примерно то же самое. Так же считали и многие другие.

Этот гений есть не что иное, как развивающийся Самодух, несомый, правда, существом из иерархии ангелов. Очень важно немного углубиться в эти вещи, ибо с видением этого гения связано особое обстоятельство, и его учатся понимать, имея в виду среди всего прочего (к этим вещам можно было бы подойти и с совсем иной точки зрения, но возьмем одну точку зрения) отношения людей в их взаимном общении между собой. Эти отношения людей в их общении между собой учат нас кое-чему. Отнюдь не чему-либо незначительному они учат нас относительно духовных членов человеческого существа. Когда встречаются два человека и человек может наблюдать эту встречу только своими физическими глазами, он видит, что они, эти люди, приближаются друг к другу, что они, может быть, приветствуют друг друга и тому подобное. Но если человек в состоянии наблюдать процесс духовно, то он увидит, что со всякой человеческой встречей связан, связан в самом деле, духовный процесс, который между прочим состоит в том, что пока два

человека стоят друг подле друга, часть эфирного тела, образующая голову, становится выражением также тончайшей симпатии и антипатии, которые два встретившихся человека несут навстречу друг другу. Допустим, встретились два человека, которые не выносят друг друга. Возьмем крайний случай, ведь это бывает в жизни. Встречаются два человека, которые не в состоянии выносить друг друга, причем это чувство исключительной антипатии у них обоюдное. Тогда образующая голову часть эфирного тела выступает из головы и эфирные головы склоняются друг перед другом. словно продолжительное преклонение головы эфирного человека выявляется антипатия, когда встречаются два человека, которые не в состоянии выносить друг друга. Когда же встречаются два человека, любящих друг друга, замечен сходный процесс, но только эфирная голова отступает назад. И таким образом в обоих случаях, склоняется ли как бы в приветствии эфирное тело вперед, когда люди не могут выносить друг друга, или оно отклоняется назад, когда люди любят друг друга, — в обоих случаях некоторым образом возникает то, что благодаря выделению эфирного тела головы физическая голова становится свободнее, чем это бывает обыкновенно. Все это всегда лишь относительно. Эфирное тело не выделяется целиком, но оно удлиняется и отступает назад, так что видно его продолжение. Но тогда благодаря этому голову наполняет эфирное тело более тонкое, чем когда человек один. Это имеет следствием то, что благодаря наполняющему голову более тонкому эфиру для ясновидческого созерцания становится яснее видимо остающееся на месте в области головы астральное тело. Так что происходит не только это движение эфирного тела, но в действительности происходит изменение астрального света у головы человека. На этом, мои дорогие друзья, — опять-таки не на поэтическом вымысле, а на действительной истине, — основывается то, что людей, способных много любить бескорыстно, надо — если что-либо понимают в этих вещах, — изображать с аурой вокруг головы, именуемой нимбом. Ибо, если встречаются просто два человека, а в любви их сильный оттенок эгоизма, то это явление не столь заметно; если же человек предстает человечеству во мгновения, когда он имеет дело не с собой и своим

личным отношением к другому человеку, а с чем-то человеческим вообще, чем-то, что связано с общечеловеческой любовью, тогда выступают и эти вещи. Тогда в области головы становится сильно видимым астральное тело. И если есть люди, способные ясновидчески созерцать это у какого-либо человека, тогда они видят нимб и им хочется изобразить нимб как реальность или как-нибудь иначе. Эти вещи целиком связаны с объективными фактами духовного мира. Однако то, что здесь объективно присутствует, что является, следовательно, длящейся реальностью в развитии человечества, связано еще и с другим.

Человек действительно должен время от времени вступать в более сердечное общение со своим Самодухом, с Самодухом, который также присутствует, — в зачатке, а не в развитом состоянии, — в астральной ауре, становящейся видимой в том, на что я вам указал, и как бы озаряемой сверху, из будущего. Человек должен время от времени встречаться со своим Самодухом. Когда же это происходит?

Тут мы приходим к первой встрече, о которой должны говорить. Когда она происходит? Она происходит при нормальном сне всякий раз приблизительно посередине между засыпанием и пробуждением. У людей, стоящих ближе к природе, у простых сельских жителей, отправляющихся спать с заходом солнца и, соответственно, встающих с восходом, эта середина сна совпадает опять-таки более или менее с серединой ночи. У человека, оторвавшегося от природных взаимосвязей, это имеет место в меньшей мере. Но человеческая свобода основывается на том, что это возможно. Человек современной культуры может устраивать свою жизнь как хочет, не без некоторого [высшего] влияния на эту жизнь, но устраиваться он может в определенных границах как хочет. Но и в таком случае в середине более долгого сна он все-таки может пережить все то, что называют более сердечным общением (*Zusammensein*) с Самодухом, то есть с духовными качествами, из которых будет взят Самодух, пережить встречу со своим гением. Стало быть, эта встреча с гением имеет место у человека — говоря *cum grano salis** — каждую ночь, то есть во время каждого сна.

* *Cum grano salis* (лат.), здесь — "в известной мере". И это

важно для человека. Ибо чувство удовлетворения относительно нашей связи с духовным миром основывается на том, что эта встреча во сне с гением продолжает оказывать свое последующее действие. Чувство нашей связи с духовным миром, которое мы можем получить в бодрственном состоянии, есть последствие этой встречи с гением. Это первая встреча с высшим миром, о которой сегодня можно говорить как о чем-то поначалу бессознательном для многих современных людей, но что будет все более осознаваться, чем более люди будут замечать ее последующее действие, когда они так утончат свою сознательную бодрственную жизнь в ощущениях, так утончат ее посредством восприятия идей и представлении духовной науки, что душа не будет уже слишком груба для внимательного наблюдения этого последующего действия. В той или иной форме эта встреча с гением часто доходит до сознания каждого человека, только нынешняя материалистическая среда, перегруженность понятиями, проистекающими из материалистического мировоззрения, особенно жизнь, проникнутая материалистическим умонастроением, неспособны позволить душе обращать внимание на то, что создается этой встречей с гением. Созерцание этой встречи с гением каждую ночь будет становиться для людей все более и более естественным просто в виду того, что люди станут более глубокими благодаря более духовным понятиям, нежели те, которые им может дать материализм.

Более высокая встреча, о которой мы должны говорить, — вторая. Видите ли, уже из сделанного мною указания вы можете заключить, что первая встреча, встреча с гением, связана с ходом дня. Если бы мы как менее свободные люди, чем те, какими мы являемся в современной культуре, вели вполне размеренную внешнюю жизнь, то она совпадала бы с полночью. Человек имел бы эту встречу с гением каждую полночь. Но свобода человека основывается на том, что встреча сдвигается, то есть сдвигается встреча я с гением. Гораздо меньше может сдвигаться вторая встреча, ибо то, что больше связано с астральным телом и эфирным телом, сдвигается по отношению к макрокосмическому порядку меньше. То, что связано с я и физическим телом, сдвигается у нынешнего

человека очень сильно. Поэтому вторая встреча уже больше связана с великим макрокосмическим порядком. Эта вторая встреча связана с ходом года так же, как первая связана с ходом дня. И здесь я должен обратить внимание на то, что я уже указывал на эти вещи с иных точек зрения.

Жизнь человека в ее совокупности протекает в течение года неодинаково, человек переживает изменения с течением года. Летом, когда солнце греет сильнее всего, человек предоставлен своей физической жизни и вместе с тем окружающей физической жизни гораздо больше, нежели зимой, когда человеку приходится в известной мере бороться с внешними элементарными влияниями. Когда он предоставлен больше себе, тогда больше освобождается — от него самого и от Земли — и его духовное, и он соединяется со всем своим духовным окружением. Отсюда своеобразное чувство, которое мы связываем с мистерией Рождества и праздником Рождества, отнюдь не есть что-либо произвольное, но оно связано с установлением праздника Рождества. В те зимние дни, на которые помещен праздник, человек, как и вся Земля, в самом деле предан духу. Человек некоторым образом переживает тогда царство, где дух близок к нему. И следствием этого является то, что около Рождества, примерно прежде наступления нашего нынешнего Нового года, человек переживает встречу своего астрального тела с Жизнедухом так же, как при первой встрече он переживает встречу я с Самодухом. И на этой встрече с Жизнедухом покоится близость ко Христу Иисусу. Ибо Христос Иисус выражает себя через Жизнедух. Он выражает себя через существо из иерархии архангелов. Разумеется, Он бесконечно более высокое существо, но дело теперь не в этом, а в том, что выражает Он себя через существо из царства архангелов.

Так что благодаря этой встрече мы в нынешнем развитии, в развитии, идущем со времен Мистерии Голгофы, находимся вблизи Христа Иисуса, и в определенном отношении встречу с Жизнедухом мы можем назвать встречей со Христом Иисусом, происходящей также в глубоких подосновах души. Если теперь человек — путем ли развития духовного сознания в области религиозного углубления и религиозной практики,

путем ли восприятия в дополнение к религиозной практике и религиозному чувству представлений духовной науки, — если теперь человек описанным образом углубит, одухотворит жизнь своих ощущений, тогда так же, как в бодрственной жизни он сможет пережить последующее действие встречи с гением, он переживет последующее действие встречи с Жизнедухом или со Христом. И это, мои дорогие друзья, происходит действительно так, что в период времени, следующий за Рождеством вплоть до Пасхи, складываются особенно благоприятные условия, чтобы довести до сознания встречу человека со Христом Иисусом.

В глубочайшем смысле — и этого нельзя затушевать современной абстрактной материалистической культурой — рождественское время связано с процессами Земли, поскольку человек вместе с Землей переживает рождественское изменение Земли. Срок Пасхи определяется происходящим на небесах. Пасхальное воскресенье должно приходиться на первое воскресенье, наступающее вслед за первым после весеннего равноденствия полнолунием. Следовательно, в то время, как срок Рождества устанавливается земными отношениями, срок Пасхи определяется в направлении сверху вниз. Ибо как верно, что благодаря всему, что мы описали, мы связаны с земными условиями, так верно и то, что тем, что я должен описать теперь, мы связаны с небесными условиями, с великими космически-духовными условиями. Ибо время Пасхи — это в конкретном ходе жизни года такое время, когда все, что вызвано в нас встречей на Рождество со Христом, вновь соединяется с нашим земным физическим человеком. И великая Мистерия, Мистерия Страстной пятницы, позволяющая человеку в настоящем пережить Мистерию Голгофы, имеет наряду со всем остальным еще и то значение, что Христос, который как бы шествует рядом с нами, в описанное мною время более всего приближается к нам — грубо говоря, словно исчезает в нас самих, пронизывает нас, так что после Мистерии Голгофы Он может оставаться при нас, в то время, которое наступает теперь, в летнее время, когда на Иоаннов день люди в древних мистериях хотели соединиться [с Макрокосмом] иначе, нежели это должно происходить после Мистерии Голгофы.

Вы видите, мы являемся в этом отношении микрокосмом, глубоко значительным образом включенным в Макрокосм. И в ходе каждого года происходит встреча (Zusammengehen) с Макрокосмом, связанная, однако, — поскольку протекает в человеке более внутренне, — с жизнью года. Так старается духовная наука постепенно снять для нас покров с того, что человек может усвоить в представлениях, в духовнонаучных представлениях относительно Христа, со времен Мистерии Голгофы пронизывающего нашу земную жизнь.

Я считаю нужным сделать в этом месте вставку, которая важна и которая должна была бы быть хорошо понятой именно друзьями нашей духовной науки. Не следовало бы представлять себе дело так, будто духовнонаучные устремления должны служить заменой религиозной практике и религиозной жизни. Духовная наука может служить — и особенно в отношении Мистерии Христа — в высшей степени поддержкой, опорой религиозной жизни и религиозной практики, но духовную науку не следовало бы превращать в религию. Следовало бы усвоить, что в своей живой жизни, в своем живом осуществлении религия возжигает в человеческом сообществе духовное сознание души. Если духовное сознание живо в человеке, то человек не должен останавливаться на абстрактных представлениях о Боге или Христе, а все снова обновляясь в религиозной практике, в религиозной деятельности, которая может ведь принимать самые различные формы у разных людей, должен пребывать внутри религиозной среды, которая окружает его, которая обращается к нему. И если религиозная среда достаточно глубока, если она находит средства, чтобы достаточно стимулировать душу, тогда душа будет чувствовать уже тоску, будет чувствовать тогда именно тоску по представлениям, которые развиваются в духовной науке. Если объективно духовная наука — это, несомненно, опора религиозного строительства, то в субъективном отношении ныне настало такое время, о котором следует сказать, что теперь человек, ведущий правильную религиозную жизнь, побуждается религиозным чувством также и к познанию. Ибо в религиозном чувстве достигается духовное сознание, в духовной науке — познание духа, как в естествознании — познание природы, духовное сознание же ведет к

стремлению приобрести познание духа. Субъективно можно сказать, что именно глубокая религиозная жизнь может привлечь современного человека к духовной науке.

Третья встреча — та, при которой человек подходит, приближается к истинному Духочеловеку, который должен будет развиваться в совсем отдаленном будущем. В ней посредничает существо из иерархии архаев. Мы можем сказать, что древние, а также еще и современные люди, — только большинство современных людей, говоря о таких вещах, не имеют уже понимание их более глубокой истины,— ощущали и ощущают эту встречу как встречу с тем, что пронизывает мир, что мы едва можем различать в нас самих и в мире, но в чем мы восходим нашим я в мир как в единое целое. И как при второй встрече можно говорить одновременно о встрече с Христом Иисусом, так при третьей встрече можно говорить о встрече с принципом Отца, с тем, что лежит в основе мира, с тем, что — если правильно чувствуешь — чувствуешь как то, что в религиях подразумевалось под Отцом. Эта встреча опять-таки раскрывает наше интимное отношение к Макрокосму, к божественно-духовному универсуму. Ежедневный ход процессов в универсуме, ход мировых процессов включает в себя встречу с нашим с гением. Их годичный ход включает встречу со Христом Иисусом. А протекание всей человеческой жизни, мои дорогие друзья, той человеческой жизни, которая нормальным образом может исчисляться 70 годами жизни патриархов, смыкается со встречей с принципом Отца. Определенное время нашей земной физической жизни мы, благодаря сегодняшнему воспитанию часто бессознательно, но тем не менее подготавливаемся к этому и затем (для людей в возрасте между 28 и 42 годами бессознательно, однако в интимных глубинах души полноценно) переживаем встречу с принципом Отца. Ее последующее действие может войти в дальнейшую жизнь, если мы разовьем достаточно тонкое ощущение, чтобы обращать внимание на то, как последующее действие встречи с принципом Отца разыгрывается в нашей жизни, проистекая из нас самих...

КРУГООБОРОТ ГОДА КАК СИМВОЛ ВЕЛИКОГО

МИРОВОГО ГОДА

Дорнах, 31 декабря 1915 г. ПСС т. 165

Мои дорогие друзья, многое, что хочется сообщить из тайн духовного мира, приходится выражать сначала образно, можно сказать, наполовину образно, но при этом речь идет об образах, которые действительно существуют. Выражать образно то, что я хотел бы дать вам сегодня для вашей дальнейшей медитации, необходимо потому, что если бы мы захотели говорить не в образах, а в понятиях, то пришлось бы прибегнуть к длиннейшим рассуждениям. Каждый же, кто даст место в своей душе тому, что я скажу сегодня, и до известной степени промедитирует это, может прийти и к более глубокому.

Каждый год в это время мы переходим от одного отрезка времени к другому. Разумеется, это может показаться сначала всего лишь удобным распределением времени, но это не так. Ибо люди, которые произвели это распределение времени, глубоко инстинктивно следовали определенным великим законам течения времени. Праздник перехода из одного года в другой отмечается — я говорю, разумеется, о наших странах — в глухую зимнюю пору, когда растения прекратили рост, цветение и принесение плодов. Только некоторые деревья в лесу сохраняют, как говорят, свою вечную зелень во все время зимних снегов. Солнце развивает тогда свою наименьшую силу.

Мы знаем, что во все совершающееся перед нашими органами чувств воткано то, что совершается в духе. Мы знаем, что, проходя по лесу, мы имеем вокруг себя не только деревья с листьями и зеленой хвоей, но что в таинственных глубинах бытия действует и творит духовное и душевное начало. Мы уже привыкли ощущать как указание на подлинно действительное то, на что умные люди смотрят, как на детское суеверие. Нам уже ясно, что в основе всего чувственного, будут ли то твердые вещи или то будут явления, которые могут быть наблюдаемы чувственно, в основе всего лежит духовная деятельность и духовное становление. Так смотрим мы, прежде всего, на безжизненную, как говорят, неорганическую Землю, на все, что находится на ней как минеральное царство; так смотрим мы на все безжизненное. Для внешнего

материалиста это безжизненное есть только безжизненное. Для нас со всем безжизненным связано душевное и духовное, так что мы можем говорить о душевном и духовном всей нашей, так называемой безжизненной, неорганической, чисто минеральной Земли. Конечно, говоря о сознании Земли, мы видим в ее геологически-минеральном не то, что можно было бы сравнить с человеческими мускулами и кровью, но только скелет, то есть ее твердый элемент. Так что, говоря о сознании Земли, мы должны мыслить его связанным со всей Землей, к которой принадлежит не только скелет, но и вода, воздух и так далее, то есть то, что соответствует мускулам и крови. Вся Земля обладает сознанием, сознанием, которое принадлежит ее минеральному царству. Мы не будем останавливаться сейчас на изменениях этого сознания Земли в определенных странах в течение года, мы лишь введем в свою душу представление о том, что вся эта Земля имеет сознание. А теперь обратим наш взгляд от минеральной Земли к тому, что пробивается и произрастает из нее как мир растений.

Рассматривая мир растений с точки зрения духовной науки, мы должны видеть в нем прежде всего некое самостоятельное существо по отношению к нашей Земле. И что совокупность растительного бытия является самостоятельным существом по отношению к Земле, это выступает особенно ярко, когда видишь сознание этих двух сущностей. Мы можем говорить о сознании всей минеральной Земли в целом, но мы можем говорить также о сознании всего растительного мира, развивающегося на Земле. Законы этого сознания, разумеется, иные, чем законы человеческого сознания. И когда мы говорим о сознании растений, то мы можем говорить только об одной определенной территории, так как это сознание меняется соответственно территориям Земли.

Мы, люди, не обращаем внимания на то, что наше сознание и сознание, например, мира растений всей Земли как бы параллельны. Это происходит из-за того, что в паше полное сознание мы включаем только дневное и не берем нашего ночного сознания. Чтобы облегчить наше рассмотрение, скажем просто: во время бодрствования наше я и наше астральное тело находятся в физическом теле. Но я уже указывал, что это касается, собственно,

только нашей крови и нервной системы, а не остальных наших систем. Когда [во время сна] я и астральное тело находятся вне нашей головы, то тогда они тем сильнее погружены в наш остальной организм. Это полная параллель, например, тому, что когда на одной половине Земли — зима, на другой — лето; это также только смена сознания. Но то же самое происходит и в нас. Только мы этого не замечаем, так как у нас, людей, оба сознания не обладают одинаковой ясностью. Они проявляются в нас с различной силой. Ночное сознание есть притупленное, практически для нас даже не существующее сознание, дневное же есть полное сознание другой стороны нашей природы. Наша низшая природа бодрствует ночью, когда наша высшая природа спит, и дело обстоит здесь так же, как и с Землей: когда на одной стороне — зима, на другой — лето; когда на одной стороне — состояние бодрствования, на другой — состояние сна, и обратно.

Так, как я только что изложил и как уже не раз излагал прежде, дело обстоит только относительно мира растений. Мир растений спит для нас в разгар лета, как раз когда он произрастает и живет. Развивая в полной мере свое физическое, он спит. И он бодрствует в полном сознании тогда, когда внешне физически он не совершает никакого развития, когда его физическое развитие отстает назад; тогда растительный мир бодрствует. Так, что мы говорим о всех растениях Земли, как о некотором целом, в этой цельности растительного мира соответствует некоторое сознание. Когда мы говорим об этом сознании, о втором по счету сознании, которое пронизывает минеральное сознание Земли, когда мы говорим об этом растительном сознании, то мы можем сказать о нем в собственном смысле: "В наших странах оно спит в разгар лета и бодрствует в темное время зимой".

Но теперь, в это время, происходит еще нечто иное, мои дорогие друзья. Оба эти сознания, то есть общее сознание Земли, принадлежащее минеральной Земле, и общее сознание растений, оба эти сознания обыкновенно разъединены, это два существа в течение всего года. Но теперь [к Новому году] они уже не только два существа, они пронизывают друг друга, так что одно проникнуто другим в то время года, в котором находимся мы теперь. Теперь, когда один год переходит в другой, минеральные

вещи и процессы нашей Земли и весь растительный мир имеют одно сознание, то есть оба эти сознания проникают друг в друга.

Какого же рода это минеральное сознание Земли, которое, как сказано, мы сегодня не будем рассматривать в его внутренних отличиях, как мы рассматривали сознание растительного мира, которое мы берем бодрствующим зимой и спящим летом? Каково своеобразие этого сознания минералов, сознание Великого Существа Земли?

Ограниченный лишь своими физическими восприятиями, ограниченный рассудком, на который он смотрит как на принадлежащий к этим физическим чувствам, человек сначала не в состоянии ничего знать об этом великом сознании Земли. Но духовная наука может научить нас тому, что, собственно, мыслит это сознание Земли, что оно мыслит так, как мы мыслим минералы, растения, животных, воздух, реки, горы и так далее. Подобно тому, как мы мыслим в нашем обычном дневном сознании, так же мыслит и Земля. Что же она мыслит в своем сознании? Спросим себя сегодня: "Что мыслит Земля?" Мои дорогие друзья, Земля мыслит в своем сознании прежде всего все принадлежащее к ней небесное пространство. Как мы смотрим своими глазами на деревья и камни, так Земля смотрит в своем сознании в небесные пространства и мыслит все то, что происходит в звездах. Земля есть существо, размышляющее о процессах на звездах.

Итак, в минеральном сознании содержится, в сущности, как мысль тайна всего Космоса. В то время как мы, люди, беззаботно ходим по поверхности Земли и думаем только о камнях, на которые натыкаемся, или о чем-либо ином, окружающем наши внешние чувства, Земля размышляет обо всем внешнем Космосе тем сознанием, сквозь которое мы проходим, передвигаясь в пространстве. Ее мысли поистине более величественны и всеобъемлющи, чем наши. И нас, в сущности, необычайно возвышает сознание: ты проходишь не только сквозь воздух, но и сквозь мысли Земли.

Обратимся теперь к другому, к сознанию растений. Растения не могут мыслить так много, как Земля. Сознание, мыслящее сознание растительного мира в

целом, а не отдельного растения, гораздо более ограничено; оно охватывает меньший круг Земли в течение всего года, но только не в эти дни. В эти дни сознание растений едино с сознанием Земли. И благодаря тому, что сознание растений пронизывает сознание Земли, растительный мир узнает в новогоднее время, то есть теперь, звездные тайны, он воспринимает их и обращает их на то, чтобы весной растения могли вновь расцвести согласно тайнам Вселенной и принести цветы и плоды. Ибо в том, как растения несут листья, цветы и плоды, заключена тайна Вселенной. Но во время распускания, цветения и принесения плодов растения уже не могут размышлять об этом. Они могут мыслить об этом только теперь, когда сознание растений соединяется с сознанием минерального мира. Поэтому в духовной науке говорится, что в это время, приблизительно в эту новогоднюю ночь, два кругооборота пронизывают друг друга. И это тайна вообще всего бытия, что кругообороты растений и минералов один раз в году взаимно пронизывают друг друга и затем опять развиваются раздельно, затем опять пронизывают друг друга. Подумайте, как чудесна эта тайна становления: сознание растений и сознание минералов - два потока развития - раздельно проходят они весь год и соединяются в то время, когда один год переходит в другой. И снова идут целый год раздельно, и снова соединяются в новогоднюю ночь. Таково движение кругооборотов в истории.

Теперь от этого процесса, который может наполнить нас глубоким, священным, трепетным чувством перед тайной перехода одного годичного цикла в другой, от этой тайны, которую, я сказал бы, мы непосредственно проходим шагами, перейдем к еще большей тайне. Мы знаем, что мы живем теперь в цикле развертывания души сознательной. Этому циклу предшествовал цикл развертывания души рассудочной или души как таковой; ему предшествовал цикл развертывания души ощущающей и далее мы приходим к развертыванию тела ощущений. И если мы пойдем так далеко назад, что придем к тому времени, когда все человеческое мышление развивается в пределах цикла тела ощущений, так называемого астрального тела, то мы вернемся в пятое тысячелетие до нашего христианского летоисчисления.

Нам предстоит пройти через душу сознательную, через Самодух, и человек будет развиваться дальше. Душа сознательная развивается в наше время главным образом благодаря тому, что человек употребляет свое физическое тело как единственное орудие. Отсюда, как вы слышали это здесь в различных лекциях, наплыв материализма, так как человек пользуется теперь главным образом своим физическим телом. Но придет время, когда он будет пользоваться не только физическим телом — я описывал, как человек будет развиваться далее, — когда он научится снова употреблять свое эфирное тело, свое астральное тело, как он употреблял свое астральное тело некогда в том цикле развития, в котором оно давало основной элемент сознания.

Итак, мы можем сказать, что однажды мы жили на Земле так, что наша душа прошла через соприкосновение ее сознания с сознанием нашего астрального тела. Как на Новый год сознание растений проходит через сознание минералов, так несколько тысяч лет тому назад наша душа прошла через наше астральное тело, через сознание, которое присуще собственно нашему астральному телу. Тогда наша душа в ее сознании и наше астральное тело были едины. Здесь мы возвращаемся на тысячелетия назад, в шестое тысячелетие до нашего летоисчисления. Когда это произошло, человечество праздновало на Земле Новый Год, Великий Новый Год! Как мы имеем теперь Новый Год как взаимное прохождение сознания растений и сознания минералов, так за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления был Новый Год нашей Земли, но ее Великий Мировой Новый Год. Наше душевное сознание соединилось, прошло тогда через астральное сознание нашего тела.

И что это тогда было? Мои дорогие друзья, тогда, за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления, когда наше внутреннее душевное сознание проходило через астральное сознание нашего тела, тогда ограниченное человеческое сознание, какое мы имеем теперь, расширилось подобно тому, как расширяется сознание растений на Новый Год. Как растение взирает в Небеса благодаря тому, что его сознание соединяется с сознанием минералов, так человек созерцал и воспринимал обширную область мудрости, когда за шесть тысячелетий

до нашего летоисчисления его душа соединилась с астральным телом в Мировой Новый Год. Из этого времени исходит то знание, которое впоследствии было утрачено (мы говорили об этом несколько дней назад), когда погибло знание гностиков. Истоки этого знания мы должны искать в Мировом Новом Годе Земли, начавшемся приблизительно за шесть тысячелетий до нашего летоисчисления. Это то знание, из которого черпал Заратустра, знание, чьи последние великие лучи еще озаряли гностиков, от которых, как я уже излагал, остались лишь скудные остатки, пример чего я приводил. Зима Земли, но и Новый Год Земли есть то, к чему мы возвращаемся.

И если вы теперь прибавите к этому те годы, которые истекли от основания христианства, и еще около четырех тысяч лет далее, тогда снова произойдет в том роде, как я только что указал, прохождение нашего душевного сознания через астральное сознание, но только на более высокой ступени. Человек снова вступит в мировое звездное сознание. И мы будем готовиться к нему нашей духовной наукой, чтобы были подготовленные для этого люди.

Мои дорогие друзья, подготовим Мировой Новый Год! А подготавливая Рождественский праздник так, как я указывал здесь при одном из последних рассмотрений, мы подготовим себя правильным образом. По мере того, как рождение духовного знания будет становиться в нас благоговейным Рождественским настроением, мы будем готовиться к Мировому Новому Году, который наступит через двенадцать тысяч лет после старого Мирового Нового Года.

Двенадцать месяцев протекает от одного соединения растительного сознания Земли с минеральным сознанием до другого. Двенадцать тысяч лет протекает от одного Мирового Нового Года до другого, от одного прохождения человеческой души через астральный мир до другого прохождения человеческой души через астральный мир.

Так взираем мы, мои дорогие друзья, в этот святой час из малого Нового Года на Великий Мировой Год, из одного кануна нового года на другой, к которому мы готовимся тем, что пытаемся теперь, в это зимнее время, видеть свет, который естественным, элементарным образом притекает

к человеку как обитателю Земли только в ее Мировой Новый Год. Поистине, мы видим мир в подлинном свете только тогда, когда понимаем то, что нас окружает, не только так, как это представляется нашим внешним чувствам, как понимает это материалистический ум, но когда мы рассматриваем то, что нас окружает во внешнем мире, как символ великих мировых тайн. И когда приходит новогодний вечер, нам может показаться, что к нам приближается как бы вестник из духовного мира и раскрывает нам тайну Нового Года, говоря нам: "Смотри, теперь во тьме и холоде середины зимы сознание растений соединяется с сознанием минералов Земли. И это да будет тебе знаком того, что и Земля имеет свой год, Великий Мировой Новый год, о котором некогда говорил Заратустра, разумея его действительное течение от одного Мирового Нового Года до другого, и который необходимо понять, если хочешь понимать ход развития человечества".

О двенадцати тысячах лет говорит Заратустра. Он имеет в виду двенадцать тысячелетий, о которых сегодня я говорил вам. Он установил земной год, состоящий из четырех промежутков времени, как ход развития земного человечества. Глубоко обосновано это в духовных тайнах.

Поэтому, мои дорогие друзья, пусть из более глубокого понимания нашей духовной науки наши души и наши сердца охватит благоговейное настроение. Пусть в наших сердцах разовьется та внутренняя теплота, которая может прийти к нам, когда в холодную зимнюю ночь мы слышим сначала весть о сошествии на Землю Духа Солнца, а затем о тайне кругооборота года.

Эти тринадцать дней суть дни, в которые сознание растений соединяется с сознанием минералов. И если человек может перенестись в сознание растений, то он может грезить, он может видеть некие тайны, которые тогда на разные лады пронизывают его сердце, подобно тому, как в прошлом году мы дали пройти им через пашу душу в "Песне о сне Улафа Остезона".

А воспринимая это благоговейное настроение, мы найдем, исходя из этого благоговейного настроения, правильное ощущение, правильное чувство для того, к чему мы стремимся в нашем духовном познании. Подготовим этой сердечной теплотой Мировой Новый Год, будем достойно ожидать мирового кануна, который должен

принести Мировой Новый Год, чтобы в следующих воплощениях в совершенно иных земных отношениях, когда наши души переживу! великий день кануна Мирового Нового Года, они пережили бы его так, как они могут пережить его теперь, когда канун малого Нового Года, день, который наступает по истечении двенадцати месяцев, а не двенадцати тысячелетий, становится символом кануна Великого Новогоднего дня.

Мои дорогие друзья, такова тайна нашего бытия! Все в великом таково же, как и в малом, и в малом таково же, как и в великом. И малое, ежегодное, мы понимаем тогда, когда оно является для нас символом великого тысячелетнего события.

Год есть образ эонов. Зоны же суть действительность тех символов, которые выступают перед нами в течении года. Если мы правильно понимаем это течение года, то в эту великую ночь наступающего Нового Года нас наполнит мысль о великих мировых тайнах. Постараемся же настроить нашу душ}' так, чтобы она могла взирать на Новый Год с сознанием: она хочет нести в себе кругооборот года как символ великого мирового кругооборота, заключающего в себе все тайны, через которые божественные существа, пронизывающие мир, проходят вместе с нашими душами от зона к зону, подобно малым богам, прослеживающим таинственное становление растительного и минерального мира в кругообороте отдельного года.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ РУДОЛЬФА

ШТЕЙНЕРА О ВРЕМЕНИ 12 СВЯЩЕННЫХ НОЧЕЙ

"...одно верное древнее воззрение, которое надо только правильно понимать, гласит, что с приближением конца гражданского года, когда наступает время Рождества, приходят те дни, когда становится самым интенсивным наидуховнейшее влияние, какое может быть оказано на человека в земной сфере.

Так быть может как раз в это время, которое на протяжении многих столетий было столь важным и существенным для людей (а в наши дни стало не более, чем временем делать "подходящие подарки"), и мы будем, следуя древнему душевному обычаю, искать прибежища у тех, также древних духовных властей, которые все-таки еще могут оказывать влияние на нашу человеческую судьбу, если мы дадим подействовать на нашу душу всей серьезности, которая существует в отношении духовного мира к человеческому миру!".

Из лекции в Дорнахе 7 декабря 1919 г., ПСС т. 194

"Двенадцать священных ночей являются решающими для жизни и судеб всего предстоящего года. В это время может быть заложен добрый зачаток нашего воления. Особенно решающим будет то, что предпринимаем мы в ночь св. Сильвестра (канун Нового года). В ночь св. Сильвестра нас на несколько мгновений отпускает Дух народа. То, что мы мыслим в это время, охватывается высшими Иерархиями, и в этом заключена сила осуществления".

Высказывание Рудольфа Штейнера в передаче Герберта Гана.

"Уже указывалось на то, что с 24 декабря по 6 января не могут происходить оккультные собрания, при которых применяется ритуал. В исполненные значения тринадцать дней, завершающиеся духовным Рождением Христа, мудрые Учителя удаляются с Востока, чтобы почерпнуть силы, которым они дают нистекать на человечество в остальную часть года и которые для нас являются мудростью, руководствоваться которой надлежит нам".

Из инструктивного урока в Ганновере 31 декабря 1911 г., ПСС т. 265

"...солнце стоит на Рождество ниже всего и снова

начинает свой подъем 25 декабря. В эту ночь Учителя Белой Ложи имеют заседание, во время которого они изливают солнечную силу на тех людей, которые хотят посвятить себя им полностью, хотят отказаться полностью от своей личности и просят дать им для этого силу. Если в этом духе праздновать Рождество, если просить Учителей в этом духе, тогда в этот день 25 декабря они пошлют людям свою силу, так что через них будет действовать Сила Учителей".

Из записи эзотерического урока в Берлине 13 дек. 1905 г., ПСС т.264

ПРИЛОЖЕНИЕ Двенадцать священных ночей

1-я — с 24 на 25 декабря.— Время, когда сознание растений соединяется с сознанием минералов.

2-я — с 25 на 26 декабря. — Время круга 12 архангелов, из которых каждый является представителем одного из 12 аспектов Христа и посреди которых в это время находится Христос.

3-я — с 26 на 27 декабря. — Время познания связанности людей и человечества, так сказать, круга людей.

4-я — с 27 на 28 декабря.— Время, когда души людей могут больше понять друг друга и подойти друг к другу. Это время любви.

5-я — с 28 на 29 декабря. — Сны этого времени носят более социальный характер.

6-я — с 29 на 30 декабря. — Время, когда 9 обетования блаженства в Нагорной проповеди могут оказаться весьма действенными и представляют 9 Христовых импульсов.

7-я — с 30 на 31 декабря.— Время, когда добрые мысли, чувства, слова и деяния особенно действенны.

8-я — с 31 декабря на 1 января.— Самое светлое время духовного Солнца, а также время, когда легче всего упражняться в познании людей и самого себя.

9-я — с 1 на 2 января. — Время, когда можно направить карму во всех отношениях на новые пути.

10-я — с 2 на 3 января.— Время, когда человеческое подсознание и все то, что обыкновенно скрыто под маской, особенно легко может быть поднято в свет дневного сознания и познано во всех истинных аспектах.

11-я — с 3 на 4 января.— В обычное время одно только я человека благодаря воздействию ангела-хранителя выражает стремление человека к добру, но астральное тело при этом автоматически следует старым (дурным) привычкам. Но на Рождество особенно важно, чтобы не только человеческое я, но также и астральное тело обрело склонность обратиться к добру. Это возможно благодаря воздействию круга архангелов со Христом посреди них.

12-я — с 4 на 5 января.— Время умерших, ибо тогда особенно легко вступить с ними в контакт, поддержать их добрыми мыслями и чувствами.

(13-я ночь, с 5-го на 6-е января, завершает и объединяет переживания всех предшествовавших 12-ти ночей).

(Предположительно это разъяснение восходит к В.А. Томбергу).